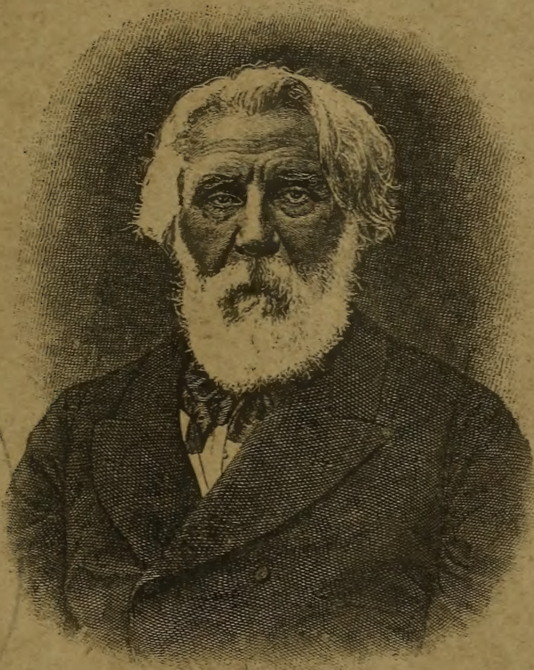
Б. А. МАЙКОВЪ.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ТУРГЕНЕВЪ

Подробный разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся и біографическій очеркъ.

С. Петербургъ.
Продается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова.
1909.

Цѣна 75 коп.

Ѳ. А. Майковъ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ

Подробный разборъ его главнѣйшихъ произведенiй для учащихся и бiографическiй очеркъ.

Часть Первая.

С. Петербургъ.

1909.

Типогр. Акц. Общ. С. Оргельбранда Сыновей.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, который въ числѣ своихъ членовъ насчитывалъ не мало лицъ занимающихъ видное мѣсто на страницахъ русской исторіи. Предки Ивана Сергѣевича слишкомъ 500 лѣтъ тому назадъ выѣхали изъ Золотой Орды въ Московское государство и были приняты на службу ея великими князьями. Родъ Тургеневыхъ далъ Россіи не мало видныхъ представителей, имена которыхъ занимаютъ почетное мѣсто на страницахъ исторіи и литературы. Извѣстенъ, напримѣръ, Петръ Тургеневъ, который всенародно изобличилъ Лжедмитрія I въ самозванствѣ и за это поплатился своей головой. Извѣстенъ Яковъ Тургеневъ, сподвижникъ Петра Великаго, первый отважившійся исполнить царскій указъ: рѣзать ножницами бороды у непокорныхъ бояръ. Видное мѣсто въ родѣ Тургеневыхъ занималъ въ XVIII вѣкѣ Иванъ Петровичъ Тургеневъ ревностный массонъ, человѣкъ выдающихся способностей и рѣдкаго образованія; его дѣти Александръ и Николай Ивановичи пользовались широкою извѣстностью въ русскомъ и европейскомъ обществѣ. Александръ Ивановичъ извѣстенъ, какъ археологъ и историкъ; получилъ онъ образованіе въ Московскомъ, а затѣмъ въ Геттингенскомъ университетѣ, объѣздилъ: Швецію, Германію, Францію, Италію и Англію, всюду осматривая библіотеки и архивы и изслѣдуя источники, касающіеся Россіи. Плодомъ его долголѣтнихъ и усердныхъ трудовъ было изданіе „Historiae Russiae monumenta“, переведенное впослѣдствіи и на русскій языкъ. Александъ Ивановичъ находился въ тѣсномъ знакомствѣ съ выдающимися людьми своего вѣка: съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Воейковымъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Гёте и др.—Онъ былъ членомъ знаме-

нитаго Арзамаса и вмѣстѣ съ членами послѣдняго Жуковскимъ и Воейковымъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи „Собранія образцовыхъ русскихъ писателей“. Братъ его — Николай пріобрѣлъ громкую извѣстность, какъ поборникъ идеи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; своей брошюрой выпущенной въ 1818 г., направленной противъ крѣпостного права, онъ надѣлалъ много шуму въ Европѣ и у насъ и былъ, какъ бы предвозвѣстникомъ безсмертныхъ „Записокъ охотника“. Дѣятельность Александра и Николая Ивановичей Тургеневыхъ навѣрное не была бы забыта русскимъ обществомъ, если бы ихъ не затмилъ извѣстный романистъ Иванъ Сергѣевичъ, находившійся съ ними въ отдаленномъ родствѣ.

Иванъ Сергѣевичъ родился 28 октября 1818 г. въ г. Орлѣ. Отецъ его, Сергѣй Николаевичъ, служилъ въ елизаветградскомъ кирасирскомъ полку и, ведя широкую жизнь кавалерійскаго офицера, сильно поразстроилъ свое состояніе, такъ, что онъ для поддержанія своихъ средствъ вынужденъ былъ вступить въ бракъ съ дочерью богатаго орловскаго помѣщика Варварой Петровной Лутовиновой, не отличавшейся ни красотой, ни образованіемъ. Бракъ этотъ состоялся исключительно по матеріальнымъ расчетамъ и не могъ не оказать сильнаго вліянія на складъ жизни супруговъ и на ту семейную атмосферу, въ которой пришлось жить и развиваться будущему знаменитому романисту и его старшему брату Николаю. Надо замѣтить, что вскорѣ послѣ рожденія второго ребенка, Сергѣй Николаевичъ бросилъ военную службу и поселился въ имѣніи своей жены, въ селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, въ 10 верстахъ отъ г. Мценска Орловской губерніи. Лишенный служебныхъ занятій и обычной атмосферы военной полковой жизни, Сергѣй Николаевичъ убійственно скучалъ въ тиши деревенской жизни и проявилъ со всей силой свой необузданный тяжелый характеръ, отъ котораго подчасъ сильно страдали не только крѣпостные люди, но и жена и дѣти. Деспотическое самовластіе отца, доходившее нерѣдко до самодурства, ложилось тяжелымъ гнетомъ на всю семью, протестовать противъ котораго никто, даже Варвара Петровна не осмѣливался. Въ домѣ Тургеневыхъ царила убійственная, озлобляющая душу атмосфера, созданная русскимъ помѣщикомъ - самодуромъ конца XVIII и первой четверти XIX вѣковъ, она развила въ дѣтяхъ и Варварѣ Петровнѣ мрачную сдержанность въ отноше-

ніяхъ къ Сергѣю Николаевичу, доходившую въ послѣдней до затаеннаго озлобленія.

Чуткая, впечатлительная душа ребенка страдала въ этихъ условіяхъ и научалась скрывать свои страданія отъ глазъ родителей и вообще постронних людей, но тѣмъ сильнѣе были ея страданія, ея сознаніе своего одиночества, отчужденности отъ родителей.

Въ такой тяжелой семейной обстановкѣ, пропитанной всѣми міазмами крѣпостничества, протекли первые года Иванъ Сергѣевича. Въ домѣ Тургеневыхъ держались, разумѣтся, всѣ традиціи старыхъ дворянскихъ родовъ. Къ числу ихъ, какъ извѣстно, принадлежалъ обычай окружать молодое поколѣніе цѣлымъ штатомъ дядекъ и нянекъ. Это самое мы видимъ и въ семьѣ Тургеневыхъ, но наряду съ этимъ существовала мода брать въ домъ къ дѣтіямъ, по выраженію Грибоѣдова, иностранныхъ „учителей полкъ, числомъ поболѣе, цѣною подешевле". Будущій писатель росъ и воспитывался, какъ подобало тогда сыну богатаго помѣщика-дворянина подъ присмотромъ гувернеровъ и учителей—швейцарцевъ и нѣмцевъ. Главное вниманіе было обращено, конечно, на иностранные языки: французскій и нѣмецкій, которыми будущій писатель научился владѣть въ совершенствѣ еще въ дѣтствѣ. Родной же русскій языкъ, какъ то случалось нерѣдко въ то время въ дворянскихъ семьяхъ и что имѣло мѣсто въ воспитаніи первоначальномъ Тургенева, былъ въ загонѣ. Надо замѣтить, что мать писателя была женщина по собственному же замѣчанію Тургенева, вылившаяся всецѣло въ формы конца XVIII и первыхъ десятилѣтій XIX в. в., по своему воспитанію, образованію, сладу ума и міровоззрѣнію вполнѣ подходившая къ женскимъ типамъ Грибоѣдома въ „Горѣ отъ ума". Литературы, напримѣръ, она никакой, кромѣ французской не признавала, о русской же послѣ Пушкина и слышать не желала, творенія же послѣдняго снисходительно считала достойными нѣкотораго вниманія, дѣлая въ этомъ случаѣ невольную уступку общественному мнѣнію и модѣ, съ чѣмъ не могла, конечно, не считаться.

Въ воспитаніи Ивана Сергѣевиче и его брата видна значительная аналогія съ тѣмъ, какъ велось это дѣло родителями другихъ извѣстныхъ русскихъ писателей, напримѣръ Грибоѣдова и Пушкина. И тутъ и тамъ мы видимъ сильный гнетъ со стороны родителей, неумѣніе подмѣтить природныя склонности своихъ дѣтей и выте-

кающее отсюда непониманіе ихъ и пренебрежительное отношеніе къ ихъ дѣтскимъ литературнымъ занятіямъ и вообще къ званію и положенію русскаго писателя. Столь печально въ этомъ отношеніи было дѣтство и Пушкина и Грибоѣдова и Тургенева. Впрочемъ, для совершенно справедливой оцѣнки слѣдуетъ замѣтить, что въ первоначальномъ воспитаніи и Пушкина и Тургенева были и нѣкоторыя счастливыя случайности, какъ напримѣръ, присутствіе въ домѣ Пушкиныхъ старухи-бабушки Марьи Алексѣевны, которая обучала своего внука русской грамотѣ и познакомила его въ устной передачѣ съ многими фактами изъ русской исторіи; другимъ такимъ лицомъ въ домѣ Пушкиныхъ была его няня Арина Радіоновна, пріобрѣвшая благодаря своему геніальному питомцу безсмертіе; она то и познакомила его съ богатымъ сказочнымъ и эпическимъ міромъ русской народной поэзіи; своей личностью она дала поэту великолѣпный матеріалъ для созданія типа няни въ „Онѣгинѣ".

Въ домѣ Тургеневыхъ такою личностью, имѣвшее сильное вліяніе на душу ребенка, былъ тоже крѣпостной человѣкъ, камердинеръ его матери, большой энтузіастъ, любитель русской словесности; онъ то, по собственному замѣчанію Ивана Сергѣевича, и познакомилъ впервые ребенка съ русской литературой, читая ему гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ патетическимъ тономъ произведенія русскихъ ложноклассиковъ. На душу ребенка дѣйствовалъ, надо думать, съ чрезвычайной силой самъ торжественный тонъ чтеца, его благоговѣйное отношеніе къ чтенію и произведенію, его горячая любовъ къ природѣ. Все производило впечатлѣніе на чуткую душу ребенка и оставило въ ней неизгладимые слѣды. Впослѣдствіи Тургеневъ обезсмертилъ своего перваго наставника и учителя родного языка и литературы въ лицѣ Пунина въ извѣстномъ разсказѣ, полномъ художественной простоты и правды подъ заглавіемъ „Пунинъ и Бабуринъ".

Сильное впечатлѣніе произвело также на душу ребенка продолжительное путешествіе Тургеневыхъ за границу, во время котораго они объѣхали всю Германію, Швейцарію и Францію. Рѣзкая разница въ отношеніяхъ людей, въ картинахъ природы не могла не броситься въ глаза впечатлительнаго и наблюдательнаго ребенка и, вѣроятно, не мало содѣйствовала пробужденію въ его умѣ тѣхъ роковыхъ вопросовъ, разработкѣ которыхъ

онъ посвятилъ впослѣдствіи свои лучшія произведенія. Быть можетъ, уже во время этого путешествія въ душѣ ребенка начали складываться элементы его будущаго міровоззрѣнія сдѣлавшаго, какъ извѣстно, Тургенева западникомъ.

Возвратившись изъ заграничнаго путешествія, Тургеневы нѣкоторое время прожили опять въ селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, а въ началѣ 1827 года переселились въ Москву, гдѣ купили себѣ домъ и зажили той жизнью, которая на всѣхъ дворянъ жившихъ въ Москвѣ, накладывала „отъ головы до пятокъ“ извѣстный хорошо „московскій отпечатокъ“. Причиною переселенія изъ деревни въ Москву, по всей вѣроятности, слѣдуетъ считать то, что дѣти уже подросли и наступило время подумать родителямъ дать сыновьямъ образованіе, которое обезпечило бы имъ въ будущемъ карьеру и видное положеніе въ свѣтѣ. Въ этомъ отношеніи домашнее образованіе для юношей считалось недостаточнымъ, а требовалось университетское, такъ какъ только передъ людьми, получившими высшее образованіе открывалась широкая дорога для „чиновъ и орденовъ“. Для этого требовалась, конечно, нѣкоторая подготовка, и съ этою цѣлою Ивана Сергѣевича помѣстили сперва въ частный пансіонъ Вейденгаммера, а затѣмъ пансіонеромъ перевели къ директору Лазаревскаго института Краузе, который выучилъ своего воспитанника англійскому языку. У Краузе Тургеневъ подъ руководствомъ нѣсколькихъ преподавателей, изъ которыхъ нѣкоторые впослѣдствіи пріобрѣли даже громкую извѣстность,—приготовлялся къ вступительному экзамену въ университетъ, выдержалъ его благополучно и въ 1833 г. уже поступилъ на „словесный“ факультетъ, но пробылъ въ Московскомъ университетѣ недолго, такъ какъ старшій его братъ поступилъ на службу въ гвардію въ Петербургѣ и вся семья переѣхала въ новую столицу. Въ Петербургскій же университетъ перевелся и Иванъ Сергѣевичъ, въ которомъ пробылъ съ 1834 года до половины 36 г., окончилъ его со званіемъ дѣйствительнаго студента, а въ слѣдующемъ году, выдержавъ экзаменъ, получилъ степень кандидата. Состояніе русскихъ университетовъ въ научномъ отношеніи было въ то время крайне печальное. Науки въ строгомъ смыслѣ и профессоровъ въ нихъ не было. Были отдѣльныя личности, которыя могли заинтересовать молодыхъ слушателей и пріобрѣсти нѣкоторое вліяніе на ихъ умъ, но такихъ было мало; режимъ Николаевской эпохи далъ

себя чувствоватъ и въ университетской жизни. Недостаточность научной подготовки профессоровъ и постановки науки въ университетахъ сознавалась выдающимися студентами, но приходилось мириться съ существующимъ положенiемъ вещей и доучиваться на сторонѣ. По древнимъ языкамъ, напримѣръ, Тургеневъ бралъ частные уроки у извѣстнаго въ то время въ Петербургѣ преподавателя латинскаго и греческаго язиковъ въ нѣмецкой Петропавловской гимназiи господина Вальтера. То же самое, вѣроятно дѣлали и другiе студенты, кому позволяли средства, но все же этого было мало, и человѣку желавшему основательно познакомится съ состоянiемъ европейской науки, приходилось ѣхать за границу и тамъ доучиваться у нѣмецкихъ, главнымъ образомъ, профессоровъ. Съ этою цѣлью и Тургеневъ въ началѣ 1838 г. отправился въ Берлинъ доучиваться, а вѣрнѣе, знакомиться съ настоящей наукой, такъ какъ у насъ таковой тогда еще не существовало. Путешествiе, которое Тургеневъ совершалъ моремъ чуть не стоило ему жизни, такъ какъ пароходъ, на которомъ онъ ѣхалъ, сгорѣлъ и пассажиры едва спаслись на двухъ уцѣлевшихъ лодкахъ. Этотъ случай Тургеневъ впослѣдствiи изобразилъ въ небольшомъ, но живописномъ разсказѣ „Пожаръ на морѣ“.

Попавъ въ Берлинъ, Тургеневъ принялся усердно посѣщать лекцiи тогдашнихъ знаменитыхъ профессоровъ Берлинскаго университета. Блестящiя по изложенiю и содержанiю лекцiи знаменитаго Вердера привлекли особенное его вниманiе. Вердеръ былъ строгимъ послѣдователемъ философской системы Гегеля и его ученикомъ; онъ излагалъ ее своимъ слушателямъ съ такою ясностью и точностью, какой не имѣли ни одинъ изъ русскихъ послѣдователей этой философской системы. Тургеневъ, такимъ образомъ, познакомился съ ней по первоисточнику, а не въ вольной передачѣ Михаила Бакунина, какъ это случилось съ Бѣлинскимъ. Извѣстно къ чему привело Бѣлинскаго такое знакомство съ философской системой знаменитаго мыслителя въ неправильной передачѣ Бакунина; сколько ложныхъ шаговъ онъ сдѣлалъ благодаря этому неправильному пониманiю теорiи о разумной дѣйстительности, сколько ему пришлось вынести упрековъ и оскорбленiй отъ лучшихъ и ближайшихъ ему людей прежде, чѣмъ онъ поближе познакомился съ этой системой и понялъ ошибочность изложенiя Бакунина.

Тургеневъ счастливо избѣжалъ всего этого, познакомившись съ философіей Гегеля изъ устъ знаменитаго берлинскаго профессора. Вліяніе философіи Гегеля на умы тогдашней молодежи было неизмѣримо; имъ, можно сказать, обуславливалось все міровоззрѣніе западниковъ, и основательное знакомство съ нею не могло не оказать сильнаго вліянія на выработку міровоззрѣнія молодого Тургенева тѣмъ болѣе, что люди, съ которыми онъ сошелся въ Берлинѣ и слушалъ лекціи были всѣ тѣ же русскіе западники. Къ нимъ принадлежалъ знаменитый Михаилъ Бакунинъ, Станкевичъ, Фроловъ, Грановскій и др. Вліяніе этихъ людей окончательно содѣйствовало выработкѣ въ Тургеневѣ того міровоззрѣнія, которое получило общее названіе западничества. Условія русской жизни, какъ впослѣдствіи писалъ самъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ, общественный строй, основанный на крѣпостномъ правѣ и умственный застой вліяли на молодую и впечатлительную душу съ первыхъ же дней сознательной жизни непреодилимое отвращеніе и заставили искать мѣста, гдѣ „свободнѣй всякій дышитъ". Тургеневъ, какъ самъ замѣтилъ, ушелъ съ головой въ „нѣмецкое море" и сталъ западникомъ навсегда. Это западничество было для Тургенева, какъ и для многихъ его даровитыхъ сверстниковъ, естественнымъ результатомъ желанія найти хоть какой-нибудъ исходъ изъ того мрачнаго положенія, въ какомъ находилась тогда вся Россія, а особенно ея лучшіе представители; надо было или покориться существующему порядку, признать его безъ размышленія, даже безъ надежды на размышленіе и оцѣнку его, а смиренно брести по избитой колеи, по которой двигались тысячи и милліоны лицъ „дошедшихъ до степеней извѣстныхъ" и тѣхъ, кто боялся „смѣть свое сужденіе имѣть", — или отвергнуть все разомъ, оттолкнуть отъ себя всѣхъ и вся, рискуя при этомъ потерять не только много на своей родинѣ, но чуть ли не все, что дорого сердцу человѣка. Съ такими мыслями и настроеніемъ возвратился Тургеневъ около 1841 г. въ Москву, побуждаемый съ одной стороны семейными дѣлами, а съ другой желаніемъ выдержать экзаменъ на званіе магистра философіи и занять каѳедру въ университетѣ въ столицѣ, но увы! злая насмѣшка судьбы! о профессорской дѣятельности нечего было было и думать, такъ какъ каѳедра философіи въ Московскомъ университетѣ была упразднена, и экзаменоваться было не у кого. Въ этотъ пріѣздъ Тургеневъ познакомился въ Москвѣ съ

выдающимися русскими славянофилами: Аксаковыми, Киръевскимъ, Хомяковымъ, однако, признавая за названными лицами большія личныя достоинства, Тургеневъ все же отнесся отрицательно къ славянофильству; удовлетворить его оно не не могло хотя бы и потому, что было въ то время еще чѣмъ-то неопредѣленнымъ расплывчатымъ, такъ какъ только что зараждалось и не могло замѣнить болѣе стройнаго и законченнаго міровоззрѣнія западниковъ. Тургеневъ немедленно примкнулъ и даже близко сошелся съ тѣмъ московскимъ кружкомъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ, во главѣ котораго стояли Грановскій и Герценъ.

„Нѣмецкое море" спасло Тургенева отъ житейской тины, навсегда сохранило въ его сердцѣ горячую любовь къ свѣту и добру, сохранило пылкую любовь къ родинѣ и къ лучшимъ ея силамъ стремленіямъ,—тѣсное знакомство и связь съ кружкомъ идеалистовъ, въ особенности Герценомъ еще болѣе укрѣпили это вліяніе, а съ другой стороны сдѣлали то, что Тургеневъ, не взирая на самыя тяжелыя условія, въ какихъ тогда стояла русская литература,—всей душей отдался литературной дѣятельности, которая въ то время была единственной для интеллигентнаго человѣка, желавшаго посвятить свои силы общественной полезной работѣ. Первые литературные шаги Тургенева относятся впрочемъ къ болѣе раннему періоду, именно ко времени пребыванія его на послѣднемъ курсѣ Петербургскаго университета, но на эти литературные опыты Тургеневъ и самъ не смотрѣлъ серьезно. Кто въ то время на университетской скамьѣ не пописывалъ стиховъ и не мечталъ стать Шекспиромъ?

Первыя литературныя произведенія, заслужившія благосклонное вниманіе публики и критики написаны Тургеневымъ и стали появляться въ печати съ конца 41 года, а уже въ 43 году онъ выпустилъ въ свѣтъ цѣлую поэму „Параша", которой Бѣлинскій посвятилъ сочувственную статью, что вызвало ихъ знакомство и дружбу. Тургеневъ открыто примкнулъ теперь къ тому кружку русскихъ писателей, которые группировались около Бѣлинскаго и редактируемаго имъ журнала „Отечественные записки", въ составъ этого кружка входили Панаевъ, Языковъ, Кульчицкій, Анненковъ и др., къ нимъ же одно время принадлежали Бакунинъ и Герценъ, а позже Кавелинъ, Некрасовъ, Григоровичъ и Гончаровъ. Знакомство съ кружкомъ писателей подѣйствовало на Тургенева въ томъ отношеніи, что вызвало у него цѣлый

рядъ литературныхъ произведенiй послѣдовавшихъ вскорѣ одинъ за другимъ. Такъ въ 1843 году появилось въ „Отечественныхъ запискахъ“ драматическая поэма „Неосторожность“; въ слѣдующемъ 1844 г. тамъ же появилась первая повѣсть „Андрей Колосовъ“; затѣмъ въ 1845 г. въ „Финскомъ вѣстникѣ“ опять поэма „Разговоръ“, потомъ другая „Помѣщикъ“ и повѣсть „Три портрета“. Въ 1846 г. появилась опять въ „Отечественныхъ запискахъ“ повѣсть Тургенева „Бретеръ“. Послѣднія двѣ повѣсти чрезвычайно понравились публикѣ и вызвали шумныя толки со стороны критики, однако самъ авторъ остался недоволенъ своими первыми литературными трудами и готовъ былъ уже бросить навсегда перо, какъ вдругъ Панаевъ и Некрасовъ обратились къ нему съ просьбой приготовить что-нибудь для открываемаго журнала „Современника“ вышла въ 1847 г.; въ ней рядомъ съ маленькимъ разсказомъ Достоевскаго „Романъ въ десяти письмахъ“ былъ помѣщенъ и разсказъ Тургенева „Хорь и Калинычъ“, первый изъ цѣлой серiи послѣдовавшихъ всѣхъ за нимъ разсказовъ изъ крестьянскаго быта и составившихъ „Записки охотника“. Въ нихъ Тургеневъ уже очевидно, вступаетъ на новую дорогу; онъ навсегда оставляетъ стихи и исключительно обращается къ разсказу и повѣсти, изображая въ нихъ жизнь крѣпостныхъ крестьянъ съ ея нуждами, страданiями, печалями и рѣдкими радостями. „Записки охотника“ были встрѣчены единодушными восторженными отзывами публики и критики. Всѣ вдругъ заговорили о новыхъ произведенiяхъ молодого автора,—каждый читатель хотѣлъ узнать, чье имя скрывается подъ двумя таинственными буквами, которыми были подписаны разсказы Тургенева въ „Современникѣ“. Секретъ разумѣется, долго оставаться нераскрытымъ не могъ, и вскорѣ всѣ узнали, что подъ буквами Т. Л. скрывается Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Съ этого момента имя его стало извѣстно и дорого для каждаго русскаго читателя. Съ этого времени начинается тотъ громкiй успѣхъ, произведенiй Тургенева, который вскорѣ поставилъ его на первое мѣсто среди нашихъ писателей 40-хъ и 50-хъ годовъ. Вручивъ Панаеву для „Современника“ первый разсказъ „Хорь и Калинычъ“, Тургеневъ не думалъ вовсе о его успѣхѣ и неуспѣхѣ. Недовольный, какъ уже было упомянуто выше, своей прежней литературной дѣятельностью, онъ думалъ вовсе бросить писательство и покинуть навсегда или, по крайней мѣрѣ, на продолжительное время родину

и уѣхать за границу. Неожиданный успѣхъ „Хорь и Калиныча“ возвратилъ его литературной дѣятельности, но не остановилъ отъ поѣздки за границу. Ничто не могло примирить Тургенева съ жизнью на родинѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ; при одной мысли, что до гробовой доски придется выносить гнетъ, сковывавшій въ этотъ періодъ царствованія всю Россію, молодой писатель впадалъ въ тоску и полную апатію. Смерть Бѣлинскаго послѣдовавшая въ 48 г. окончательно повліяла на Тургенева въ смыслѣ приведенія въ исполненіе давно задуманнаго плана покинуть Россію. Сознаніе, что онъ никогда не увидитъ родины вызывали въ душѣ писателя грустныя чувства, что невольно отразилось на большей части разсказовъ изъ „Записокъ охотника“, написанныхъ преимущественно въ Парижѣ. Особенно замѣтно это грустное настоеніе въ описаніяхъ природы. Чувство затаенной нѣжной грусти такъ и сквозитъ въ этихъ описаніяхъ, которыя Тургеневъ, такъ же какъ и Гоголь „Мертвыя души“, писалъ „изъ прекраснаго далека“. „Русь! Русь! вижу тебя изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу“ восклицаетъ авторъ „Мертвыхъ душъ“ въ послѣдней главѣ первой части своей поэмы. Тѣ же самыя слова и при томъ съ вполнѣ такою же искренностью могъ бы произнести Тургеневъ прощаясь и желая своимъ читателямъ всякого благополучія въ концѣ послѣдняго разсказа изъ „Записокъ охотника“.

Намѣренію Тургенева навсегда остаться за границей не суждено, однако было исполниться. Дѣло въ томъ, что въ концѣ 1850 года скончалась его мать и извѣстіе о ея смерти заставило Тургенева вернуться на родину, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла по наслѣдству. Пріѣхавъ со своимъ братомъ Николаемъ въ родовое имнѣніе, онъ, по его собственнымъ словамъ, немедленно отпустилъ дворовыхъ на волю, пожелавшихъ крестьянъ перевелъ на оброкъ, всячески содѣйствовалъ успѣху общаго освобожденія, при выкупѣ вездѣ уступилъ пятую часть—и въ главномъ имѣніи не взялъ ничего за усадебную землю, что составило крупную сумму.

Во время этого же пріѣзда Тургенева въ Россію его постигла крупная непріятность со стороны властей. Надо замѣтить, что, ставши послѣ смерти своей матери вполнѣ матеріально обезпеченнымъ человѣкомъ, Тургеневъ задумалъ собрать всѣ разсказы изъ крестьянскаго быта, напечатать ихъ и издать отдѣльной книжкой, что и привелъ въ исполненіе въ началѣ 52 г. въ Москвѣ.

Это изданіе содѣйствовало распространенію извѣстности автора, но съ другой стороны, возбудило по отношенію къ нему въ оффиціальныхъ сферахъ сильное неудовольствіе. Представители такъ называемой „оффиціальной народности“, видѣвшіе въ крѣпостномъ правѣ и во всемъ основанномъ на немъ общественномъ строѣ незыблемый фундаментъ всей государственности, сразу же почувствовали въ молодомъ авторѣ своего злѣйшаго врага. Долговременное пребываніе за границей и знакомство съ подозрительными личностями съ точки зрѣнія „оффиціальныхъ народниковъ“ усиливали это неудовольствіе, принявшее наконецъ вслѣдствіе извѣстнаго письма Тургенева въ 1852 г. по поводу смерти Гоголя, вполнѣ реальное значеніе для автора „Записокъ охотника“ онъ былъ на мѣсяцъ посаженъ на „съѣзжую“, а по выходѣ оттуда высланъ административнымъ порядкомъ безъ права выѣзда на жительство въ свою деревню Спасское, что впрочемъ, не помѣшало ему за время своей ссылки побывать нѣсколько разъ въ Москвѣ. Эта ссылка продолжившаяся до конца 1854 года повліяла благотворно на развитіе литературнаго таланта Тургенева. Вынужденное уединеніе заставило его сосредоточиться на умственномъ трудѣ, а съ другой стороны благодаря пребыванію подъ арестомъ сблизила его съ такими сторонами русскаго быта, которыя при другихъ условіяхъ, по собственному замѣчанію Тургенева, ускользнули бы отъ его вниманія. Нѣтъ сомнѣнія, что талантъ его за это время окончательно окрѣпъ и развился. Результатомъ пребыванія Тургенева въ деревнѣ и его трудовъ былъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ важнѣйшими были повѣсти: „Два пріятеля“, „Затишье“, „Яковъ Пасынковъ“, „Постоялый Дворъ“, и нѣсколько легкихъ статей и замѣтокъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ промежутокъ времени между 1851—1855 годомъ въ различныхъ періодическихъ журналахъ.

Весною 1855 г. Тургеневъ, по ходатайству графа Александра Толстого и другихъ вліятельныхъ лицъ, освобожденный уже отъ ссылки получилъ разрѣшеніе совершить заграничное путешествіе и отправился въ западную Европу, гдѣ соединился снова со своими заграничными друзьями, разлученными продолжительной ссылкой. Съ этого же времени стали появляться въ печати одинъ за другимъ дрогоцѣннѣйшіе плоды его художественнаго творчества. Близко познакомившись съ жизнью различныхъ классовъ русскаго общества и съ бытомъ самыхъ

большихъ и культурныхъ центровъ западной Европы, Тургеневъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ очень производителенъ. Въ 1856 году появился въ печати „Рудинъ“ и „Фаустъ“; въ 1858 г. „Ася“ въ слѣдующемъ, 59 „Дворянское гвѣздо“, а въ 60 „Наканукѣ“ и „Первая любовь“; послѣднее произведеніе Тургеневъ считалъ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ своихъ повѣстей.

Проводя время за границей въ различныхъ европейскихъ центрахъ, Тургеневъ все же чутко прислушивался къ тому, что дѣлалось на родинѣ и его сердце билось усиленнымъ темпомъ всякій разъ, какъ долетали печальныя или радостныя вѣсти о жизни родной страны. Зимой 1858 года въ Римъ, гдѣ находился тогда Тургеневъ и другіе русскіе писатели, — стали явственно доноситься слухи изъ Россіи о намѣреніи русскаго правительства освободить крестьянъ. Тургеневъ при этихъ слухахъ сейчасъ же воспрянулъ духомъ. Желая честно исполнить гражданскій долгъ передъ отечествомъ, — Тургеневъ немедленно составляетъ проектъ основанія новаго журнала въ Россіи, съ привлеченіемъ всѣхъ лучшихъ силъ родной земли къ участію въ немъ съ тою цѣлью, чтобы итти на встрѣчу правительству и содѣйствовать ему въ предпринимаемой освободительной реформѣ. Главными средствами въ этой работѣ Тургеневъ признавалъ литературу и публицистику. Кружокъ русскихъ лицъ, жившихъ въ то время въ Римѣ, раздѣлялъ взглядъ Тургенева и одобривъ его проектъ, поручилъ ему разработать программу предполагаемаго журнала. Проектируемый журналъ Тургеневъ предполагалъ посвятить исключительно разработкѣ и всестороннему освѣщенію всѣхъ вопросовъ. касающихся устройства будущаго свободнаго крестьянина и всѣхъ послѣдствій могущихъ возникнуть изъ освободительной реформы. Съ выработаной Тургеневымъ программой въ Петербургѣ отправился кн. Черкасскій, но тамъ проектъ не встрѣтилъ одобренія, и, такимъ образомъ, попытка основать журналъ не получила практическаго осуществленія.

Въ 1861 году, благодаря встрѣчѣ съ какимъ-то провинціальнымъ докторомъ въ Россіи, случившейся нѣсколько раньше, у Тургенева впервые мелькнула мысль создать произведеніе, въ которомъ представить старое и молодое поколѣніе. Въ 1862 году романъ уже былъ готовъ и появился на страницахъ „Русскаго вѣстника“ подъ заглавіемъ „Отцы и дѣти“. Появленіе этого романа было чревато для Тургенева послѣдствіями. И ста-

рое и молодое поколѣніе бросилось наперерывъ его читать, но похвалъ въ это время на долю автора досталось мало, а больше непріятностей и даже оскорбленій. Цѣлый градъ рѣзкихъ упрековъ посыпался на голову Тургенева со стороны консерваторовъ и въ печати и въ обществѣ, которые упрекали его въ сочувствіи нигилистамъ, въ заигрываніи съ молодежью и „кувырканіи“ передъ ней, а молодое поколѣніе обвиняло Тургенева въ сознательномъ извращеніи стремленій молодежи, въ клеветѣ и видѣло въ романѣ измѣну дѣлу свободы. По поводу появленія „Отцовъ и дѣтей“ произошло у Тургенева рѣзкое объясненіе съ Герценомъ, окончившееся оскорбленіемъ со стороны послѣдняго автора и полнымъ разрывомъ. Впрочемъ, этимъ дѣло далеко не кончилось. „Отцы и дѣти“ вызвали окончательный разрывъ Тургенева и съ Некрасовымъ, Добролюбовымъ и другими лучшими представителями русской мысли. Тургеневъ былъ внѣ себя; онъ пробовалъ было оправдываться, но его не слушали, не понимали, не желали понимать. Грусть тоска овладѣли его сердцемъ, которыя онъ вылилъ въ чудномъ лирическомъ произведеніи „Довольно“, твердо постановивъ никогда уже не брать пера въ руки для литературной работы. Однако потребность творчества была столь велика въ Тургеневѣ, что онъ не выдержалъ. и въ 1867 г. въ мартовской книжкѣ Русскаго Вѣстника появился опять его романъ „Дымъ“, вызвавшій подобно „Отцамъ и дѣтямъ“ оживленные толки въ литературѣ и публикѣ, причемъ дѣло опять не обошлось безъ упрековъ и нападокъ на автора, будто онъ отсталъ и не понимаетъ русской современной жизни. На этотъ разъ Тургеневъ отнесся уже къ литературнымъ толкамъ и крикамъ гораздо спокойнѣе и не выражалъ намѣренія оставить литературную дѣятельность, а напротивъ усердно работалъ, собирая матеріалъ для своихъ будущихъ произведеній.

Съ 1868 года Тургеневъ оставилъ свое сотрудничество въ Русскомъ Вѣстникѣ, не желая подвергать свое творчество стѣсненіямъ со стороны редакціи журнала. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ появились одно за другимъ слѣдующія произведенія Тургенева: „Бригадиръ“, „Несчастная“, „Странная исторія“, „Степной королъ Лиръ“, „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“, „Казнь Тропмана“ и др. Всѣ они были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“.

Начало франко-прусской войны застало Тургенева

за границей, именно въ Баденъ-Баденѣ, откуда онъ съ семействомъ Віордо перебрался въ Бужеваль близъ Парижа, гдѣ съ незначительными перерывами для поѣздокъ въ Россію оставался до самой смерти.

Вращаясь въ средѣ высшаго французскаго общества, Тургеневъ пріобрѣлъ громкую извѣстность, какъ писатель у всей читающей Европы и знакомство съ выдающимися литературными силами Франціи и Англіи. Онъ близко сошелся съ Густавомъ Флоберомъ, Альфонсомъ Додэ, Ожьэ, Золя и Гюи-де-Мопосаномъ, а изъ англійскихъ писателей съ поэтомъ Теннисономъ и знаменитымъ Дольтономъ. Въ 1877 году появилось опять большое произведеніе Тургенева романъ „Новь“, вызвавшій, какъ и все, что выходило изъ подъ пера маститаго писателя, цѣлую бурю толковъ и споровъ въ критикѣ и публикѣ. Дѣйствіе этой бури было такого, что Тургеневъ въ теченіе трехъ лѣтъ ничего не писалъ, но это же обстоятельство хорошо подѣйствавало на взаимныя отношенія автора и русской читающей публики; трехлѣтній періодъ подѣйствовалъ на послѣднюю отрезвляющимъ образомъ; публика, наконецъ, взглянула на произведенія Тургенева объективно, отдѣлила отъ разбора произведеній личность творца ихъ, и эта личность тогда предстала предъ глазами изумленной публики окруженная обоятельнымъ дисскомъ нравственной чистоты и любви къ родинѣ, окруженная громкой и почетной извѣстностью во всѣхъ культурныхъ центрахъ Европы, понятой и въ холодной Англіи, и въ страстной Франціи, и въ разсудочной Германи. Сородичи, какъ бы устыдились своихъ отношеній къ Тургеневу и всячески старались загладить прошлое. Произошло полное примиреніе. Въ 1879 году Тургеневъ прибылъ въ Россію и пріѣздъ его послужилъ поводомъ къ безчисленнымъ горячимъ оваціямъ по его адресу со стороны русской молодежи. Въ послѣдній пріѣздъ Тургенева въ Россію въ 1881 году оваціи эти приняли прямо грандіозные размѣры во время такъ называемыхъ „Пушкинскихъ дней“ въ Москвѣ. Здѣсь на долю знаменитаго романиста въ дни 6—8 іюля выпали такія почести и пріемы, которые далеко превзошли чевствованія его въ прошлый пріѣздъ въ обоихъ столицахъ. Московскій университетъ въ день торжественнаго открытія памятника Пушкину избралъ Тургенева въ число своихъ почетныхъ членовъ какъ бы соединяя такимъ образомъ имена двухъ великихъ представителей русской литературы въ ея прошломъ и настоящемъ.

Англійскіе друзья Тургенева и почитатели его таланта не пожелали отстать отъ русской публики. Въ 1881 году въ Лондонѣ былъ устроенъ въ честь романиста банкетъ и въ знакъ особеннаго уваженія былъ приподнесенъ ему дипломъ на званіе доктора обычнаго права Оксфордскаго университета. Однако заслуженной славой и почетомъ Тургеневу не долго пришлось пользоваться. Съ 1881 года стали появляться въ газетахъ тревожные слухи о здоровьѣ маститаго писателя. Упорная болѣзнь не поддававшаяся діагнозу и лѣченію всѣхъ парижскихъ знаменитостей стала усиливаться послѣ послѣдней поѣздки Тургенева въ Россію, однако прикованный къ мѣсту, онъ продолжалъ работать и за этотъ періодъ подарилъ русской публикѣ въ 1881 году изящную новеллу „Пѣснь торжествующей любви“ и повѣсть „Отчаянный“. Въ 1882 г. появились „Стихотворенія въ прозѣ“ и „Клара Миличъ“, а въ 1883 г. наканунѣ смерти Тургеневъ продиктовалъ по французски „Пожаръ на морѣ“, переведенный при немъ же на русскій. Умирая, Тургеневъ думалъ и заботился о родинѣ и русской литературѣ, о чемъ можетъ свидѣтельствовать его предсмертное письмо, написанное къ Льву Толстому, въ которомъ умирающій писатель умолялъ Толстого возвратиться къ литературной дѣятельности, придавая ей огромное общественное значеніе. Такимъ образомъ писатель, нѣсколько разъ собиравшійся положить перо и не возвращаться къ литературной дѣятельности, умеръ съ мыслію о родной литературѣ.

Скончался Тургеневъ 22 августа 1885 г. въ Буживалѣ близъ Парижа. Тѣло его немедленно было перевезено въ Россію и похоронено на Волковомъ клидбищѣ. Встрѣча и проводы траурнаго вагона, въ которомъ везли останки маститаго романиста, на всѣхъ центральныхъ станціяхъ и торжественное, величественное шествіе съ безконечнымъ множествомъ вѣнковъ въ Петербургѣ при перенесеніи праха его на Волково кладбище,—доказали, что русская публика оцѣнила своего писателя, чтитъ его память и чувствуетъ всю силу этой утраты.

Тѣло Тургенева покоится на Волковомъ кладбищѣ, съ лѣовой стороны соборной церкви, рядомъ со своимъ старымъ другомъ К. Д. Кавелинымъ.

Записки охотника.

Общественное и литературное значеніе дѣятельности Тургенева ясно обозначилось лишь во второй періодъ, т. е. съ появленіемъ перваго разсказа изъ цѣлой серіи, получившихъ впослѣдствіи общее заглавіе „Записки охотника“, поэтому слѣдуетъ начать разборъ его произведеній именно съ этого второго періода.

Эпоха, въ которую Тургеневъ выступилъ на литературную арену со своими „Записками охотника“, была мрачнымъ, тяжелымъ временемъ реакціи. Безпросвѣтная, удушливая тяжелая мгла спустилась надъ русскимъ обществомъ и окутала всю русскую жизнь. Въ ней не было проблеска, ни одного свѣтлаго луча, сама надежда, казалось, гибла въ этой одуряющей мертвой атмосферѣ. Гнетъ цензурно-полицейскаго режима охватывалъ всѣ стороны русской жизни и простирался все дальше и дальше на Западъ. Среди такой безпросвѣтной мглы лишь очень незначительная горсточка людей, составлявшихъ цвѣтъ русской интеллигенціи, поддерживала съ большимъ трудомъ слабо мерцавшій огонекъ общественнаго идеализма, Этому огоньку суждено было впослѣдствіи разгорѣться свѣтлымъ яркимъ пламенемъ и озарить своимъ ослѣпительнымъ блескомъ всю родную страну и разлиться широкимъ потокомъ по самымъ отдаленнымъ ея закоулкамъ. Только благодаря стараніямъ и поддержкѣ этой незначительной горсточки людей огонь

этотъ не потухъ; люди эти, идеалисты извѣстны подъ общимъ названіемъ „людей сороковыхъ годовъ"; благодаря указаннымъ внѣшнимъ условіямъ тогдашней русской жизни, люди эти не имѣли никакой возможности принимать активное участіе въ судьбахъ родной земли; имъ приходилось быть лишь молчаливыми свидѣтелями застоя и бюрократической вакханаліи, или же, кто не могъ примириться съ мыслью быть заживо погребеннымъ — покинуть родину и поискать гдѣ-нибудь въ Европѣ мѣстечко, „гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ". Однако, покидая даже родину навсегда или на время, до лучшаго будущаго, идеалисты сороковыхъ годовъ не переставали о ней думать и всей душой рваться къ ней изъ своего „далека", а многіе изъ нихъ оставались на родинѣ и, какъ вѣрные часовые поддерживали своимъ ободряющимъ словомъ и любовью надежду и вѣру на лучшее будущее въ робкихъ сердцахъ; въ общемъ съ этими людьми, всякій падающій душою человѣкъ сохраняющій въ себѣ чувство „святого недовольства", находилъ неизсякаемый источникъ нравственнаго просвѣтленія и душевной бодрости. Къ этой группѣ идеалистовъ тѣсно примкнулъ и Тургеневъ. Чуткая и внимательная душа Ивана Сергѣевича къ проявленіямъ общественной несправедливости, его непоколебимая вѣра въ идеалы свободы и просвѣщенія, его неподдѣльная любовь къ нимъ,—сдѣлали его непримиримымъ врагомъ всякаго гнета, во всѣхъ проявленіяхъ жизни; онъ тѣмъ сильнѣе ненавидѣлъ этотъ гнетъ, что въ дѣтскихъ еще годахъ самъ подвергался многимъ стѣсненіямъ и страдалъ отъ деспотическаго обращенія съ нимъ отца и матери. Природный умъ и солидное образованіе позволили Тургеневу разобратся въ истинныхъ причинахъ всего существующаго на Руси зла, и сознательное чувство отвращенія и негодованія противъ коренного зла русской жизни принудили его преобразиться изъ художника-созерцателя, какимъ былъ онъ по своей натурѣ,—въ художеника-публициста. Первые серьезные плоды своего творчества

Тургеневъ посвящаетъ наиболѣе больному вопросу въ тогдашней русской жизни. Шагъ этотъ былъ подсказанъ ему его нравственнымъ долгомъ и, исполняя этотъ долгъ, Тургеневъ значительную часть своего блестящаго таланта отдаетъ борьбѣ съ крѣпостничествомъ. Шагъ этотъ былъ удивителенъ по своей силѣ и значенію, такъ какъ крѣпостное право, было основой всего русскаго государственнаго и общественнаго строя, т. е. считалось таковымъ — въ офиціальныхъ сферахъ и въ посягательствѣ на крѣпостное право эти офиціальныя сферы вполнѣ естественно со своей точки зрѣнія видѣли посягательство на основы государственности. Ходъ и развитіе будущихъ событій со всею ясностью обнаружили всю ошибочность такого взгляда; крѣпостное право было отмѣнено, а основы русской государственности отъ этого не только не расшатались, а даже напротивъ, укрѣпились. Взглядъ Тургенева на крѣпостничество былъ совершенно иной; онъ любилъ свою родину и въ крѣпостномъ правѣ видѣлъ не основу государства, не залогъ спокойнаго процвѣтанія и развитія страны, а обратно— зологъ паденія т. е. выдѣлъ въ крѣпостномъ правѣ корень и начало всѣхъ золъ на Руси. Тургеневъ понималъ все это, но выразить рѣзкій протестъ въ то время было немыслимо уже по однимъ внѣшнимъ условіямъ, о которыхъ было сказано выше, поэтому то „Хорь и Калиничъ“ и цѣлый рядъ послѣдовавшихъ очерковъ изъ „Записокъ охотника“ не заключаетъ въ себѣ рѣзкаго протеста противъ существующаго общественнаго зла, а отмѣчены печатью поющей тоски и грусти, щемящей сердце читателю и въ то же самое время преисполнены чарующей поэзіей, которая не отвлекаетъ, однако вниманіе читателя отъ содержанія разсказовъ, не закрываетъ ихъ истинное значеніе, а напротивъ сильнѣе дѣйствуетъ на него, заставляя одновременно напрягаться умъ и чувство. Поэтому искреннее гуманное чувство, которымъ проникнуты „Записки охотника“, такъ сильно передается читателю и такъ сильно на него дѣйствуетъ, воз-

буждая одновременно въ немъ благороднѣйшія движенія ума и сердца.

Не прибѣгая ни къ какимъ спеціальнымъ эффектамъ, не выходя изъ рамокъ небольшого разсказа, не мѣняя ни разу даже самой литературной формы, Тургеневъ только одною силою художественной правды, въ которой нашла себѣ изображеніе горькая дѣйствительность, воспроизвелъ почти полную картину русскаго крѣпостничества и при томъ не въ одномъ какой-нибудь опредѣленный историческій моментъ, а въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Своими очерками Тургеневъ сумѣлъ пробудить въ сознаніи современниковъ глубокое состраданіе къ своимъ сермяжнымъ героямъ, запачканнымъ въ земляной пыли и облитымъ потомъ; подъ ихъ невзрачною внѣшностью онъ отрылъ человѣческую личность, оскорбленную въ самыхъ элементарныхъ своихъ правахъ; онъ заставилъ другихъ сильно призадуматься и если не признать крѣпостныхъ людьми, то, во всякомъ случаѣ, перестать ихъ считать „instrumentum vocale". Передъ глазами читателя въ „Запискахъ охотника" проходитъ длинная вереница лицъ, изъ которыхъ всѣ положительно, начиная съ самоувѣреннаго и дальновиднаго Хоря и кончая „изъ глупыхъ глупымъ" Филоѳсемъ (Стучитъ!) обладаютъ такою же способностію къ страданію и къ радости, какая свойственно всѣмъ вообще людямъ, къ какому бы общественному классу они ни принадлежали, даже происходящимъ изъ „благороднаго дворянства". Многіе же герои изъ „Записокъ охотника" своею нравственною силою и способностью переносить страданія производятъ впечатлѣніе высокаго героизма. Какъ примѣръ можемъ указать на Лукерію изъ разсказа „Живыя мощи" или на фигуру Арины Тимофѣевны мельничихи изъ разсказа „Ермолай и мельничиха". Невольно при чтеніи „Записокъ охотника" навязывается сравненіе между духовнымъ обликомъ закрѣпощеннаго крестьянина и представителя выхоленнаго благороднаго барства, помѣщичьей среды, и сравненіе это оканчивается не въ

пользу послѣдняго. Съ одной стороны передъ глазами читателя рисуется способная, но загубленная фигура русскаго крестьянина, приноравливающагося ко всякимъ положеніямъ и страданіямъ и терпливо сносящая ихъ,— съ другой самодовольная и самоувѣренная, выхоленная фигура русскаго барина-помѣщика съ внѣшними манерами французскаго аристократа и съ инстинктами какого-нибудь тупого дикаря, не знающая никакого удержа своимъ прихотямъ и капризамъ и не признающая никакихъ другихъ отношеній къ низшимъ кромѣ обусловленныхъ его барской волей. Встрѣчаются, впрочемъ, въ „Запискахъ охотника“ и другіе типы: типы людей, больныхъ волей, изломанныхъ, съ раздвоенной натурой, такъ сказать Гамлетовъ въ русской одеждѣ, при чемъ Тургеневъ причиной ихъ несчастной натуры видитъ въ крѣпостничествѣ и указываетъ на это. Такимъ образомъ, его книги является для русской и заграничной публики драгоцѣннѣйшимъ перломъ блестящаго творчества, но въ то же время и такимъ произведеніемъ, которое, быть можетъ, болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое содѣйствовало развитію русскаго общественнаго самосознанія, т. е. имѣетъ крупное публицистическое значеніе. „Записки охотника“ въ значительной степени подготовили русскую публику къ воспріятію освободительныхъ идей и способствовали самому дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, потому то это произведеніе сохранитъ за собой всегда большое историческое значеніе. Съ другой стороны, какъ произведеніе изящной литературы „Записки охотника“ отразили на себѣ всѣ главныя особенности художественной индивидуальности автора: искреннее гуманное чувство, мягкій задушевный тонъ повѣствованія, способность давать сжатыя, но очень сильныя потому характеристики, умѣніе нѣсколькими смѣлыми и сильными ударами кисти нарисовать вполнѣ опредѣленный образъ, неподражаемое мастерство въ описаніи картинъ и явленій изъ родной природы, доходящихъ подъ перомъ Тургенева чуть ли не до выразительности

пластики; въ этомъ отношенiи Тургеневъ, какъ поэтъ родной природы стоитъ несомнѣнно на ряду съ Пушкинымъ и далеко превосходитъ другихъ своихъ русскихъ собратьевъ по перу. Наконецъ, если ко всему указанному добавить простой, но сильный и выразительный языкъ, какимъ написаны „Записки охотника", его гибкость и изящество, соединенное съ обилiемъ многихъ новыхъ словъ и выраженiй, заимствованныхъ исключительно изъ языка крестьянъ и впервые введенныхъ въ литературу Тургеневымъ, — то въ общемъ у насъ будетъ заключаться почти все, чѣмъ обуславливается великое значенiе этого произведенiя Тургенева. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнiю „Записокъ охотника" въ ихъ частностяхъ, т. е. къ изображаемымъ въ нихъ типамъ крестьянъ и ихъ господъ-помѣщиковъ, ихъ взаимныхъ отношенiй, ихъ положенiе въ своей средѣ, отношенiй къ природѣ, къ человѣку и къ Богу.

Начинаемъ съ дворовыхъ людей. Дворовыми людьми назывались крестьяне, оторванные отъ земли, жившiе въ домѣ своего помѣщика-барина для исполненiя многочисленныхъ и подчасъ сложныхъ домашнихъ обязанностей по отношенiю барской семьи. Надо замѣтить, что въ „доброе старое время" помѣщики держались такъ называемаго натуральнаго хозяйства, т. е., всѣ почти нужды и потребности барской семьи удовлетворялись руками и трудами не нанятыхъ людей, не продуктами фабричнаго производства. а домашними же силами и средствами. Для удовлетворенiя всѣхъ этихъ нуждъ и потребностей, иногда довольно сложныхъ, требовалась, разумѣется, въ каждомъ помѣщичьемъ барскомъ домѣ болѣе или менѣе многочисленная дворня. Оказывается, что всѣ дворовые люди находились въ значительно большей степени подчиненiя своему помѣщику-барину, чѣмъ простые крестяне. Это положенiе слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что дворовымъ людямъ приходилось чаще на себѣ испытывать всю тяжесть прихотей и капризовъ господъ, зависѣть отъ того, въ духѣ или не

въ духѣ проснулся баринъ, тогда какъ крестьяне земледѣльцы стояли въ сторонѣ отъ минутнаго расположенія или нерасположенія господъ, хотя, разумѣется, и они далеко не были гарантированы отъ различныхъ случайностей и барскихъ прихотей. Собственно говоря, у помѣщика власть была одинакова какъ надъ дворовыми, такъ и надъ крестьянами, но гнетъ этой власти сильнѣе ложился на первыхъ, и это вполнѣ понятно: дворовые служили барину непосредственно, находились всегда вблизи, такъ сказать подъ рукой, на глазахъ, и всѣ ихъ обязанности состояли въ томъ почти исключительно, чтобы исполнять немедленно всѣ приказанія барина, выраженныя словами или жестами. Естественно, что при такой близости, дворовыхъ чаще могли постигнуть „и барскій гнѣвъ и барская любовь". То и другое для крѣпостныхъ было одинаково тяжело и страшно, потому-то положеніе дворовыхъ было до чрезвычайности шаткимъ и невѣрнымъ. Это, напримѣръ, отлично понималъ Хорь (Хорь и Калинычъ), а потому и старался держаться на почтительномъ разстояніи отъ своего барина, гдѣ-то на болотахъ, чтобы не попадаться слишкомъ часто на глаза своему властителю, сознавая, что эта отдаленность хоть до нѣкоторой степени гарантируетъ ему спокойствіе и свободу дѣйствій, которые въ свою очередь являются залогомъ благосостоянія, не говоря уже о томъ, разумѣется, что они пріятны и сами по себѣ. Дворовому человѣку, правда, не приходилось тяжелымъ трудомъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ, такъ какъ баринъ кормилъ и одѣвалъ всю дворню, но положеніе его было значительно тяжелѣе крестьянъ, сидящихъ на барщинѣ, не говоря уже объ оброчныхъ.

Ловить барскія приказанія, угадывать капризы, исполнять малѣйшія прихоти и нелѣпыя приказанія могла заставить дворовыхъ только одна боязнь въ случаѣ неловкаго или недостаточно быстраго исполненія подвергнуться опалѣ, ссылкѣ въ отдаленную деревню, отдачѣ въ солдаты, подвергнуться страшному тѣлесному наказа-

нію или даже угодить въ Сибирь, но и это все было бы не такъ страшно, если бы не влекло за собой опалы и на родственниковъ провинившагося. Опалѣ и преслѣдованіямъ могли подвергнуться отецъ, мать, братья, сестры, даже самые отдаленные родные. Вотъ эта боязнь навлечь бѣду на родныхъ, быть можетъ, была главной причиной того, что дворовые трепетали предъ своими господами и безропотно несли свой тяжелый крестъ.

Вслѣдствіе самаго ничтожнаго обстоятельства, по первому капризу барина или барыни, судьба и положеніе двороваго человѣка рѣзко измѣняются. Такой произволъ въ отношеніи къ дворовымъ и превратность ихъ судьбы довольно рѣзко проявились въ нѣсколькихъ разсказахъ изъ „Записокъ охотника“. Возьмемъ хоть, напримѣръ, разсказъ „Ермолай и Мельничиха“. Изъ него узнаемъ, что Арина Тимофеевна, мельничиха, нѣсколько лѣтъ предъ описываемымъ въ разсказѣ событіемъ была горничной у барыни, нѣкой Г-жи Звѣрковой; Госпожа Звѣркова, какъ ее рекомендовалъ самъ мужъ автору, была „ангелъ во плоти, доброта неизъяснимая... Кажется злодѣй— и тотъ бы ее пожалѣлъ“; у этой доброй барыни, „добрѣе которой сыскать трудно, горничнымъ дѣвушкамъ не житье-просто рай во очію совершается...“ но этотъ „ангелъ во плоти и доброта неизъяснимая“ положила себѣ за правило: замужнихъ горничныхъ не держать, потому что замужняя не можетъ, какъ слѣдуетъ, за своей барыней присмотрѣть за всѣми ея привычками наблюдать. Ариша осмѣлилась полюбить лакея Петрушку тѣхъ же господъ Звѣрковыхъ и, зная правило своей барыни, проситъ разрѣшенія выйти за него замужъ. Господа сочли ея естественное желаніе и просьбу черной неблагодарностью и, разумѣется, отказали самымъ рѣшительнымъ образомъ. Когда же, оказалось, что Ариша, вопреки барской волѣ продолжала любить лакея Петрушку, и отъ ихъ незаконной связи долженъ былъ появиться ребенокъ, то господа пришли въ неизъяснимый ужасъ. Нравственное чувство было оскорблено до такой степени, что не-

счастную Аришу немедленно остригли, т. е. въ знакъ позора обрѣзали косу, велѣли одѣть въ затрапезъ и сослать въ деревню. Результаты такого отношенія господъ къ судьбѣ своей горничной были самые печальные. Ариша не по любви вышла замужъ за мельника, съ трудомъ переноситъ жизнь съ нелюбимымъ мужемъ, кашель ее мучитъ по ночамъ, и она спать не можетъ и, кажется, дошла уже до такого состоянія, когда посторонній мужикъ, полубродяга, Ермолай, можетъ спокойно сказать ей: ....„А ко мнѣ зайди погостить. Я свою-то, жену-то, прогоню на тотъ случай—продолжалъ Ермолай—право-съ". И все это случилось только потому, что сильное и правдивое чувство Арины не получило нормальнаго исхода по волѣ господъ. Выйдя замужъ за любимаго человѣка, Арина, навѣрное, не сбилась бы съ нормальнаго пути, не дошла бы до физическаго и нравственнаго паденія. Но и для лакея Петрушки, ея возлюбленнаго, дѣло не кончилось благополучно. Онъ, по словамъ Ермолая, не перенесъ разлуки съ любимой дѣвушкой, и поступилъ въ солдаты. Двѣ, слѣдовательно, молодыхъ, полныхъ силъ и надеждъ жизни были разбиты по прихоти господъ Звѣрковыхъ, вслѣдствіе ихъ эгоистичнаго правила замужнихъ горничныхъ не держать. Господинъ же Звѣрковъ нисколько не понималъ этого. Разговаривая съ авторомъ объ Аринѣ, онъ такъ закончилъ свою рѣчь:... „Меня же, собственно меня, надолго огорчила, обидѣла неблагодарность этой дѣвушки (Арины). Что ни говорите... сердца, чувства—въ этихъ людяхъ (крѣпостныхъ) не ищите! Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ. Въ этомъ разсказѣ, впрочемъ, положеніе дворовыхъ и тотъ произволъ, какому они подвергались, не проявился съ такой силой, какъ въ разсказѣ „Контора", „Два помѣщика", „Льговъ" и мелькомъ, но чрезвычайно рельефно, въ разсказѣ „Бурмистръ". Въ разсказѣ „Контора" авторъ повѣствуетъ о томъ, какъ, однажды, осенью на охотѣ промокшій, озябшій и усталый попалъ онъ въ большое и богатое имѣніе Ананьево, принад-

лежавшее какой-то самодуркѣ-баринѣ Еленѣ Николаевнѣ Лосняковой. Оказывается, что сама барыня бредитъ бюрократическими формами правленія въ своемъ имѣніи и завела у себя „главную господскую контору" съ гербозой печатью, съ цѣлымъ штатомъ служащихъ, со входящими и исходящими нумерами бумагъ. Черезъ эту контору проходятъ всѣ предписанія барыни, облекаясь въ своеобразную форму съ примѣсью офиціальнаго канцелярскаго языка и формъ. Въ этой конторѣ происходитъ цѣлый рядъ удивительно любопытныхъ сценъ и разговоровъ, которые авторъ наблюдалъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ отдыхалъ и сушился. Изъ разговора съ конторскимъ дежурнымъ, малымъ въ сѣромъ кафтанѣ, авторъ узнаетъ, что въ конторѣ сидятъ шесть человѣкъ: главный конторщикъ, главный кассиръ, и четыре простыхъ конторщика; узнаетъ также, что у госпожи Лосняковой всей дворни не такъ, чтобы очень много, „а человѣкъ, пожалуй, что полтораста набѣжитъ". Контора функціонируетъ по всѣмъ правиламъ, и на вопросъ автора, обращенный къ конторскому дежурному, хорошо ли онъ пишетъ,—послѣдній улыбнулся и принесъ исписанный листокъ. На четвертушкѣ сѣроватой бумаги красивымъ и крупнымъ почеркомъ было написано слѣдующее:

„ПРИКАЗЪ"

„Отъ главной господской домовой ананьевской конторы бурмистру Михайлѣ Викулову; № 209:

Приказывается тебѣ немедленно по полученіи сего розыскать: кто въ прошлую ночь, въ пьяномъ видѣ и съ неприличными пѣснями, прошелъ по аглицкому саду, и гувернантку мадамъ Энжени француженку разбудилъ и обезпокоилъ? и чего сторожа глядѣли, и кто сторожемъ въ саду сидѣлъ и таковы безпорядки допустилъ? О всемъ вышеприписанномъ приказывается тебѣ въ подробности развѣдать, и немедленно конторѣ донести.

„Главный конторщикъ Николай Хвостовъ".

Къ приказу была приложена огромная гербовая печать съ надписью: „Печать главной господской ананьевской конторы“; а внизу стояла приписка: „Въ точности исполнить Елена Лоснякова“. Къ довершенію комизма оказывается, что бурмистръ Михаилъ Викуловъ, которому предназначается сія бумага-неграмотный, и бумаги самъ прочесть не можетъ, а придетъ онъ въ контору, ему ее и прочитаютъ. Тяжело было дворовымъ людямъ жить и исполнять всѣ капризы господъ. Тотъ же конторскій дежурный говоритъ дальше вообще о господахъ: „А съ бариномъ бѣда! все не по немъ: и то не хорошо, и тѣмъ не угодилъ. Подалъ ему стаканъ съ водою или кушанье-ахъ, вода воняетъ! „ахъ, кушанье воняетъ!“ Вынесешь, да за дверью постоишь да, принесешь опять- „ну, вотъ, теперь хорошо, ну, вотъ теперь не воняетъ!“ А ужъ барыни, скажу вамъ, а ужъ барыни что! или вотъ еще барышни!...“ Такъ характеризируетъ господъ дворовый человѣкъ, но оказывается, что эта характеристика сравнительно еще мягка и не выражаетъ полнаго протеста противъ гнета и произвола, которымъ подвергались дворовые.

Вскорѣ авторъ услышалъ шумъ, крикъ и разговоръ цѣлой толпы дворовыхъ, ввалившихся въ контору. Оказалось, что барыня произвела двороваго Купрю изъ портныхъ въ истопники. На насмѣшливыя привѣтствія дворни по поводу неожиданнаго производства Купріянъ покорно отвѣчалъ: „Все въ господской власти состоитъ“ и тутъ же замѣчаетъ главному конторщику, толстому человѣку и зазнавшемуся плуту слѣдующее: „да что, Николай Еремѣичъ, — заговорилъ Купріянъ: вотъ вы теперь у насъ главнымъ конторщикомъ, точно; спору въ томъ, точно, нѣту, а вѣдь и вы подъ опалой находились, и въ мужицкой избѣ тоже пожили.“ Изъ приведенной сцены и разговора видно, съ какой легкостью происходила перемѣна въ судьбѣ и въ занятіяхъ дворовыхъ. Портной по барской волѣ и приказанію превращался въ истопника, дворовый, обыкновенный человѣкъ, въ чиновника, доморощеннаго конторщика, конторщикъ—въ старшаго кассира

и бухгалтера, бухгалтеръ въ старшаго конторщика, такъ сказать начальника канцеляріи и т. д. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ безъ исключенія, даже достигшіе лучшихъ мѣстъ и положеній нисколько не были гарантированы отъ того, что завтра можетъ произойти измѣненіе въ обратную сторону и сегодняшній старшій конторщикъ очутится истопникомъ или даже просто въ мужицкой курной избѣ или по дорогѣ на поселеніе. „Все въ господской власти состоитъ".—Въ разсказѣ „Пунинъ и Бабуринъ" Тургеневъ даетъ разительный примѣръ того, какъ „все въ господской власти состоитъ". — Однажды, старухѣ-помѣщицѣ, выведенной въ этомъ разсказѣ, что-то показалось въ одномъ изъ работающихъ въ саду дворовыхъ парней, что-то не понравилось ей въ его фигурѣ; она велѣла узнать, какъ зовутъ этого парня; ея воля была моментально исполнена, и барынѣ донесли, что не понравившійся парень называется „Ермилъ, Павла Аѳанасьева покойнаго сынокъ". Надо замѣтить, что „этотъ Павелъ Аѳанасьевъ былъ, лѣтъ десять тому назадъ, мажордомомъ у бабушки и пользовался особеннымъ ея расположеніемъ; но внезапно впалъ въ немилость, такъ же внезапно превратился въ скотника, да и въ скотникахъ не удержался, покатился дальше кубаремъ, очутился, наконецъ, въ курной избѣ заглазной деревни на пудѣ муки мѣсячины, и умеръ отъ паралича, оставивъ семью въ крайней бѣдности." Узнавъ, кто такой этотъ не понравившійся ей парень, старуха помѣщица произнесла: „...Яблоко, видно, отъ яблони недалеко падаетъ. Ну, придется распорядиться и съ этимъ". И распорядилась отправить несчастнаго Ермила на поселеніе; бѣдняка ни за что ни про что постигла еще болѣе горькая участь, чѣмъ его отца. „Часа черезъ три, Ермила, совершенно, снаряженнаго", привели подъ окно ея кабинета. Насчастный мальчикъ отправлялся на поселеніе; за оградой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, виднѣлась телѣжонка, нагруженная его бѣднымъ скарбомъ. Такія были тогда времена!—Ермилъ стоялъ безъ шапки,

понуривъ голову, босой, закинувъ за спину связанные веревочкой сапоги; лицо его, обращенное къ барскому дому, не выражало ни отчаянія, ни скорби, ни даже изумленія; тупая усмѣшка застыла на безцвѣтныхъ губахъ; глаза, сухіе и съеженные, глядѣли упорно въ землю... „Чего жъ Ермилка ждетъ? прибавила, она, снова взглянувъ въ окно.—Я его осмотрѣла. Ну, чего еще? — Бабушка махнула платкомъ въ направленіи окна, какъ бы прогоняя докучливую муху. Потомъ она сѣла на кресло и, обернувшись къ намъ, промолвила угрюмо:— ступайте всѣ люди вонъ! Всѣ мы удалились, всѣ, кромѣ казачка-дневальнаго, къ которому слова бабушки не относились, потому что онъ не былъ „человѣкомъ“. Вотъ картина, которая по силѣ и выразительности, вполнѣ рисуетъ весь произволъ помѣщиковъ надъ своими дворовыми, весь гнетъ, какой приходилось нести послѣднимъ безъ всякой со своей стороны вины. А вотъ еще сценка, необычно сильная и выразительная благодаря своей короткости изъ разсказа „Бурмистръ“, гдѣ видно, какому сильному гнету подвергались дворовые люди со стороны барина нѣкоего господина Пѣночкина: „Позавтракавши плотно и съ видимымъ удовольствіемъ, Аркадій Павловичъ налилъ себѣ рюмку краснаго вина, поднесъ ее къ губамъ и вдругъ нахмурился — „Отчего вино не нагрѣто? — спросилъ онъ довольно рѣзкимъ голосомъ одного изъ камердинеровъ. Камердинеръ смѣшался, остановился, какъ вкопанный, и поблѣднѣлъ.—Вѣдь я тебя спрашиваю, любезный мой?— спокойно продолжалъ Аркадій Павловичъ, ни спуская съ него глазъ. Несчастный камердинеръ помялся на мѣстѣ, покрутилъ салфеткой и не сказалъ ни слова. Аркадій Павловичъ потупилъ голову и задумчиво посмотрѣлъ на него исподлобья—Pardon, mon cher;— промовилъ онъ съ непріятной улыбкой, дружески коснувшись рукой до моего колѣна, и снова уставился на камердинера. — Ну, ступай,—прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія, поднялъ брови и позвонилъ. Вошелъ человѣкъ толстый, смуглый, черноволосый, съ низкимъ лбомъ и совершенно

заплывшими глазами.—На счетъ Ѳеодора... распорядиться, — проговорилъ Аркадій Павлычъ вполголоса и съ совершеннымъ самообладаніемъ. — Слушаю-съ, — отвѣчалъ толстый и вышелъ". Опять читатель встрѣчаетъ это роковое слово „распорядиться" и видитъ, къ кому оно относится и что значитъ. Читатель видитъ, что малѣйшей неосторожности, какого-нибудь незначительнаго промаха было достаточно, чтобы роковое слово было произнесено,—видитъ, что иногда даже и безъ всякаго повода со стороны дворовыхъ это слово произносилось господами, и горькая участь постигала того, къ кому оно относилось. Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что судьба и положеніе дворовыхъ рѣзко измѣнялись по волѣ господъ, какъ по мановенію какого-нибудь волшебнаго жезла. Конечно, можетъ казаться, что самодурство и прихоти господъ-помѣщиковъ относительно дворовыхъ имѣли все же какія-нибудь границы, что даже всемогущая господская воля все же не могла, напримѣръ, превратить простого двороваго мужика въ актера или измѣнить произвольно имя, данное при св. крещеніи, на какое-нибудь другое. Но это только кажется. Въ практикѣ все бывало возможнымъ, даже измѣненіе имени. Въ разсказѣ „Льговъ" Тугеневъ рисуетъ передъ нами жалкую фигуру несчастнаго старика, по имени Кузьма, судьба котораго подвергалась самымъ неожиданнымъ измѣненіямъ и при томъ многочисленнымъ. Въ описываемый Тургеневымъ моментъ Кузьма Сучокъ состоялъ рыболовомъ и въ тоже самое время сторожемъ заброшеннаго барскаго пруда. Изъ разговора съ нимъ авторъ узнаетъ, что прежде Сучокъ состоялъ въ кучерахъ, а въ рыболовы попалъ слѣдующимъ образомъ: „...Пріѣхала (новая барыня) къ намъ изъ своей вотчины, изъ Тамбова, велѣла всю дворню собрать, да и вышла къ намъ. Мы сперва къ ручкѣ, и она ничего: не серчаетъ... А потомъ и стала по порядку насъ разспрашивать: чѣмъ занимался, въ какой должности состоялъ? Дошла очередь до меня; вотъ и спрашиваетъ: ты чѣмъ былъ? Говорю: Кучеромъ.—

Кучеромъ? ну, какой ты кучеръ, посмотри на себя: какой ты кучеръ? Не слѣдъ тебѣ быть кучеромъ, будь у меня рыболовомъ, и бороду сбрей. На случай моего пріѣзда къ господскому столу рыбу поставляй, слышишь?... Съ тѣхъ поръ, вотъ, я въ рыбаловахъ и числюсь". Такимъ образомъ, по манію господской воли Кузьма Сучокъ превратился изъ кучера въ рыболова но оказывается, что крупные метаморфозы случались съ нимъ и раньше. Оказывается, что раньше еще, чѣмъ попасть въ кучера, Сучокъ у прежняго барина былъ поваромъ,—„но не городскимъ поваромъ, а такъ, въ деревнѣ", а еще раньше, при жизни предыдущаго владѣльца какой-то Татьяны Василіевны, старой и злой дѣвы, онъ „и въ кофишенки попалъ, при буфетѣ состоялъ, и Антономъ назывался, а не Кузьмой. Такъ барыня приказать изволила". Изъ приведеннаго отрывка видно, что все для господской воли было возможно вплоть до измѣненія имени двороваго. Оказывается, что разныхъ перемѣнъ въ судьбѣ несчастнаго Сучка было гораздо больше и самыхъ неожиданныхъ: былъ Сучокъ и „актеромъ" и „на кеятрѣ игралъ", а еще раньше опять поваромъ былъ' изъ должности котораго и былъ разжалованъ, за то, что у него братъ сбѣжалъ; возвращаясь къ годамъ юности Сучка и разспрашивая его про нихъ, авторъ узнаетъ, что Сучокъ „сперва въ казачкахъ находился, фалеторомъ былъ, садовникомъ, а то и доѣзжачимъ". Послѣдняя должность, требующая много физической силы, ловкости, смѣлости и умѣнія, чего жалкая фигура старика не являва и слѣдовъ, — привела автора въ неописанное изумленіе, но оказалось, что, Сучокъ и въ сапожникахъ былъ, т. е. былъ отданъ въ ученье къ нимъ и при томъ, когда ему уже было слишкомъ двадцать лѣтъ. Въ изумленіи авторъ спрашиваетъ Сучка: „Какое-жъ тутъ ученье въ двадцать лѣтъ?" а Сучокъ флегматично и покорно отвѣчаетъ: „Стало-быть, ничего, можно, коли баринъ приказалъ". Отвѣтъ Сучка есть выраженіе той же самой старой мысли: „все въ господской волѣ состоитъ" только

въ другой формѣ. Пораженный всѣмъ слышаннымъ, авторъ не нашелъ сказать Сучку ничего другого, какъ только: „Ну, видалъ ты, Кузьма, виды на своемъ вѣку“. И дѣйствительно, сколько самыхъ неожиданныхъ перемѣнъ въ положеніяхъ и занятіяхъ въ жизни одного человѣка. Быть козачкомъ, ѣздить „фалеторомъ“, потомъ быть садовникомъ, доѣзжачимъ, сапожникомъ, поваромъ, актеромъ, „кофишенкомъ“, потомъ опять поваромъ, кучеромъ и рыбаловомъ. Одиннадцать занятій, самаго противоположнаго характера перемѣнилъ человѣкъ въ теченіе своей жизни. Фантазія Овидія не была столь изобрѣтательна, какъ русскихъ помѣщиковъ—дворянъ. Въ самомъ дѣлѣ, что имѣетъ общаго занятіе повара или садовника съ актеромъ или доѣзжачимъ? Что имѣетъ общаго занятіе рыболова съ ремесломъ сапожника или „фалетора“? Но надъ этимъ никто изъ владѣльцевъ Сучка и не изволилъ задумываться, и бѣдный Сучокъ тоже не задумывается надъ своею загубленной жизнью, никаго не упрекаетъ, не поминаетъ лихомъ. Онъ безъ малѣйшей злобы, съ чисто эпическимъ спокойствіемъ разсказываетъ о своей прошлой жизни и даже благодаритъ Бога за свое теперешнее положеніе говоря: „А я, батюшка, нежалуюсь. И слава Богу, что въ рыболовы произвели... Харчи выдаются—и то слава тебѣ, Господи! Много доволенъ. Продли Богъ вѣка нашей госпожѣ! „Сучокъ не жалуется, не ропщетъ; онъ свыкся со своего тяжелою долею и одиночествомъ. На вопросъ автора: „Есть у тебя семейство? Былъ женатъ?“ Сучекъ съ такимъ же эпическимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, батюшка, не былъ. Татьяна Васильевна покойница—царство ей небесное!—никому не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало, говоритъ: вѣдь живу же я такъ, въ дѣвкахъ, что за баловство! чего имъ надо?“ Какимъ страшнымъ, почти нечеловѣческимъ, эгоизмомъ вѣетъ отъ этихъ словъ покойницы барыни. Только старая дѣва, насквозь пропитанная ядомъ злости, могла держаться такого правила, возвести въ

принципъ всей своей жизни и открыто проповѣдывать его.

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что положеніе дворовыхъ людей было до невозможности тяжелымъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно было даже тяжелѣе, чѣмъ домашнихъ животныхъ, не говоря уже, разумѣется, о любимцахъ господъ, о разныхъ кошкахъ, моськахъ и т. подобныхъ животныхъ, которыя наполняли барскіе конюшни и покои. Имъ, конечно, жилось въ десять разъ лучше, чѣмъ дворовымъ людямъ, но если даже взять простыхъ дворовыхъ псовъ и рабочихъ лошадей, то и послѣднимъ все же жилось лучше. У нихъ не была отнята способность любить по своему и размножаться. Весь произволъ самодуровъ-помѣщиковъ и выжившихъ изъ ума старыхъ дѣвъ-помѣщицъ былъ безсиленъ въ этомъ отношеніи, и сдѣлать ничего было нельзя; за то сильнѣе ложился гнетъ на людей и чувствовался послѣдними. Несомнѣнно, животныя были свободнѣе и счастливѣе дворовыхъ; они подчинялись естественнымъ законамъ природы, а люди подчинялись произволу своихъ господъ, не желавшихъ считаться ни съ какими божескими и человѣческими законами, а признававшихъ только свою барскую волю.

Никакого протеста, даже намека на него, дворянинъ помѣщикъ не допускалъ со стороны своихъ подданныхъ и даже неподданныхъ.

Когда, напримѣръ, Бабуринъ (въ разсказѣ „Пунинъ и Бабуринъ") вздумалъ было осторожно сказать нѣсколько разумныхъ словъ въ защиту отправляемаго на поселеніе Ермилки,—старуха-помѣщица приказываетъ старшему дворецкому немедленно расчитать Бабурина, чтобъ къ обѣду и духа его въ имѣніи не было. Заступничество Бабурина не спасло Ермила, а погубило его окончательно. Таково въ общихъ чертахъ было положеніе дворовыхъ людей и отношеніе къ нимъ господъ. Что-же касается самыхъ типовъ дворовыхъ людей, то у Тургенева болѣе или менѣе съ достаточной полнотой и закон-

ченностью обрисованы физіономіи, такъ называемой, дворовой аристократіи; это люди, по большей части несимпатичные; къ нимъ слѣдуетъ отнести конторщиковъ, камердинеровъ, дворецкихъ, ключницъ, экономокъ и горничныхъ. Яркимъ примѣромъ такого дворовага аристократа можетъ быть старшій конторщикъ, Николай Еремѣевъ въ разсказѣ „Контора“; это настоящій типъ зазнавшагося плута эгоиста, выбившагося изъ самаго низкаго положенія до старшаго конторщика, сознающаго свою силу и понявшаго всю прелесть власти; онъ старается показать свою власть, значеніе и достоинство, предъ кѣмъ можетъ, но въ сущности положеніе его не прочно, какъ и вообще всѣхъ крѣпостныхъ. Когда, напримѣръ, новопожалованный истопникъ Купріянъ вздумалъ было на шутки Николая Еремѣевича отшучиваться, послѣдній сейчасъ же обрѣзалъ его, замѣтивъ: „Ты смотри у меня, однако не забывайся,—съ табой, дуракомъ шутятъ; тебѣ бы, дураку, чувствовать слѣдовало и благодарить, что съ тобой, дуракомъ, занимаются“.

Вообще наглость зазнавшагося главнаго конторщика не знаетъ границъ. Николай Еремѣичъ грубъ и наглъ съ тѣми, кто отъ него зависитъ; злопамятенъ относительно тѣхъ, кого не взлюбилъ и всячески старается имъ досадить. Такъ поступаетъ онъ съ фельдшеромъ Павломъ, прослѣдуя его всячески; сговорившись съ барской ключницей, Николай Еремѣичъ вліяетъ черезъ нее на барыню, и та не позволяетъ Павлу жениться на любимой дѣвушкѣ Татьянѣ.

Мало того, что Николай Еремѣичъ преслѣдуетъ Павла, онъ вредитъ еще на каждомъ шагу и несчастной дѣвкѣ. По его милости Тятьяну произвели изъ прачекъ въ судомойки, бьютъ ее, въ затрапезѣ держатъ. Раздраженный упреками несчастнаго Павла, Николай Еремѣичъ выходитъ изъ себя, перестаетъ притворяться, что онъ ни при чемъ во всѣхъ несчастіяхъ Павла и его невѣсты, перестаетъ хитрить, и ужъ прямо обращается къ нему

со зловѣщими словами: „Я тебя не боюсь, — закричалъ онъ:—слышишь ли ты молокососъ! Я и съ отцомъ твоимъ справился, я и ему рога сломилъ, — тебѣ примѣръ, смотри!“

Затѣмъ произошла отвратительная сцена: „Павелъ кинулся впередъ съ поднятыми руками, и конторщикъ тяжко покатится на полъ“. Конца ея авторъ не хочетъ описывать изъ опасенія оскорбить чувства читателя. Изъ сказаннаго относительно Николая Еремѣича, главнаго конторщика госпожи Лосняковой, можно вывести заключеніе, что помѣщики, вручая брозды правлеленія довѣреннымъ лицамъ изъ крѣпостныхъ, сами часто не знали, что творится за ихъ спинами и допускали цѣлый рядъ злоупотребленій, клонившихся къ вреду самихъ же помѣщиковъ, къ ихъ же разоренію. Тотъ же главный конторщикъ, Николай Еремѣевъ, безпощадно обкрадываетъ свою барыню, пользуясь тѣмъ, что ему поручено вести предварительные переговоры съ купцами по продажѣ хлѣба. Авторъ, напримѣръ, слышалъ за своей перегородкой споръ пріѣхавшаго изъ Венёва купца за хлѣбомъ съ главнымъ конторщикомъ.

Оказывается, что два плута устроили сдѣлку къ взаимной выгодѣ по одной цѣнѣ: три сѣренькихъ съ половиной, а для барыни показную цѣну установили болѣе низкую: шесть съ половиной, т. е. двѣ сѣренькихъ съ половиной. Одна „сѣренькая“, стало быть, составляетъ чистый доходъ главнаго конторщика; цѣна хлѣба, конечно, была выше и трехъ сѣренькихъ съ половиной, такъ что купецъ, давая взятку конторщику все же оставался въ значительныхъ барышахъ. Послѣ сдѣлки купецъ вручилъ конторщику небольшую пачку денегъ, вѣроятно, уже не первую, какъ залогъ ихъ добрыхъ отношеній. Слѣдующая сценка еще рельефнѣе обнаруживаетъ тотъ произволъ, которому приходилось подчиняться крѣпостнымъ крестьянамъ подъ управленіемъ своего же брата — крѣпостнаго, въ родѣ конторщика, Николая Еремѣича.

Оказывается, что къ главному конторщику явился на поклонъ съ просьбой отъ крестьянъ деревни Голоплеки нѣкто Сидоръ; онъ проситъ конторщика отмѣнить распоряженіе, въ силу котораго Голоплековскіе мужики призывались немедленно на барщину. Распоряженіе вышло, какъ и всегда, отъ барыни, но вліяли несомнѣнно та же ключница и конторщикъ; они всегда могли представить барынѣ различные резоны за и противъ.

Для мужиковъ-же барщина въ извѣстную пору года являлась невыразимо тяжкой. „Что-жъ, зачѣмъ пріѣхалъ? — спрашивалъ конторщикъ, укладывая клѣтчатый платокъ въ карманъ.

— Да слышь, Николай Еремѣичъ, съ насъ плотниковъ требуютъ.

— Ну, чтожъ, нѣтъ ихъ у васъ, что ли?

— Какъ имъ не быть у насъ, Николай Еремѣичъ: дача лѣсная извѣстно. Да пора — то рабочая, Николай Еремѣичъ.

— Рабочая пора! То то вы охотники на чужихъ работать, а на свою госпожу работать не любите... Все едино!

— Работа—то все едино, точно, Николай Еремѣичъ... да что....

— Ну?

— Плата больно... того...

— Мало чего нѣтъ! Вишь, какъ вы избаловались. Поди ты!

— Да и то сказать, Николай Еремѣичъ, работы — то всего на недѣлю будетъ, а продержатъ мѣсяцъ. То матеріалу не хватитъ, а то и въ садъ пошлютъ дорожки чистить.

— Мало ли чего нѣтъ! сама барыня приказать изволила, такъ тутъ намъ съ тобой разсуждать нечего.—Сидоръ замолчалъ и началъ переступать съ ноги на ногу.

Николай Еремѣичъ скрутилъ голову на бокъ и усердно застучалъ костяжками.

— Наши... мужики... Николай Еремѣичъ...—заговорилъ, наконецъ, Сидоръ, запинаясь на каждомъ словѣ:—приказали вашей милости... вотъ тутъ... будетъ (онъ запустилъ свою ручищу за пазуху армяка и началъ вытаскивать оттуда свернутое полотенце съ красными разводами).

— Что ты, что ты, дуракъ; съ ума сошелъ, что ли?—поспѣшно перебилъ его толстякъ. — Ступай, ступай ко мнѣ въ избу,—продолжалъ онъ, почти выталкивая изумленнаго мужика: — тамъ спроси жену.... она тебѣ чаю дастъ; я сейчасъ приду, ступай. Да, небось говорятъ ступай.

Сидоръ вышелъ вонъ".

Легко догадаться, конечно, что было дальше въ избѣ у главнаго конторщика. За пазухой у Сидора были, вѣроятно, приношенія всякаго рода, можетъ быть и деньги, собранныя несчастными мужиками деревни Голоплеки, по двугривенному „съ рыла", чтобы подмаслить всемогущаго временьщика и откупиться отъ ужаснаго распоряженія. Надо думать, что оно было дано барыней по наущенію дальновиднаго того же плута—конторщика или его сообщницы ключницы. Если приношенія были сдѣланы въ надлежащихъ размѣрахъ и за галоплековскими мужиками не числилось никакихъ особенныхъ провинностей, то ловкій плутъ — конторщикъ, навѣрное, изобрѣлъ какой-нибудь подходящій предлогъ въ глазахъ выжившей изъ ума барыни, чтобы отмѣнить ея распоряженіе, умолчавъ, разумѣется, о томъ, что было у мужика въ полотенцѣ съ красными разводами.

Типъ двороваго аристократа въ лицѣ конторщика Николая Еремѣича обрисованъ въ приведенныхъ отрывкахъ вполнѣ ясно и опредѣленно. Подводя итогъ указаннымъ отрывкамъ, приходится сдѣлать слѣдующее заключеніе: преобладающими чертами въ характерѣ такого аристократа изъ крѣпостныхъ дворовыхъ, какъ конторщикъ Николай Еремѣичъ, были лживость по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія; льстивость по отношенію къ

господамъ и наглость, соединенная съ злопамятностью и мстительностью по отношенію къ лицамъ, зависящимъ отъ него. Надъ всѣмъ этимъ царило корыстолюбіе, ничѣмъ почти не скрываемое. Всѣ эти черты были продуктомъ крѣпостного права.

Вообще надо замѣтить, что дворовая аристократія у Тургенева, за рѣдкимъ исключеніемъ, обрисована отрицательными, темными красками. Этихъ типовъ дворовыхъ аристократовъ у Тургенева въ „Запискахъ охотника“ встрѣчается не мало. Укажемъ главнѣйшіе:

Бурмистръ Сафронъ въ разсказѣ „Бурмистръ“, охотникъ Владимиръ въ разсказѣ „Льговъ“ и камердинеръ—Викторъ въ разсказѣ „Свиданіе“.

Всѣ указанныя лица обрисованы Тургеневымъ съ различныхъ сторонъ и добавляютъ что-нибудь новое къ типу двороваго аристократа.

Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ „Бурмистръ“ авторомъ обрисованъ ловкій и умный мужикъ Сафронъ, бурмистръ у нѣкоего помѣщика господина Пѣночкина. Онъ видитъ своего барина насквозь, знаетъ и понимаетъ всѣ его слабости и ловко поддѣлывается подъ его вкусъ.

Сафронъ, полупьяный при встрѣчѣ съ бариномъ, нисколько не теряетъ присутствія духа и сообразительности. Чтобы усыпить подозрительность барина и задобрить его, онъ начинаетъ съ лести и во все время не сходитъ съ этой выгодной позиціи. Вотъ образецъ его льстивой рѣчи: „Ахъ, вы, отцы наши, милостивцы вы наши,—заговорилъ онъ нараспѣвъ и съ такимъ умиленіемъ, на лицѣ, что казалось вотъ-вотъ слезы брызнутъ: — насилу то изволили пожаловать!... ручку, батюшка, ручку,— прибавилъ онъ, уже загодя протягивая губы.

Аркадій Павловичъ удовлетворилъ его желаніе.

— Ну, что, братъ Сафронъ, каково у тебя дѣла идутъ?—спросилъ онъ ласковымъ голосомъ.

— Ахъ, вы, отцы неши,—воскликнулъ Сафронъ: — да какъ же имъ худо итти, дѣламъ — то! Да вѣдь вы

наши отцы, вы милостивцы, деревеньку нашу просвѣтить изволили пріѣздомъ—то своимъ, осчастливили по гробъ дней. Слава тебѣ Господи, Аркадій Павловичъ, слава тебѣ Господи! Благополучно обстоитъ все милостью вашей“ и все въ томъ же духѣ во все время разговора съ бариномъ; при этомъ хитрый Сафронъ въ удобный моментъ не пропускаетъ случая вставить, что „земли, конечно, малова-то“, думая извлѣчь отсюда съ теченіемъ времени пользу. Господинъ Пѣночкинъ рекомендовалъ автору своего бурмистра Сафрона, какъ человѣка съ государственными способностями; дѣйствительно, авторъ скоро убѣдился въ истинно-государственныхъ способностяхъ Сафрона.

Пошли осматривать имѣніе. „Мы, говоритъ авторъ, осмотрѣли гумно, ригу, овины, сараи, вѣтряную мельницу, скотный дворъ, зеленя, коноплянники; все было, дѣйствительно, въ отличномъ порядкѣ: одни унылыя лица мужиковъ приводили меня въ нѣкоторое недоумѣніе. Кромѣ полезнаго, Сафронъ заботился еще о пріятномъ: всѣ канавы обсадилъ ракитникомъ, между скирдами на гумнѣ дорожки провелъ и песочкомъ посыпалъ, на вѣтряной мельницѣ устроилъ флюгеръ въ видѣ медвѣдя съ разинутою пастью и краснымъ языкомъ, къ кирпичному скотному двору прилѣпилъ нѣчто въ родѣ греческаго фронтона и подъ фронтономъ бѣлилами надписалъ: „Построенъ вселе Шипилофке втысеча восемСодъ саракавомъ году. Сей скотный дфоръ“.

Государственная мудрость Сафрона и его ловкость сейчасъ же обнаружились. Видя, что господинъ Пѣночкинъ въ отличномъ расположеніи духа и всѣмъ очень доволенъ, Сафронъ, слушая барскую рѣчь со вниманіемъ,— все время, однако, напиралъ на то, что земли же у нихъ малова-то, прикупить бы не мѣшало.

— Что-жъ, купите, говоритъ Аркадій Павловичъ: — на мое имя я не прочь.

На эти слова Сафронъ уже не отвѣчалъ ничего, только бороду поглаживалъ. На этотъ разъ Сафрону,

очевидно, не удалось добиться своего, но капля по каплѣ камень долбятъ, и въ концѣ концовъ Сафронъ навѣрное уговорилъ льстивыми своими рѣчами барина прикупить землицы.

Изъ другого мѣста этого разсказа можно убѣдиться, какою практическою опытностью и сообразительностью вмѣстѣ съ самыми наивными понятіями о честности обладалъ этотъ „государственный человѣкъ": „Да что батюшка Аркадій Павлычъ, позвольте Вамъ доложить, дѣльцо какое вышло. (Тутъ онъ приблизился, разводя руками, къ господину Пѣночкину, нагнулся и прищурилъ одинъ глазъ.) Мертвое тѣло на нашей землѣ оказалось.

— Какъ такъ?

— И самъ ума не приложу, батюшка, отцы вы наши: видно врагъ попуталъ. Да, благо, подлѣ чужой земли оказалось, а только, что грѣха таить, на нашей землѣ. Я его тотчасъ на чужой-то клинъ и приказалъ стащить, пока можно было, да караулъ приставилъ и своимъ заказалъ: молчать! говорю.

А становому на всякій случай, объяснилъ; вотъ какіе порядки, говорю; да чайкомъ его, да благодарность...

Вѣдь, что, батюшка, думаете? Вѣдь осталось у чужаковъ на шеѣ; а вѣдь мертвое тѣло, „что двѣсти рублевъ—какъ калачъ".

Подбросить мертвое тѣло на чужую землю со своей да подмаслить властей—это верхъ ловкости и сообразитетьности Сафрона. Этимъ онъ окончательно задобрилъ своего барина, и все окончалось бы благополучно при осмотрѣ имѣнія, и авторъ, пожалуй, повѣрилъ-бы государственной мудрости Сафрона и остался бы съ неразрѣшеннымъ недоумѣніемъ своимъ относительно унылыхъ лицъ мужиковъ,—если-бы не одинъ маленькій инциндентъ, разсѣявшій всякую иллюзію относительно административныхъ способностей Сафрона, т. е. давшій имъ совершенно новое освѣщеніе.

Дѣло въ томъ, что выѣзжая изъ деревни, господинъ Пѣночкинъ и авторъ замѣтили съ краю дороги двухъ

мужиковъ: старика, лѣтъ шестидесяти и молодого парня, его сына; они очевидно поджидали барина и собирались ему что-то сообщить.

Господинъ Пѣночкинъ, нахмурившись, подошелъ къ мужикамъ, при чемъ тѣ упали на колѣни и поклонились ему въ ноги, и сказалъ:

— Ну, что же вы: заговорилъ г. Пѣночкинъ:—языковъ у васъ нѣтъ, что ли? Сказывай, ты, чего тебѣ надобно?—прибавилъ онъ кивнувъ головой на старика.

— Да не бойся, дуракъ.

Оказалось, что „дуракъ" и его сынъ почти ничего не могли сказать толкомъ; изъ безсвязныхъ рѣчей старика можно было только понять, что замучилъ его окончательно бурмистръ Сафронъ тѣмъ, что, „двухъ сыновей безъ очереди въ некруты" отдалъ, а теперь и этого третьяго отнимаетъ. „Вчера, батюшка, жаловался несчастный старикъ, послѣднюю коровушку со двора свелъ и хозяйку мою избилъ".

На вопросительно грозное выраженіе лица барина Софронъ находчиво отвѣтилъ:

— Пьяный человѣкъ—съ, неработающій. — Изъ недоимки не выходитъ ужъ пятый годъ—съ.

Оказалось, что Сафронъ взнесъ за старика недоимку, да и закабалилъ его совершенно и свободно сталъ распоряжаться членами семьи старика, отдавая ихъ въ рекруты и освобождая, конечно, тѣхъ, кто преподнесъ ему „благодарность". Сафронъ нисколько не растерялся во время жалобы старика; онъ ловко сумѣлъ все объяснить барину пьянствомъ и лѣностью и свалить всю отвѣтственность на голову несчастнаго мужика. Только при этой сценѣ авторъ понялъ, какими мѣрами держитъ Сафронъ все въ имѣніи въ отличномъ порядкѣ и заслужилъ у барина репутацію „государственнаго человѣка".

Крутыя мѣры, безпощадная кабала—вотъ какія были эти мѣры. Жаловаться и искать защиты у барина, какъ видно изъ приведенной сцены, — было безполезно. Типъ бурмистра Сафрона во многихъ чертахъ напоми-

наетъ типъ старшаго конторщика, Николая Еремѣича. Въ томъ и другомъ замѣчается одинаковая льстивость по отношенію къ господамъ и безпощадное отношеніе къ низшимъ. Въ обоихъ видно также заботы о своихъ личныхъ интересахъ, но есть и рѣзкая разница.

Николаю Еремѣичъ, старшій конторщикъ является паразитомъ по сравненію съ бурмистромъ Сафрономъ; онъ ровно ничего не дѣлаетъ, кромѣ веденія какихъ-нибудь безмысленныхъ счетовъ и переписыванія и составленія столь-же безмысленныхъ приказовъ своей барыни, тогда какъ Сафронъ работаетъ, дѣйствительно, не покладая рукъ и все-же ведетъ образцово хозяйство. Есть также разница и въ личныхъ способностяхъ. Николай Еремѣичъ является въ разсказѣ ничѣмъ больше, какъ ловкимъ временьщикомъ.

Возвысился онъ до положенія главнаго конторщика не личными заслугами, а вѣроятно интригами при помощи своей сообщницы ключницы.

Сафронъ, напротивъ, стоитъ высоко въ глазахъ барина именно благодаря своей дѣятельности, благодаря своимъ личнымъ заслугамъ: господинъ Пѣночкинъ отлично понималъ всю выгоду имѣть такого бурмистра, а потому и спускалъ ему навѣрное многое такое, за что главный конторщикъ былъ бы сосланъ своею барыней въ курную избу.

Разница между двумя указанными лицами состоитъ еще и въ томъ, что Сафронъ несомнѣнно умнѣе Николая Еремѣича, т. е. лучше знаетъ слабости своего барина и лучше умѣетъ къ нимъ поддѣлаться.

Сафронъ льститъ предъ своимъ бариномъ, но не боится въ сущности его нисколько, понимая, что баринъ безъ него обойтись никакъ не можетъ, — Николай Еремѣичъ труситъ, когда идетъ къ барынѣ по ея требованію, труситъ управляющаго нѣмца да, вѣроятно и всякого другого, кто сумѣлъ бы поставить себя на надлежащую ногу съ нимъ. Оба эти типа, несомнѣнно, отрицательны и создались въ жизни русскаго народа именно

благодаря крѣпостному праву, но все же бурмистру Сафрону слѣдуетъ отдать нѣкоторое предпочтеніе предъ Николаемъ Еремѣичемъ, во-первыхъ за его дѣловитость, сильную волю и энергію, а во-вторыхъ, потому, что онъ несомнѣнно стоитъ ближе къ народу, чѣмъ послѣдній. При другихъ условіяхъ изъ Сафрона вышелъ бы дѣльный, дѣйствительно полезный членъ общества, составлявшій, быть можетъ, даже гордость родного края, а изъ Николая Еремѣича и при другихъ бы условіяхъ, даже самыхъ благопріятныхъ, все же получился бы взяточникъ и плутъ, только не въ барской конторѣ, а въ какомъ-нибудь присутственномъ правительственномъ мѣстѣ и въ мундирѣ мелкаго чиновника или писца. Спустя самое короткое время автору изъ устъ самихъ крестьянъ пришлось убѣдиться, что бурмистръ господина Пѣночкина дѣйствительно обладаетъ несокрушимой волей и энергіей и кругомъ обманываетъ своего довѣрчиваго барина. Автору пришлось убѣдиться въ превосходствѣ Сафрона надъ Пѣночкинымъ въ умственномъ отношеніи и практичности. Сафрона скорѣе можно назвать „государственнымъ человѣкомъ“, нежели его самоувѣреннаго, но въ сущности жалкаго барина.

На вопросъ автора, обращенный къ мужику:

— „А что онъ (бурмистръ Сафронъ) за человѣкъ“— мужикъ отвѣтилъ:

— Собака, а не человѣкъ, такой собаки до самаго Курска не найдешь.

— А что?

— Да вѣдь Шипиловка только что числится за тѣмъ, какъ бишь его, за Пѣнкинымъ—то; вѣдь не онъ ей владѣетъ: Софронъ владѣетъ.

— Неужто?

— Какъ своимъ добромъ владѣетъ. Крестьяне ему кругомъ должны: работаютъ на него, словно батраки: кого съ обозомъ посылаетъ, кого куды......—затормошилъ совсѣмъ.

— Земли у нихъ, кажется, не много.

— Не много. Онъ у однихъ Хлыновскихъ восемьдесятъ десялинъ нанимаетъ, да у нашихъ сто двадцать: вотъ те и цѣтыхъ полтораста десятинъ. Да онъ не одной землей промышляетъ: но и лошадьми промышляетъ и скотомъ, и дегтемъ, и масломъ, и пенькой, и чѣмъ чѣмъ... Уменъ, больно уменъ, и богатъ же бестія. Да вотъ чѣмъ плохъ-дерется. Звѣрь, не человѣкъ: сказано: собака, песъ, какъ есть песъ...

— Да чтожъ они на него не жалуются?

— Экста. Барину то что за нужда! — Недоимокъ не бываетъ, такъ ему что?

— Да, поди ты, — прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія: — пожалуйся. Нѣтъ онъ тебя... да, поди ка.... Нѣтъ ужъ онъ тебя вотъ какъ, того....

Авторъ вспомнилъ про сцену, когда мужики, обиженные Сафрономъ, жаловались господину Пѣночкину и разсказалъ о ней своему собесѣднику мужику Анпадисту.

— Ну, — промолвилъ Анпадистъ, — заѣстъ онъ его теперь, заѣстъ человѣка совсѣмъ. Староста его теперь забьетъ. Экой безжалостный, подумаешь бѣдняга. И за что терпитъ... На сходкѣ съ нимъ повздорилъ, съ бурмистромъ то, не втерпежъ, знать, пришлось.... Великое дѣло. Вотъ онъ его, Антипа то, клевать и началъ. Теперь доѣдетъ. Вѣдь онъ такой песъ, собака, прости Господи мое прегрѣшеніе, знаетъ, на кого налечь. Стариковъ — то, что побогаче, да посемейнѣе, не трогаетъ, лысый чортъ, а туть вотъ и расходился. Вѣдь онъ Антиповыхъ то сыновей безъ очереди въ рекруты отдалъ, мошенникъ безпардонный, песъ, прости Господи мое прегрѣшеніе.

Вотъ какія вещи творились за плечами помѣщиковъ, о чемъ они даже не подозрѣвали, не знали и не желали знать. Полное, безконтрольное распоряженіе жизнью, имуществомъ и судьбою крестьянъ, самое безжалостное эксплоатированіе было дѣломъ совершенно обычнымъ среди дворовыхъ людей, какими былъ Николай Еремѣичъ главный конторщикъ и бурмистръ Сафронъ.

Эти два типа, какъ уже было указано, во многихъ отношеніяхъ сходственны.

Значитетьную противоположность имъ представляютъ два другихъ типа дворовой аристократіи, выведеные въ разсказѣ „Льговъ“ и „Свиданіе“.

Въ первомъ разсказѣ обрисованъ авторомъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ, молодой охотникъ, съ которымъ авторъ случайно познакомился во время одной изъ многочисленныхъ своихъ поѣздокъ на охоту. Тургеневъ нѣсколькими сильными взмахами кисти даетъ намъ живое описаніе внѣшности этого четовѣка, его костюма, манеръ держать себя и говорить. Изъ всего этого описанія такъ и чувствуется, что предъ авторомъ стоялъ именно вольноотпущеный дворовый человѣкъ, изъ такъ называемой дворовой аристократіи.

— Позвольте себя рекомендовать; началъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: — я здѣшній охотникъ Владиміръ... Услыхавъ о вашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволи отправиться на берегъ нашего пруда рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги.

Авторъ принялъ знакомство и услуги охотника Владиміра и вскорѣ узналъ всю исторію его жизни, такъ какъ онъ оказался очень словоохотливымъ и общительнымъ человѣкомъ. Охотникъ Владиміръ говорилъ ни дать, ни взять, какъ провинціальный молодой актеръ, занимающій роли первыхъ любовниковъ; онъ былъ, дѣйствительно, вольноотпущенный дворовый человѣкъ: въ нѣжной юности обучался музыкѣ и былъ камердинеромъ у своего барина, зналъ грамотѣ, почитывалъ кое-какія книжонки. Говорилъ онъ необыкновенно изящно, и, видимо, щеголялъ своими изысканными манерами, что въ сущности было ломаніемъ и былъ вѣроятно, замѣчаетъ авторъ, волокита страшный. Говорилъ онъ много и при этомъ постоянно улыбался очень мило и разнообразно; особенно шла къ нему, замѣчаетъ авторъ, скромная сдержанная улыбка, когда онъ снисходительно внималъ чу-

жимъ рѣчамъ. Онъ выслушивалъ своего собесѣдника, онъ соглашался съ нимъ, но всетаки—не терялъ чувства собственнаго достоинства, и какъ будто хотѣлъ дать почувствовать, что и онъ можетъ, при случаѣ изъявить свое мнѣніе. Къ этому краткому описанію слѣдуетъ добавить еще описаніе костюма охотника Владимира, и предъ глазами читателя будетъ совершенно ясно обрисованъ весь этотъ типъ со всей его несложной духовной организаціей, такъ какъ именно у такого сорта людей, къ какому принадлежалъ охотникъ Владимиръ, внѣшность вполнѣ отражаетъ все внутреннее. Одѣтъ охотникъ Владимиръ былъ въ синій, сильно потертый сюртукъ, изъ подъ катораго на груди виднѣлся желтоваго цвѣта жилетъ, а на ногахъ панталоны цвѣта „гриделень или бле-д-амуръ“, наскоро засунутые въ дырявые сапоги. На шеѣ у него былъ повязанъ красный платокъ, за плечами болталась одностволка. Волосы, когда онъ снялъ фуражку, оказались въ очень странномъ видѣ: они были длинные, русаго цвѣта, насквозь пропитанные квасомъ и торчали неподвижными косицами. Небольшіе каріе глазки привѣтливо моргали, а все лицо, повязанное чернымъ платкомъ, словно отъ зубной боли, сладостно улыбались.

Вся духовная организація, всѣ его стремленія, мысли, и чувства нашли себѣ полное отраженіе въ его внѣшности. Характерной чертой такого человѣка, какъ охотникъ Владимиръ, безусловно является его духовная ограниченность, высокое самомнѣніе, однако, не смотря на эту ограниченность, желаніе нравиться, показать себя и способность довольствоваться дешевенькими успѣхами. Понятіе о чести, человѣческомъ достоинствѣ и нравственныхъ началахъ у такого человѣка обыкновенно очень низко и своеобразно, но не отсутствуетъ совершенно. Роль и значеніе ихъ въ жизни чрезвычайно печальны. Бѣда заключается въ томъ, что у нихъ нѣтъ никакого опредѣленнаго общественнаго положенія. Отъ одного класса, т. е. отъ крестьянъ онъ отсталъ, а къ

другому классу къ какому-нибудь не присталъ, хотя всѣ тяготѣнія, всѣ завѣтныя мечты такихъ людей, какъ охотникъ Владимиръ направлены въ старону баръ-дворянъ. Симпатіи и вкусы ихъ направлены въ эту сторону, а средствъ матеріальныхъ никакихъ нѣтъ для удовлетворенія этихъ вкусовъ, такъ какъ ни къ какому физическому или умственному труду они не способны, поэтому-то вслѣдствіе фальшиваго своего положенія люди эти обыкновенно бываютъ желчны, раздражительны, относятся съ явнымъ пренебреженіемъ къ людямъ не барскаго происхожденія и ищутъ знакомствъ исключительно съ людьми богатыми и знатными и во всякомъ случаѣ съ дворянами.

Все это великолѣпно можно прослѣдить на охотникѣ Владимирѣ. У него не было никакого опредѣленнаго общественнаго положенія и занятія; жилъ онъ безъ гроша наличнаго, питался только что не манной небесной, но за то, въ преферансъ игралъ, ѣздилъ въ гости къ сосѣднимъ помѣщикамъ-дворянамъ и вообще знался со столичными людьми по преимуществу. Къ лицамъ низкаго происхожденія относился пренебрежительно. Такъ напримѣръ, выслушавъ разсказъ двороваго нѣкоего Сучка объ его жизненныхъ приключеніяхъ,—онъ обратился къ автору со слѣдующими словами:

Глупый человѣкъ-съ, — промолвилъ онъ, когда Сучокъ ушелъ: — совершенно необразованный человѣкъ, мужикъ-съ, больше ничего-съ... и все хвасталъ-съ... Гдѣ же ему быть актеромъ-съ, сами извольте разсудить-съ. Напрасно изволили бозпокоиться, изволили съ нимъ разговаривать.

Очень близко по своей внѣшности, духовной организаціи, чувствамъ, стремленіямъ и мыслямъ къ охотнику Владимиру стоитъ камердинеръ Викторъ Александровичъ, обрисованный Тургеневымъ мастерски въ небольшомъ разсказѣ „Свиданіе“.

Однажди осенью, желая укрыться отъ мелкаго дождика, Тургеневъ случайно забрелъ въ какую-то рощу

и, сидя тихонько подъ березой замѣтилъ не вдалекѣ отъ себя на лужайкѣ какую-то крестьянскую дѣвушку съ цвѣтами въ рукахъ, которая, казалось, кого-то поджидала. Дѣйствительно, вскорѣ къ ней приблизился мужчина, который, какъ заключилъ авторъ изъ разговора этого мужчины съ дѣвушкой, былъ камердинеромъ у какого-то молодого и богатаго барина и собирался на слѣдующій день уѣхать съ нимъ въ столицу, а потому въ послѣдній разъ, очевидно, пришелъ на свиданіе съ дѣвушкой, съ которой состоялъ въ любовной связи. Авторъ, очевидно, былъ невольнымъ свидѣтелемъ прощальнаго свиданія любовниковъ, изъ которыхъ ни одна сторона не могла считаться счастливой, а меньше всего несчастная, покидаемая и обманутая такимъ образомъ дѣвушка.

Авторъ слышалъ весь ихъ разговоръ отъ слова до слова, въ немъ выразилась вполнѣ душа каждаго. Костюмъ и вообще внѣшность, манера говорить и держать себя вполнѣ отражали душевную организацію характеръ и степень умственнаго развитія мужчины.

Авторъ про него замѣчаетъ слѣдующее:

„Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него изъ своей засады. Признаюсь, онъ не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія. Это былъ, по всѣмъ признакамъ, избалованный камердинеръ молодого, богатаго барина. Эго одежда изобличала притязаніе на вкусъ и щегольскую небрежность: на немъ было пальто бронзоваго цвѣта, вѣроятно, съ барскаго плеча, застегнутое до верху, розовый галстучекъ съ лиловыми кончиками и бархатный, черный картузъ съ золотымъ галуномъ, надвинутый на самыя брови. Круглые воротнички его бѣлой рубашки немилосердно подпирали ему уши и рѣзали щеки, а накрахмаленные рукавчики закрывали всю руку вплоть до красныхъ и кривыхъ пальцевъ, украшенныхъ серебряными и золотыми кольцами съ незабудками изъ бирюзы. Лицо его, румяное, свѣжее, нахальное, принадлежало къ числу лицъ, которыя, сколько я могъ замѣтить, почти

всегда возмущаютъ мужчинъ и, къ сожалѣнію, очень часто нравятся женщинамъ. Онъ, видимо, старался придать своимъ грубоватымъ чертамъ выраженіе презрительное и скучающее; безпрестанно щурилъ свои, и безъ того крошечные, молочно сѣрые глазки, морщился, опускалъ углы губъ, принужденно зѣвалъ и съ небрежной, хотя не совсѣмъ ловкой развязностью, то поправлялъ рукой рыжеватые, ухарски закрученные усы и виски, то щипалъ желтые волосики, торчавшіе на толстой верхней губѣ,— словомъ ломался нестерпимо. Началъ онъ ломаться, какъ только увидалъ молодую крестьянку, его ожидавшую; медленно, развалистымъ шагомъ подошелъ онъ къ ней, постоялъ, подернулъ плечами, засунулъ обѣ руки въ карманы пальто и, едва удостоивъ бѣдную дѣвушку бѣглымъ и равнодумнымъ взглядомъ, опустился на землю".

Такова была внѣшность этого двороваго аристократа.

Въ ней очень много сходственнаго со внѣшностью охотника Владимира. То же притязаніе на вкусъ и изысканность въ костюмѣ, а въ сущности отсутствіе всякаго вкуса; та же страсть къ дешевенькимъ украшеніямъ въ родѣ колецъ съ бирюзой, галстука съ лиловыми кончиками съ тою разницею только, что Владимиръ, какъ уже отпущенный на волю, а слѣдовательно уже не пользовавшійся барскими обносками и не имѣющій никакихъ средствъ, былъ одѣтъ значительно бѣднѣе. Претензіи однако, тѣ же самыя.

Видна та же манера и держать себя и говорить, т. е. ломаться, рисоваться съ желаніемъ понравиться, но въ то же время показать свое собственное достоинство или даже превосходство и пренебреженіе. Въ обоихъ фигурахъ такъ и сквозитъ въ каждомъ движеніи и словѣ желаніе подрожать господамъ вообще, въ частности своему барину. И степень умственнаго развитія охотника Владимира н камердинера Викотора одна и та же. Оба они увлекаются внѣшней стороной культурной жизни, совершенно не понимая ея внутренней стороны; симпатіи обоихъ на сторонѣ баръ. Къ лицамъ низкаго про-

исхожденія оба они относятся пренебрежительно, а на женщину смотрятъ, какъ на средства удовлетворенія своей чувственности, которая у нихъ сильно развита; одинаково они хотятъ и умѣютъ нравиться женщинамъ и одинаково, вѣроятно, у обоихъ кончаются ихъ любовныя связи, т. е. когда имъ надоѣдаетъ та или другая, то они безжалостно бросаютъ ее, находясь въ пріятномъ убѣжденіи, что любовь ихъ дѣлаетъ, бросаемыхъ ими женщинъ счастливыми навсегда. Они думаютъ, что любя женщину, дѣлаютъ ей тѣмъ великую честь и милость; своимъ чувствомъ они какъ бы нисходятъ къ женщинѣ, а бросая ихъ, увѣрены, что не дѣлаютъ никакого преступленія, а совершаютъ нѣчто вполнѣ обыденное, не причиняющее никому горя и страданія. Вообще человѣческое страданіе и пониманіе его совершенно недоступно людямъ, подобнымъ камердинеру Виктору и охотнику Владимиру, вслѣдствіе ихъ крайней умственной ограниченности и невѣроятно сильно развитаго эгоизма. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что подобнымъ людямъ почти вовсе не свойственны, такъ называемыя, благородныя движенія души, но за то чрезвычайно свойственны и развиты различные низменные инстинкты, уродливое самолюбіе и даже жестокость, тѣмъ болѣе страшная, что она вытекаетъ изъ ихъ наивнаго тупоумія.

Послѣдняя черта, т. е. именно эта наивная жестокость омерзительно проявляется въ большинствѣ случаевъ въ отношеніяхъ къ женщинамъ.

Великолѣпное доказательство этого имѣемъ изъ разговора и отношеній камердинера Виктора къ дѣвушкѣ Акулинѣ. Она, всхлипывая отъ слезъ, съ трудомъ удерживаемыхъ рыданій, едва осмѣливалась простирать къ нему руки и коснѣющимъ языкомъ лепетать:

„Я ничего не хочу, но каково же мнѣ теперь въ семьѣ, каково же мнѣ? и что же со мной будетъ, что станется со мной, горемычной? за немилаго выдадутъ сиротиночку... Бѣдная моя головушка!“ А онъ, видя, что его запрещенія горевать и плакать не дѣйствуютъ

на нее, бормоча въ полголоса: „Припѣвай, припѣвай!“ уходитъ быстрыми шагами отъ несчастной дѣвушки, не чувствуя ни малѣйшаго укора совѣсти.

Жестокость и эгоизмъ этого человѣка доходятъ до такой степени, что онъ запрещаетъ бѣдной дѣвушкѣ плакать и жаловаться на свою судьбу въ его присутствіи, потому что это раздражаетъ его нервы; онъ выражаетъ ей на каждомъ шагу полное презрѣніе, называя ее глупой, деревенской дурой, хотя пользовался ея ласками и преданностью, и за все это онъ не можетъ найти въ своей гаденькой душонкѣ ни одного ласковаго слова ей на прощанье, котораго она такъ жадно просила и ждала: „хоть бы словечко, на прощанье...“ рыдала несчастная Акулина, но не получила ничего: ея возлюбленный, не переноситъ женскихъ слезъ, а потому и ушелъ отъ нея.

Такъ обрисовываетъ Тургеневъ этотъ типъ двороваго аристократа. Оба они съ охотникомъ Владимиромъ стоятъ далеко уже отъ народа; отошли отъ него на большое разстояніе, но не въ положительную сторону, а въ отрицательную; отойдя отъ народа, они пріобрѣли дешевенькій, несимпатичный внѣшній лоскъ, но утратили за то простоту, естественность, чистоту нравственную; они лишились корня питавшаго ихъ, и какъ лишенные такового, должны завянуть и исчезнуть съ лица земли, не оставивъ послѣ себя ни одного добраго воспоминанія, не возбудивъ ни въ комъ никакого добраго чувства, а лишь страданіе и горе тѣмъ, съ кѣмъ были близки, такъ какъ даже любовь ихъ, это всепрощающее и возвышающее душу человѣка чувство вообще,—приноситъ людямъ горе одно только и страданіе, какъ это, именно, видно изъ послѣдняго разобраннаго разсказа.

Всѣ четыре указанныхъ и разобранныхъ типа дворовой аристократіи обрисованы Тургеневымъ отрицательными чертами, но встрѣчаются у него и положительные типы дворовыхъ, хоть и гораздо рѣже. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ „Малиновая вода“ обрисованъ

слегка бывшій дворецкій какого-то графа Петра Ильича, вельможи екатерининскаго времени, нѣкто Михайло Савельевъ, по прозвищу Туманъ. Обрисованъ онъ авторомъ слегка, но все же изъ его воспоминаніи можно сдѣлать кое какія заключенія.

Видно, напримѣръ, что онъ относится съ любовью къ своимъ бывшимъ господамъ, сочувствуетъ ихъ неудачамъ, горюетъ о ихъ смерти и вспоминаетъ только добромъ. Въ его безыскусственныхъ разсказахъ видна собачья привязанность къ господамъ. Туманъ живетъ воспоминаніями; все прошлое представляется ему въ привлекательныхъ краскахъ. Былые торжественные обѣды, на которые съѣзжались различныя высокопоставленныя лица въ голубыхъ лентахъ, праздники, фейерверки, громъ музыки, многолюдные охоты и пр. и пр. —все это занимаетъ въ воспоминаніяхъ Тумана первое мѣсто. Добродушный старикъ помнитъ и видитъ въ добромъ старомъ времени почти только одно хорошее, все печальное изгладилось изъ его души. Видно, что его привлекаетъ одна только внѣшняя сторона европейской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи онъ не далеко ушелъ отъ прочихъ дворовыхъ людей. Манерой держать себя и говорить онъ напоминаетъ людей екатерининскаго времени, и это свидѣтельствуетъ, что и добродушный Туманъ не чуждъ былъ нѣкоторой подражательности своимъ господамъ. Вообще всѣ симпатіи Тумана на сторонѣ баръ, и вкусы его тоже на ихъ сторонѣ, такъ что и съ этой стороны онъ напоминаетъ всѣхъ дворовыхъ. Онъ вольноотпущенный и, какъ всѣ таковые, живетъ Богъ вѣсть чѣмъ, не имѣя ни опредѣленнаго положенія, ни занятія. И въ этомъ отношеніи онъ не представляетъ исключенія изъ общаго правила, но за то въ немъ нѣтъ пренебрежительнаго отношенія къ лицамъ низшаго происхожденія— къ своимъ братьямъ крестьянамъ. Туманъ, напримѣръ, очень дружелюбно обращается съ забитымъ и загнаннымъ Степкой. Это, несомнѣнно, составляетъ положительную сторону Тумана.

Другой типъ двороваго аристократа, обрисованный Тургеневымъ положительными чертами, выведенъ уже въ разсказѣ, не входящемъ въ составъ „Записокъ охотника“, а именно въ отдѣльномъ, подъ заглавіемъ „Три портрета“. Въ немъ авторъ мимоходомъ даетъ небольшой, но чрезвычайно рельефный очеркъ стараго слуги, по имени Юдича, состоявшаго приближеннымъ и довѣреннымъ человѣкомъ у своего барина, господина Лучинова, человѣка стараго и чрезвычайно угрюмаго. Этотъ Юдичъ представленъ авторомъ, какъ идеалъ старыхъ крѣпостныхъ слугъ. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшей раздвоенности: онъ весь преданъ своимъ господамъ и кромѣ нихъ не знаетъ никого и ничего. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ стараго своего барина и въ теченіе многихъ лѣтъ самой вѣрной службы, за исключеніемъ одного только случая, ни разу не измѣнилъ ему. Несмотря на полное довѣріе барина, Юдичъ не злоупотреблялъ своей властью и вліяніемъ, чтобы выжать что-нибудь изъ крестьянъ. Напротивъ, онъ пользовался и у нихъ необыкновеннымъ почетомъ и уваженіемъ. „Память его до сихъ поръ священна всѣмъ моимъ дворовымъ людямъ“, замѣчаетъ разсказчикъ, отъ лица котораго Тургеневъ ведетъ повѣствованіе. Въ Юдичѣ есть необыкновенно сильно развитое чувство долга и чести. Изъ чувства долга, онъ, какъ вѣрный слуга, донесъ своему барину объ измѣнѣ его супруги, барыни Анны Павловны, хотя въ послѣдствіи и раскаялся въ своемъ усердіи; чувство чести выразилось въ томъ, что Юдичъ не можетъ допустить и мысли, чтобы его сѣдины были опозорены тѣлеснымъ наказаніемъ. Въ немъ, очевидно, укрѣпилось сознаніе, что долголѣтняя безпорочная служба барину поставила его выше общаго уровня дворовыхъ, что барская власть можетъ встрѣтить естественныя границы въ преданности. Потому то несчастный старикъ обезумѣлъ, когда баринъ позвалъ слугъ и велѣлъ наказать его палками. „Какъ? меня... наказывать? прошепталъ Юдичъ,—я посѣдѣлъ на вашей службѣ, Иванъ

Андреевичъ“. Но это его не спасло отъ наказанія, и даже подъ палками самоотверженный Юдичъ не хотѣлъ выдать похитителя мѣшка съ деньгами, желая спасти молодого барина отъ страшнаго гнѣва отца. Можно смѣло предположить, что старикъ умеръ бы подъ розгами, не назвавъ имя похитителя, если бы тотъ самъ не явился предъ своимъ грознымъ отцомъ и не признался бы во всемъ. Только это добровольное признаніе молодого барина спасло Юдича отъ смерти, но не спасло его отъ ссылки въ курную избу; однако и тамъ онъ не роптала ни на стараго барина, наказавшаго его, ни на молодого, подведшаго его подъ наказаніе. Вечеромъ того же самаго дня Юдичъ сидѣлъ на крылечкѣ дворовой избы. Люди окружали его, сожалѣли о немъ и горько упрекали молодого барина.

— Полноте, дѣти, — сказалъ онъ имъ наконецъ! — полноте... что вы его браните? онъ и самъ чай, батюшка нашъ, своей удали не радъ... Эти слова Юдичъ произнесъ съ чисто-эпическимъ спокойствіемъ. Любовь и преданность его своимъ господамъ не имѣли границъ.

Къ типу двороваго слуги, какимъ былъ Юдичъ, близко подходитъ Лукьянычъ изъ разсказа „Три встрѣчи“, тоже не входящаго въ составъ „Записокъ охотника“. Преданность его старому доброму времени и господамъ доходила до такихъ размѣровъ, что старикъ, не выдержавъ одиночества и своихъ воспоминаній о прошлой жизни, полной блеска и шуму, удавился въ маленькой каморкѣ барскаго дома. Очевидно для старика Лукьяныча не было другой жизни, кромѣ жизни его господъ, а такъ какъ господа уѣхали, и домъ запустѣлъ, то не стало внутренней жизни и въ Лукьянычѣ: душа его, какъ бы умерла, а вмѣстѣ съ ней умерло и его тѣло: онъ удавился, будучи не въ состояніи перенести полнаго одиночества и смерти духовной.

Всѣ указанные типы дворовыхъ людей, выведенные Тургеневымъ въ „Запискахъ охотника“ и въ двухъ самостоятельныхъ разсказахъ: „Старые портреты“ и „Три

встрѣчи“, какъ отрицательные, а ихъ большинство, такъ и положительные,—явились въ русской жизни, какъ естественный результатъ крѣпостного права. Въ другое время они были бы невозможны и съ исчезновенiемъ крѣпостного права должны были исчезнуть изъ жизни. Такъ именно и случилось. Типы эти исчезли изъ жизни или такъ видоизмѣнились, что никто бы теперь въ какомъ-нибудь ловкомъ и энергичномъ предпринимателѣ не узналъ бы бурмистра Софрона, а въ какомъ-нибудь среднемъ чиновникѣ, служащемъ въ уѣздномъ управленiи старшаго конторщика Николая Еремѣича. Типовъ этихъ уже нѣтъ, но они сохранились въ „Запискахъ охотника“ и по этимъ произведенiямъ мы теперь можемъ судить, какъ повлiяло крѣпостное право на выработку мiросозерцанiя дворовыхъ, на ихъ внѣшность, даже и на разговорную рѣчь. Читая „Записки охотника“, невольно замѣчаешь, что у дворовыхъ былъ не только свой специальный костюмъ и выраженiе лица, но и языкъ, не свойственный ни крестьянамъ, ни фабричнымъ. Про костюмъ дворовыхъ можно сказать слѣдующее:

Вообще дворню въ барскихъ домахъ было принято одѣвать въ длинные синiе кафтаны съ высокими воротниками, панталоны мутнаго колорита и коротенькiе, желтоватые жилетцы. (Два помѣщика). Это былъ, такъ сказать, основной типъ костюма дворовыхъ. Были, конечно, многочисленныя варiацiи въ зависимости отъ вкуса господъ и степени ихъ зажиточности. Были, наконецъ, дворовые, одѣвавшiеся въ платье съ барскаго плеча, какъ напримѣръ, камердинеръ Викторъ; или даже въ свое собственное, какъ напримѣръ, старшiй конторщикъ Николай Еремѣичъ. Этихъ дворовыхъ, конечно, нельзя подвести ни подъ какое общее правило. Совсѣмъ другое дѣло разговорная рѣчь дворовыхъ. Въ этомъ отношенiи дворовые всѣ подверглись однородному влiянiю со стороны разговорной рѣчи ихъ господъ. Языкъ дворовыхъ обогатился, несомнѣнно, отъ этого влiянiя, не обо-

гатился онъ мало понятными трудными словами и оборотами, большею частью французскаго происхожденія, но съ русскими подлинными окончаніями, или же трудно опредѣлимаго происхожденія. Слова эти въ большинствѣ случаевъ были заимствованы для обозначенія различныхъ предметовъ внѣшней цивилизаціи, какъ напримѣръ, различныхъ сортовъ помады для волосъ, цвѣтовъ матеріи въ родѣ, напримѣръ, какихъ-то бле-д-амръ, гри-де-ленъ и т. п. Были свои особенности, не заимствованныя ни у кого, напримѣръ, женскія окончанія въ именахъ существительныхъ мужескаго рода: молодца, Александра, вмѣсто молодецъ Александръ и т. п.

Языкъ дворовыхъ вообще былъ высокопарный и рѣзко отличался отъ языка крестьянъ; состоялъ онъ изъ смѣси простонародныхъ словъ н выраженій съ изысканнымъ языкомъ баръ и искаженными иностранными, преимущественно французскими словами, чѣмъ дворовые любили щегольнуть, желая обнаружить свое знакомство съ культурной жизнью. Такое искаженіе своего родного языка тоже явилось прямымъ результатомъ крѣпостного права. Въ самомъ дѣлѣ, дворовые, находясь въ непосредственной близости къ помѣщикамъ, услуживая имъ на каждомъ шагу, естественно вполнѣ должны были волей неволей усвоить себѣ названія различныхъ предметовъ и понятій, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ обиходѣ господъ. Чтобы подать барину ту или другую часть туалета, камердинеръ долженъ былъ знать названія ихъ; чтобы изготовитьт о или другое мудреное кушанье, изобрѣтенное французской кухней, поваръ долженъ былъ знать его хитрыя названія, а онъ былъ обыкновенно изъ дворовыхъ, рѣдко французъ, — а лакей, подававшій эти кушанья на столъ и прислуживавшій за нимъ,—долженъ былъ знать названія безконечнаго количества иностранныхъ винъ и всего того, что потребно господамъ за столомъ. Не удивительно поэтому, что у дворовыхъ выработался свой спеціальный языкъ, такъ сказать, жаргонъ, который мало былъ понятенъ простому народу;

онъ больше приближался къ изысканному языку господъ, такъ какъ создался именно, какъ продуктъ вліянія господъ на дворовыхъ.

Такимъ въ общихъ чертахъ рисуется міръ дворовыхъ людей въ эпоху крѣпостного права по „Запискамъ охотника". Отраднаго въ немъ, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, было очень мало, но все же дворовымъ во многихъ отношеніяхъ жилось значительно лучше, нежели прочимъ крестьянамъ, сидѣвшимъ на землѣ. Крестьянамъ ужъ потому было хуже, что они часто зависѣли и подвергались различнымъ притѣсненіямъ не только со стороны господъ, но также и со стороны дворовыхъ, что было гораздо тяжелѣе сносить.

Доказательствомъ этому можетъ быть бурмистръ Софронъ и его отношенія къ крестьянамъ: „Песъ, одно слово песъ, а не человѣкъ", говорятъ мужики о немъ, и въ этомъ одномъ словѣ выражаютъ всю тягость своего положенія подъ управленіемъ этого „государственнаго ума".

Крестьянъ встрѣчается въ „Запискахъ охотника" гораздо больше, нежели дворовыхъ и обрисованы они значительно полнѣе, но въ сущности, всѣ крестьянскія лица мужского пола могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ типамъ, всѣ крестьяне представляютъ разновидности этихъ двухъ типовъ за очень рѣдкимъ и незначительнымъ исключеніемъ. Одинъ типъ крестьянъ, выраженный отвлеченно, можно назвать однимъ словомъ: „матеріалистъ", а другой представляетъ типъ идеалиста-романтика, но, конечно, съ чисто національной окраской. Представителемъ типа мужиковъ матеріалистовъ можно считать Хоря, а представителемъ противоположнаго ему типа идеалистовъ-романтиковъ-Калиныча изъ разсказа „Хорь и Калинычъ". Ермолай, Косьянъ съ „Красивой — Мечи", всѣ дѣти изъ „Бѣжина Луга", принадлежатъ къ этимъ двумъ основнымъ типамъ.

Что касается женскихъ типовъ, то и они всѣ могутъ быть сведены въ общемъ къ двумъ основнымъ типамъ: типъ женщины матеріалистки съ прибавленіемъ сильно

развитой чувственности, въ родѣ, напримѣръ, жены Акима изъ разсказа „Постоялый дворъ“ Авдотьи и типъ женщины-идеалистки съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ и способностью переносить страданья, представительницей котораго можетъ быть Лукерья изъ разсказа „Живыя мощи“.

О томъ, что всѣ лица крестьянъ, выведенныя Тургеневымъ въ „Запискахъ охотника“ могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ типамъ мужскихъ и женскихъ, слѣдуетъ твердо помнить при разборѣ этого произведенія Тургенева.

Теперь разсмотримъ нѣкоторыя отдѣльныя лица крестьянъ изъ разсказовъ, вошедшихъ въ составъ „Записокъ охотника“. Тургеневъ обнаруживаетъ передъ читателями совершенно новый міръ, міръ безконечнаго труда, страданій и слезъ русскаго крестьянина, на которомъ, какъ на каменномъ основаніи, было построено все могущество Россіи, весь блескъ и слава царствованія: Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I. Крѣпостное право, лежавшее тяжелымъ бременемъ на спинѣ русскаго мужика, создало особыя черты его характера, и Тургеневъ изображаетъ ихъ, нисколько не преувеличивая. Мужики, обрисованные Тургеневымъ, являются бѣдными, неопрятными, лѣнивыми, безпечными и аппатичными до такой степени, что даже поражаютъ читателя какимъ-то тупоуміемъ.

Въ общемъ видѣ они являются тѣмъ, что принято называть словомъ „забитый“ и „загнанный“. Но какъ только мужикъ выбивается изъ своего бѣдственнаго положенія, онъ рѣзко мѣняется: становится трудолюбивымъ и энергичнымъ. Будучи простоватымъ съ виду, мужикъ на свободѣ оказывается сообразительнымъ и даже хитрымъ. Мужикъ флегматиченъ, но въ то же время бываетъ часто вспыльчивъ, упрямъ и грубъ, а иногда даже и жестокъ. Невѣжество и пьянство часто доводятъ мужика до гибели, если не физической, то до нравственной. Однако сквозь эти отрицательныя черты мужика прогля-

дываетъ, и ее легко можно замѣтить,—скрытая добродѣ
тель со многими симпатичными сторонами; поэтому-т
въ читателѣ и возбуждается сочувствіе, жалость и со
знаніе ненормальности, окружающихъ мужика условій.

Тургеневъ отлично понималъ, почему такъ, а н
иначе сложился характеръ мужика, а потому его произ
веденіе „Записки охотника“ послужили выразительным
протестомъ противъ крѣпостного права, противъ деспо
тическаго отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ, про-
тивъ ненормальнаго положенія крестьянина и, главным
образомъ, противъ распространившагося мнѣнія, что му-
жикъ не способенъ чувствовать, что онъ—не человѣкъ
а instrumentum vocale, въ родѣ римскаго раба.

Тургеневъ нисколько не идеализируетъ мужика
Дѣло въ томъ, что мрачныя стороны крестьянской жизни
совершенно заслоняютъ въ дѣйствительности самую ни-
чтожную долю положительнаго, а при такомъ условi
о идеализаціи не можетъ быть и рѣчи. Однако, надъ
обрисованными Тургеневымъ типами, нѣкоторые выда-
ются своими положительными чертами. Имѣются также
лица, которыя благодаря трудолюбію и силѣ воли доби-
лись сравнительно лучшаго матеріальнаго положенія
и сдѣлались вполнѣ зажиточными хозяевами. Это —
крестьяне практики, представителями которыхъ являются
Хорь въ разсказѣ „Хорь и Калинычъ“ и Николай Ива-
новичъ, герой разсказа „Пѣвцы“. О Хорѣ Тургеневъ
отзывается слѣдующимъ образомъ: „Хорь былъ человѣкъ
положительный, практическій, административная голова
раціоналистъ; онъ понималъ дѣйствительно, то есть: об-
строился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ бариномъ
и прочими властями; Хорь расплодилъ большое семей-
ство, покорное и единодушное, Хорь насквозь видѣлъ
г-на Полутыкина... Калиныча любилъ и оказывалъ ему
покровительство... говорилъ Хорь мало, посмѣивался
и разумѣлъ про себя...“ Самъ баринъ называетъ Хоря
умнымъ мужикомъ; и дѣйствительно, онъ оказывается
дальновиднымъ человѣкомъ. Хорь ясно сознаетъ, что

ему лучше быть вдали отъ барина и, благодаря своей находчивости и здравому смыслу, получаетъ позволеніе поселиться въ лѣсу на болотѣ. Хорь вполнѣ убѣжденъ, что баринъ думаетъ исключительно о томъ, чтобы получить съ него какъ можно больше оброку, и Хорь исправно вноситъ помѣщику по сто рублей въ годъ. Промышляя „маслишкомъ и дегтишкомъ", Хорь скопилъ деньжонки, но на волю не выкупается: онъ полагаетъ, что ему выгоднѣе быть за бариномъ, „попадешь совсѣмъ въ вольные люди,—тогда кто безъ бороды живетъ, тотъ и будетъ Хоря набольшій". Слѣдуетъ замѣтить, что Хорь не любитъ высказывать своихъ мнѣній о свободѣ, и авторъ замѣчаетъ про Хоря слѣдующее: „Крѣпокъ ты на языкъ и человѣкъ себѣ на умѣ". Съ презрѣніемъ, онъ смотритъ на женщинъ, которыя, по его мнѣнію, должны быть постоянно въ полной зависимости отъ мужчинъ. Отличительной чертой Хоря является его отношеніе къ барину—помѣщику. Онъ какъ будто сознаетъ несправедливость ненормальныхъ отношеній между бариномъ и мужикомъ. Хорь споритъ съ Калинычемъ, доказывая послѣднему, что баринъ долженъ дать Калинычу на сапоги, такъ какъ постоянно таскаетъ его съ собой на охоту. Къ автору очерка Хорь въ разговорѣ относится какъ-то снисходительно-ироничести. „А что, у тебя своя вотчина есть?" — Есть — „Что же, ты, батюшка, живешь въ своей вотчинѣ?"—Живу. — „А большей, чай, ружьемъ пробавляешся?" — Признаться, да. — „Хорошо, батюшка, дѣлаешь. Стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще". Выводы Хоря очень просты: барину живется очень легко на свѣтѣ; ему дѣлать нечего, такъ какъ за него другіе дѣлаютъ; пусть себѣ забавляется.

Такимъ же выразительнымъ типомъ практика-хозяина служитъ Николай Ивановичъ, герой разсказа „Пѣвцы". Тургеневъ говоритъ о Николаѣ Ивановичѣ, что „у него много здраваго смысла; ему хорошо знакомъ и помѣщичій бытъ, и крестьянскій, и мѣщанскій. Онъ

знаетъ толкъ во всемъ, что важно, или занимательно для русскаго человѣка: въ лошадяхъ и въ скотинѣ въ лѣсѣ, въ кирпичахъ, въ посудѣ, въ красномъ товарѣ и въ кожевенномъ, въ пѣсняхъ и въ плясках". Николая Ивановича знаютъ и уважаютъ въ своемъ околодкѣ какъ привѣтливаго и добродушнаго хозяина, а потому въ его кабакѣ всегда можно найти много завсегдатаевъ. Своими симпатичными чертами Николай Ивановичъ снискалъ себѣ расположеніе окружающей среды и даже пользовался извѣстнымъ вліяніемъ. Такъ, его сосѣди уважаютъ,... онъ извѣстнаго конокрада заставилъ возвратить лошадь, которую тотъ свелъ со двора у одного изъ его знакомыхъ, уговорилъ мужиковъ сосѣдней деревни не хотѣвшихъ принять новаго управляющаго".

Изъ разсказовъ же „Записокъ охотника" можно замѣтить, что ничто не гарантировало практика-крестьянина отъ различныхъ превратностей. Примѣромъ этому можетъ служить Акимъ Семеновичъ изъ разсказа „Постоялый дворъ". Послѣдній началъ съ извоза; разжился завелъ постоялый дворъ, но страсть къ женскому полу была главной причиной его несчастной судьбы. Будучи уже совершенно пожилымъ мужикомъ, Акимъ Семеновъ вдругъ влюбился въ молодую горничную своей барыни и женился на ней почти противъ ея воли. Жизнь четы протекала сперва мирно и спокойно, но неожиданно на Акима Семенова обрушается несчастье, виновникомъ котораго явился мелкій торговецъ Наумъ Ивановичъ. Послѣднему удалось соблазнить жену Акима, и этотъ негодяй на вытребованныя отъ Авдотьи деньги Акима купилъ у его барыни постоялый дворъ, принадлежащій Акиму, причемъ купчая была написана на ея имя. Это обстоятельство произвело удручающее впечатлѣніе на Акима, который совершенно потерялся; его собственный постоялый дворъ, бывшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ для него единственной доходной статьей, переходитъ во владѣніе чужому человѣку на его же собственныя деньги. Кромѣ того, чужой человѣкъ покупаетъ недвижимость

не у него, а у его помѣщицы, которая безсовѣстно пользуется своими, весьма сомнительными правами на имущество своихъ крѣпостныхъ. Это горе окончательно свалило съ ногъ Акима. Отъ помѣщицы своей Акимъ ничего не можетъ добиться. Съ горя Акимъ два дня пьянствовалъ со случайно встрѣтившимся ему дьячкомъ Ефремомъ, отчаяннымъ пьяницей. Подъ вліяніемъ винныхъ паровъ Акимъ рѣшается отомстить новому владѣльцу двора и собирается поджечь его, въ которомъ уже жилъ Наумъ Ивановичъ со своими работниками. Послѣдній оказывается слишкомъ дальновиднымъ: онъ чутко спитъ и ловитъ Акима на мѣстѣ преступленія, причемъ тутъ же на лицо оказываются тлѣющая головня и кухонный ножъ. Тогда Акима сажаютъ на ночь въ подвалъ съ намѣреніемъ отвезти его на слѣдующій день въ городъ. Акимъ отрезвляется, и за ночь съ нимъ происходитъ переворотъ; къ Науму Ивановичу онъ уже не предъявляетъ претензій, но всѣ обрушившіяся на него несчастія приписываетъ личнымъ грѣхамъ, что онъ и высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Лѣта мои старыя, пора о душенькѣ своей подумать. Меня самъ Господь вразумилъ. Вишь, я старый дуракъ, съ молодой женой хотѣлъ въ свое удовольствіе пожить... Нѣтъ братъ — старикъ, ты сперва помолись да лбомъ о земь постучи, да потерпи, да попостись". Вотъ что говорилъ онъ Авдотьѣ. И что же? Акимъ оставляетъ въ покоѣ Наума Ивановича и предается скитальческому образу жизни. „Вездѣ, куда только стекаются богомольные русскіе люди, можно было увидѣть его исхудавшее и постарѣвшее, но все еще благообразное лицо: у раки св. Сергія, и у Бѣлыхъ береговъ, и въ отдаленномъ Валаамѣ; вездѣ бывалъ онъ. Онъ казался совершенно спокойнымъ и счастливымъ, и люди много говорили о его набожности и смиренномудріи". Акимъ становится набожно-идеальнымъ; онъ совершенно простилъ Наума Ивановича и Авдотью, которымъ отдалъ все оставшееся имущество, и барыню, которой онъ приносилъ просвиру съ

вынутымъ заздравнымъ всякій разъ, когда возвращался домой.

Другую категорію лицъ составляютъ крестьяне идеалисты, мечтатели, которые нисколько не заботятся объ улучшеніи своего матеріальнаго положенія и вполнѣ довольствуются тѣмъ, что имѣютъ возможность жить и созерцать красоту Божьяго міра. Сюда относятся два типа, нарисованныхъ авторомъ „Записокъ охотника“: Калинычъ и Касьянъ съ Красивой-Мечи. Оба они романтическія натуры среди русскаго народа. У Калиныча добродушный, ясный взоръ, вѣчно веселый и кроткій нравъ; онъ — идеалистъ, романтикъ, — совершенное дитя природы. Онъ людей не знаетъ и никогда не узнаетъ. Его благородная и нѣжная душа требуетъ привязанности. Онъ уважаетъ и любитъ Хоря, а за бариномъ ухаживаетъ, какъ за ребенкомъ. Чувства въ немъ пересиливаютъ всѣ прочія душевныя силы. Онъ говоритъ съ жаромъ обо всѣхъ предметахъ. Хозяйствомъ Калинычъ не занимается, такъ какъ его отвлекаетъ охота съ бариномъ, къ которому онъ относится съ почтеніемъ и благоговѣніемъ.

Калинычъ не задумывается надъ своимъ положеніемъ. Его умъ требуетъ работы, а между тѣмъ образованія онъ не получилъ. Онъ вѣритъ разнымъ явленіямъ природы, такъ какъ спросить объ истинномъ значеніи ихъ не у кого. Онъ умѣетъ заговаривать, выгонять червей; у него водятся пчелы; вообще у него легкая рука. Ему, какъ слабовольной натурѣ, необходимо покровительство Хоря, котораго онъ любитъ и уважаетъ. Такъ Калинычъ вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую онъ нарвалъ для своего друга, Хоря. Старикъ его радушно привѣтствовалъ. Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Калиныча: признаюсь, я не ожидалъ такихъ нѣжностей отъ мужика“. Автора какъ-бы удивляетъ, что мужикъ можетъ не только чувствовать, но даже любить, какъ и всякій человѣкъ. Въ то же время Калинычъ какъ бы не понимаетъ соб-

ственнаго достоинства, слѣпо исполняетъ всѣ прихоти своего барина.

Подобный Калинычу, т. е. также близкій къ природѣ типъ русскаго крестьянина, Тургеневъ выводитъ еще въ лицѣ Касьяна съ Красивой-Мечи: маленькій, черненькій старичокъ, съ своимъ то лукавымъ, то довѣрчивымъ, то пытливымъ и проницательнымъ взглядомъ, — тоже человѣкъ безъ практическаго смысла. Работникъ онъ плохой; правда, Касьянъ ловитъ соловьевъ, но не для продажи, а такъ отдаетъ добрымъ людямъ на утѣшеніе и на веселіе. Кучеръ Ерофей слѣдующимъ образомъ отзывается про Касьяна: „Отъ рукъ отбился тоже... отъ работы, то есть. Ну, конечно, что онъ за работникъ, — въ чемъ душа держится, ну, а все таки. Вѣдь онъ сызмальства такъ. Сперва онъ со дядьями со своими въ извозъ ходилъ: они у него были троечные; ну а потомъ, знать, наскучило — бросилъ. Сталъ дома жить, да дома — то не усиживался: такой безпокойный — ужъ точно блоха. Баринъ ему попался, спасибо, добрый—не принуждалъ. Вотъ онъ такъ съ тѣхъ поръ все и болтается, что овца безпредѣльная“. Когда Касьянъ говоритъ о природѣ, рѣчь его льется съ одушевленіемъ. „Рѣчь его, не мужичья рѣчь“, — говоритъ Тургеневъ: такъ не говорятъ простолюдины, и краснобаи такъ не говорятъ. Этотъ языкъ обдуманно торжественный и странный. Я не слыхалъ ничего подобнаго“. Касьянъ любитъ природу больше Калиныча и ближе его стоитъ къ ней. Проливать кровь показать ее свѣту, отъ котораго она прячется — великій грѣхъ и страхъ. „Кровь — святое дѣло кровь!“ — говоритъ онъ: кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется“. Однако убивать „тварь ручную“, которая „отъ древнихъ отцовъ“ — Касьянъ грѣхомъ не считаетъ: она—„Богомъ опредѣлена для человѣка“. У Касьяна твердыя убѣжденія въ основныхъ понятіяхъ по зоологіи: „У рыбы кровь холодная—рыба тварь нѣмая. Она не боится, не веселится; рыба тварь безсловесная. Рыба не чувствуетъ, въ ней

и кровь не живая“. Всякую-же лѣсную, полевую, рѣчную, болотную и луговую, и верховую, и низовую тварь убивать грѣхх — пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла“. Къ людямъ Касьянъ не относится съ особеннымъ уваженіемъ, не потому, что „справедливости въ человѣкѣ нѣтъ“, но онъ вѣрилъ и даже убѣжденъ, что гдѣ-то блаженная страна, „гдѣ живетъ птица Гамаюнъ сладкогласная, и съ деревьевъ листъ ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растутъ золотыя на серебряныхъ вѣткахъ, и живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости“. Дойти до этой страны Касьянъ никакъ не можетъ, хоть много ужъ исходилъ, ища справедливости, какъ и „много другихъ крестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ“. Касьянъ грамотенъ, хотя, понятно, не образованъ. Да образованіе, вѣроятно, не принесло-бы ему успокоенія. Онъ учитъ грамотѣ свою дочь Аннушку. Но онъ теперь не мало огорченъ и разстроенъ. Въ числѣ прочихъ крестьянъ, и Касьяна внезапно переселили съ родины на новое, чужое мѣсто. „Тамъ“, — говоритъ Касьянъ: „у насъ на красивой то — на Мечи, взойдешь ты на холмъ... и Господи, Боже мой а!... И рѣки-то, и луга-то, и лѣсъ!... А тамъ церковь... А тамъ опять пошли луга. Далеко видно, далече!... вотъ какъ далеко видно... Смотришь, смотришь! Ахъ ты право!“... Здѣсь-же, въ тѣснотѣ, оторванный отъ родного гнѣзда, Касьянъ совсѣмъ растерялся. Все-же Касьянъ философъ, поэтъ, лѣкарь, и заговаривать умѣетъ. Лѣкарь онъ своеобразный: „Какая я лѣкарка, и кто можетъ лѣчить? Это все отъ Бога. А есть... есть травы, цвѣты есть: помогаютъ точно“. Если-же человѣкъ не вылечится, то это потому, что „не жилецъ на землѣ... ужъ какому человѣку не жить на землѣ, того и солнышко не грѣетъ, какъ друго, и хлѣбушекъ тому не впрокъ, — словно, что его отзываетъ“. Къ заговорамъ Касьянъ относится съ большой осторожностью. „И помогаютъ то онѣ, а грѣхъ“, говоритъ онъ про нечистья травы: „и говорить о нихъ грѣхъ“. Еще

съ молитвой развѣ. Ну конечно, есть и слова такія... А кто, вѣруетъ, спасется. Однако Касьянъ признаетъ возможнымъ прибѣгнуть съ благой цѣлью къ заговору; онъ, напримѣръ, „отвелъ" всю дичь у охотника... „и ученый песъ у тебя, и хорошій, а ничего не смогъ. Вотъ и звѣръ, а что изъ него и сдѣлали!" Говоритъ онъ. Такъ какъ у Касьяна не было возможности перемѣнить свое положеніе, то онъ и затаилъ въ себѣ душевныя силы и живетъ больше въ мечтательномъ мірѣ, нежели въ дѣйствительномъ, который его вовсе не удовлетворяетъ. Онъ мечтаетъ очутиться въ тѣхъ странахъ, гдѣ солнце свѣтитъ привѣтливѣе, и „Богу человѣку виднѣй, и поется то ладнѣй", гдѣ раздолье и Божья благодать, гдѣ каждый человѣкъ живетъ по справедливости и испытываетъ полное удовольствіе. Такимъ является Касьянъ, но и онъ собственность хозяина-помѣщика.

Затѣмъ Тургеневъ выводитъ крестьянъ, которыхъ совершенно не коснулась цивилизація. Представителемъ стихійной силы является Герасимъ, герой повѣсти „Муму". Герасимъ является уже дворовымъ человѣкомъ; но натура его осталась неприкосновенной и нисколько не поддалась вліянію городской жизни. Его можно причислить къ мужикамъ-крестьянамъ. Герасимъ былъ „мужчина двѣнадцати вершковъ роста, сложенный богатыремъ и глухо-нѣмой отъ рожденія. Барыня взяла его изъ деревни, гдѣ онъ жилъ одинъ въ небольшой избушкѣ, отдѣльно отъ братьевъ и считался едва ли не самымъ исправнымъ тягловымъ мужикомъ. Одаренный необычайной силой, онъ работалъ за четверыхъ — дѣло спорилось въ его рукахъ, и весело было смотрѣть на него, когда онъ либо пахалъ и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, одинъ безъ помощи лошаденки, взрѣзывалъ упругую грудь земли, либо о Петровъ день такъ сокрушительно дѣйствовалъ косой, что хоть-бы молодой березовый лѣсокъ смахивать съ корней долой, либо проворно и безостановочно молотилъ трехъ-аршиннымъ цѣпомъ, и какъ рычагъ опускались и поднимались продолговатыя

и твердыя мышцы его плечей. Постоянное безмолвіе придавало торжественную важность его неистомной работѣ".

Трудно Герасиму привыкнуть къ городской жизни, гдѣ по прихоти барыни ему приходится быть дворникомъ. Обязанности кажутся Герасиму черезчуръ ничтожными. Такъ какъ онъ быстро исполняетъ свою работу, то не знаетъ, куда ему дѣвать время; отъ скуки Герасимъ по цѣлымъ днямъ лежалъ на кровати въ своей каморкѣ, или въ углу, на дворѣ. Въ деревнѣ Герасимъ былъ-бы счастливъ, но въ городѣ ему нечего дѣлать, а, главное, одинокое и обособленное его положеніе даетъ себя чувствовать. Слишкомъ тяжело на душѣ Герасиму, и онъ поневолѣ ищетъ себѣ какой нибудь привязанности. Сначала Герасимъ привязывается къ прачкѣ Татьянѣ, которая, повидимому, вызываетъ въ немъ жалость къ себѣ своей смиренностью и забитостью. Сначала Герасимъ не обращалъ на Татьяну особеннаго вниманія, затѣмъ сталъ посмѣиваться, когда она ему попадалась, потомъ мало-по-малу заглядывался на нее и, наконецъ, вовсе глазъ съ нея не спускалъ. Она полюбилась ему: „кроткимъ-ли выраженіемъ лица, робостью-ли движеній—Богъ его знаетъ!" Однако Герасимъ долженъ былъ, хотя и ошибочно разочароваться въ достоинствахъ своей симпатіи, когда онъ увидѣлъ Татьяну пьяной, а пьяницъ онъ терпѣть не могъ, — онъ, какъ честный и нравственный человѣкъ, отталкиваетъ ее отъ себя и уступаетъ ее пьяницѣ портному Капитону, а самъ погоревавъ цѣлый день надъ разбитой любовью, старается преодолѣть свое чувство. Такъ, „въ самый день свадьбы Герасимъ не измѣнилъ своего поведенія ни въ чемъ; только съ рѣки онъ пріѣхалъ безъ воды: онъ какъ-то на дорогѣ разбилъ бочку, а на ночь въ конюшнѣ онъ такъ усердно чистилъ и теръ свою лошадь, что она шаталась, какъ былинка на вѣтру и переваливалась съ ноги на ногу подъ его желѣзными кулаками".

Огромная сила воли обнаруживается въ характерѣ Герасима, который покорно переноситъ удары судьбы и ничѣмъ не выдаетъ своего горя. Скоро Герасимъ находитъ новую привязанность. Повидимому, ничто не могло помѣшать его своеобразному счастью съ привязавшейся къ нему собачкой, но и тутъ Герасимъ терпитъ неудачу. По капризу барыни, у Герасима отнимаютъ собачку. Можно было видѣть тогда нѣмое отчаяніе Герасима и его неимовѣрную радость, когда собачка возвращается, чтобы быть въ состояніи оцѣнить, насколько ему дорога Муму, и какъ глубоко можетъ чувствовать этотъ глухо-нѣмой человѣкъ. Но барыня настойчиво повторяетъ свое требованіе. Герасимъ понимаетъ, что ослушаться ему нельзя, а потому онъ рѣшаетъ самъ покончить съ Муму и приводитъ въ исполненіе свой планъ. Когда-же Герасимъ убѣдился, что лишенъ послѣдняго своего утѣшенія, онъ не въ силахъ больше стерпѣть, собираетъ свои пожитки и отправляется въ деревню, чтобы тамъ тяжелой крестьянской работой заглушить свое горе и, по мѣрѣ возможности, забыться. Поступокъ могъ повлечь за собой тяжелое наказаніе, но Герасимъ не остановился передъ этимъ, такъ какъ его натура протестуетъ противъ такого насильственнаго обращенія.

Подобнымъ-же типомъ является лѣсникъ Бирюкъ. Плечистый, высокаго роста, онъ тоже обладаетъ огромной физической силой. Мужики особенно боятся его. Когда мужики ни пытались стащить что нибудь, Бирюкъ всегда на лицо, и его ничѣмъ нельзя подкупить. Бирюкъ не показываетъ себя жестокимъ по отношенію къ мужику: онъ только суровъ и строгъ. „Воровать никому не слѣдъ“, говоритъ онъ пойманному на мѣстѣ преступленія мужику, хотя въ глубинѣ души, безспорно сочувствуетъ бѣдняку, котораго „нужда“ и „голодуха“ толкнули на воровство. Отпускаетъ его Бирюкъ, однако, не сразу. Онъ понимаетъ, что онъ человѣкъ подневольный, и съ него взыщутъ.

Тургеневъ задался цѣлью воочію доказать, что мужикъ такой-же человѣкъ, какъ помѣщикъ, дворянинъ или любой представитель высшаго сословія, что онъ также понимаетъ и чувствуетъ. Если этотъ мужикъ грязенъ, голоденъ, грубъ, невѣжественъ; если этому обитателю деревни чужды понятія нравственности, эстетики и идеальной добродѣтели, то въ этомъ не онъ виноватъ, а тотъ, кто, не имѣя на то никакого права, завладѣлъ имъ, обратилъ его въ свою собственность, движимость, прикрѣпленную къ недвижимости, внушилъ ему чувство рабской покорности и необходимости существующаго положенія вещей и въ то-же время развилъ въ немъ разнаго рода недостатки и, какъ паукъ, сосетъ изъ него соки и благоденствуетъ на счетъ его работы до крови, а иногда и до смерти.

Для примѣра укажемъ на трагическую сцену въ разсказѣ „Бирюкъ". Тутъ мы наталкиваемся на ободраннаго, голоднаго мужика, котораго крайняя нужда заставила отправиться въ чужой лѣсъ за деревомъ для продажи, но вора поймалъ Бирюкъ. Изъ діалога между Бирюкомъ и крестьяниномъ слышимъ мы отдѣльныя слова послѣдняго: „Отпусти... съ голодухи... отпусти... Приказчикъ разорилъ... не погуби. Вашъ-то самъ знаешь, заѣстъ, во-какъ... Отпусти, ей-Богу, съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто во-какъ приходится... Лошаденку-то, хоть ее-то, одинъ животъ есть... отпусти!" Страшная картина горькаго крестьянскаго житья встаетъ передъ нами во время этого разговора. Каждый изъ нихъ правъ по своему. Бирюкъ неумолимъ, такъ какъ ему нерѣдко приходится выслушивать такія объясненія, и у Бирюка на все одинъ отвѣтъ: воровать никому не слѣдъ.

Симпатичный типъ крестьянской дѣвушки представляетъ набросанный портретъ Акулины въ разсказѣ „Свиданіе". Она тяготится своимъ деревенскимъ положеніемъ, хотя не видала другого, а только слышала отъ своего возлюбленнаго, камердинера барина Виктора Алек-

сандровича, о чудесахъ Петербурга. „Обчество, образованіе просто удивленіе!“ разсказываетъ онъ. Акулина внимательно слушала его, слегка раскрывъ губы, какъ ребенокъ, а онъ доказываетъ ей, что она этого даже понять не въ состояніи, на что она возражаетъ. „Отчего же Викторъ Александровичъ? Я поняла; я все поняла“. Ужасно жаль становится эту славную, любящую и любознательную дѣвушку, которая дѣлается жертвой развращеннаго „образованнаго“ городского лакея. Такихъ эскизовъ слишкомъ много.

И такъ мы разобрали въ общихъ чертахъ тѣ разсказы изъ „Записокъ охотника“, въ которыхъ яркими красками рисуется Тургеневымъ положеніе крѣпостного человѣка, познакомились, съ богатымъ содержаніемъ внутренняго міра многомилліоннаго населенія, которое стояло вдали отъ передового общества. Авторъ этимъ не ограничивается. Чтобы нарисовать полную картину во всей своей наготѣ, Тургеневъ дополнилъ эту картину. Онъ художественно рисуетъ и наглядно показываетъ, какъ растутъ эти двуногіе рабы и достигаютъ того возраста, въ которомъ имъ приходится тянуть тяжелую жизнь крѣпостного. Все это ясно, какъ въ зеркалѣ, отражается въ знаменитомъ разсказѣ „Записокъ охотника“ въ „Бѣжиномъ лугѣ“. Въ немъ авторъ передаетъ, какимъ образомъ послѣ цѣлаго дня охоты онъ немного заблудился и набрелъ на крестьянскихъ дѣтей, стерегшихъ табунъ лошадей. Дѣти, пока варилась картошка, разсказывали о томъ, что каждый изъ нихъ видѣлъ и слышалъ дома, въ лѣсу, въ полѣ, на рѣкѣ. Въ этихъ разговорахъ выражаются мысли дѣтей, чувства, взгляды на людей и природу. Подъ предлогомъ изображенія этой въ высшей степени интересной и занимательной сцены Тургеневъ даетъ намъ почувствовать и оцѣнить всѣ тѣ условія жизни, какими было обставлено крестьянское дѣтство въ разгарѣ крѣпостничества. Мы видимъ, что крайняя бѣдность и нужда заставляютъ дѣтей съ самыхъ раннихъ лѣтъ уже принимать серіозное участье

въ трудахъ родителей. Такимъ образомъ крестьянскіе ребятишки вовсе лишены даже элементарнаго образованія. Но съ другой стороны, эти же обстоятельства и условія жизни ставятъ ихъ въ тѣсныя отношенія съ природой, съ трудомъ и уже съ самаго дѣтства воспитываютъ въ нихъ физическую силу, бодрость духа, находчивость и всѣ тѣ понятія и взгляды, благодаря которымъ впослѣдствіи складывается и развивается ихъ характеръ.

Тургеневъ рисуетъ въ разсказѣ „Бѣжинъ лугъ“ пять крестьянскихъ мальчиковъ. Самый старшій изъ нихъ назывался Ѳедей. Онъ сынъ довольно зажиточнаго крестьянина, говоритъ мало и умѣетъ держать себя съ достоинствомъ. Въ кругу своихъ товарищей онъ былъ запѣвалой, каковое качество приписывали ему его друзья товарищи. Такъ, Ѳедя начинаетъ прерванный разговоръ и „съ покровительствующимъ видомъ“ обѣщаетъ за всѣхъ выслушать разсказъ Кости. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ онъ и одѣтъ лучше всѣхъ, въ спеціально сшитый для него армякъ и сапоги, а въ ночное поѣхалъ „не по нуждѣ, а такъ, для забавы“.

Другого мальчика Ильюшу Тургеневъ характеризуетъ въ краткихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ: „Лицо Илюши было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость“. Въ движеніи этого мальчика была видна нервность. Работая на фабрикѣ, Ильюша, надо полагать, видѣлъ много ребятишекъ изъ окрестныхъ деревень и селъ и наслушался отъ нихъ всякихъ небылицъ. Отсюда, вѣроятно, его большая освѣдомленность изъ міра нечистой силы.

Третій мальчикъ, Костя, производилъ пріятное впечатлѣніе своими громадными блестящими глазами и „задумчивымъ и печальнымъ взоромъ“. Видно было, что онъ старается что-то сказать. Стоитъ дать ему побольше словъ, и онъ заговоритъ сначала нерѣшительно и робко, а потомъ рѣчь его окрѣпнетъ. Въ немъ, безъ сомнѣнія, посѣяно зернышко поэзіи.

Четвертый мальчикъ назывался Ваней; ему было всего семь лѣтъ. Онъ „смирнехонько прикурнулъ подъ рогожу“ и въ продолженіе всей ночи не вылѣзъ изъ-подъ нея. Ваня еще совсѣмъ ласковый и добрый ребенокъ. Товарищи заботятся о немъ и ни за что не рѣшатся нанести ему какое-либо оскорбленіе. Всѣ его любятъ да и онъ самъ питаетъ ко всѣмъ наивную дѣтскую любовь. Авторъ „Бѣжина луга“ дѣлитъ свои симпатіи между нимъ и Павлушей. Ваня подкупаетъ Тургенева своей невинностью, а Павлуша — храбростью и дѣловитостью. „Малый былъ Павлуша неказистый, — что и говорить“—рисуетъ его Тургеневъ. Скуластое рябое лицо, не красило его всклокоченной „съ пивной котелъ“ головы, но отличалось вполнѣ умнымъ и правымъ выраженіемъ. Павлуша обладалъ многими положительными свѣдѣніями. Такъ, онъ знаетъ, что волки лѣтомъ не страшны, что есть земля, гдѣ зимы не бываетъ, узнаетъ крикъ цапли и куликовъ. Съ большимъ юморомъ передаетъ Павлуша страхи, вызванные солнечнымъ затменіемъ; товарищи подсмѣиваются надъ перепугавшимися сельчанами, которые приняли бочара съ надѣтымъ на голову жбаномъ за „Тришку“.

Тяжелое впечатлѣніе крѣпостничества, такъ наглядно обрисованнаго въ „Запискахъ охотника“, стушевывается при изображеніи величественной картины природы, которую изобразилъ авторъ въ различныхъ разсказахъ своего безсмертнаго труда. Остановимся на нѣкоторыхъ. Въ „Бѣжиномъ лугѣ“ Тургеневъ изящно описалъ природу средней полосы Россіи. Въ началѣ разсказа идетъ замѣчательное описаніе іюльскаго дня, а потомъ описаніе тихаго, пріятнаго лѣтняго вечера. Художественное воспроизведеніе предмета получаетъ особенную теплоту оттого, что авторъ даетъ почувствовать, и свои собственныя впечатлѣнія, и связь описываемаго явленія съ мѣстной сельской жизнью. „Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ са-

маго ранняго утра небо ясно, утренняя заря не пылаетъ пожаромъ; она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце не огнистое не тусклобагровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное, мирно всплываетъ изъ-подъ узкой и длинной тучки, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый туманъ. Верхній, тонкій край растянутаго облака засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра... Но вотъ опять хлынули играющіе лучи, — и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ, высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями, подобно островамъ по безконечно — разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы. Они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они такъ же лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ: нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза; развѣ кой-гдѣ протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы, — то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру эти облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось, такъ же спокойно, какъ спокойно взошло на небо, алое сіяніе стоитъ не долгое время надъ потемнѣвшей землей, и тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ аналогичны, свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже „паритъ“ по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигавъ накопившійся зной: и вихри-круговороты—несомнѣнный признакъ постоянной погоды—высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью,

сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба“.

Въ концѣ разсказа имѣется еще одна живая картина. Тургеневъ передаетъ впечатлѣніе утра, непосредственно передъ восходомъ солнца. „Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому, мокрому лугу и спереди, по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади по длинной пыльной дорогѣ, по сверкающимъ обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана, — полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого горячаго свѣта. Все зашевелилось, проснулось, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, пронеслись звуки колокола, и вдругъ, мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ“.

Въ разсказѣ „Касьянъ съ красивой-Мечи“ Тургеневъ описываетъ свои впечатлѣнія, когда, утомившись послѣ долгой охоты, онъ рѣшилъ отдохнуть и растянулся подъ высокимъ кустомъ орѣшника „Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ! Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются отвѣсно, падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую почти черную зелень и т. д.

Въ разсказѣ „Лѣсъ и степь“ идетъ непрерывный рядъ описаній природы въ разныя времена года и дня, и точно такъ же, какъ и въ другихъ разсказахъ, незамѣтно сквозь описаніе внѣшняго явленія пробиваются собственныя ощущенія, впечатлѣнія, воспоминанія Тургенева. „Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнками ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, ва-

сильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнивой рысью. Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко, высоко лепечутъ надъ вами; длинныя висячія вѣтви березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ, какъ боецъ, подлѣ красивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлыя въ тѣни, темныя на солнцѣ; птицы мирно поютъ. Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной болтливой радостью: онъ идетъ къ запаху ландышей. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ... Лѣсъ глохнетъ... Неизъяснимая тишина западаетъ въ душу, да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно падающія волны Сквозь прошлогоднюю бурую листву кое-гдѣ растутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими шляпками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ, собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ.

И какъ этотъ же самый лѣсъ хорошъ поздней осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы! Они не держатся въ самой глуши; ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенія, ни шума. Въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревьевъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кое-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами; высокія, сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ. Спокойно дышитъ грудь, а на душу находитъ странная тревога. Идешь вдоль опушки, глядишь за собой, а между тѣмъ любимые образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память, давнымъ давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпаются; воображенье рѣетъ и носится, какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами. Сердце то вдругъ

задрожитъ и забьется, страстно бросится впередъ, то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ; жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ: всѣмъ твоимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами, всей своей душою владѣетъ человѣкъ. И ничто кругомъ ему не мѣшаетъ: — ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шуму"...

Въ минуты другого душевнаго настроенія природа производитъ на человѣка и другія впечатлѣнія. Величавость ея, вѣчная ея сила и красота производятъ на Тургенева потрясающее впечатлѣніе. Въ эти минуты человѣкъ не только сознаетъ свою жизнь съ внѣшнею природой, но и ощущаетъ радость отъ этого сознанія. Дремучіе литовскіе лѣса произвели такое именно впечатлѣніе на душу Тургенева, который выразилъ ихъ въ началѣ разсказа: „Поѣздка въ Полѣсье": Онъ рисуетъ величественную картину: „Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго, бора, видъ Полѣсья напоминаетъ видъ моря". И впечатлѣнія имъ возбуждаются тѣ же. Та же первобытная, нетронутая сила разстилается широко и державно передъ лицомъ зрителя. Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, изъ безсмертнаго лона водъ поднимается тотъ же голосъ. „Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла, говоритъ природа человѣку, я царствую; а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть". Но лѣсъ однообразнѣй и печальнѣй моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкаетъ; оно играетъ всѣми красками, говоритъ всѣми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью какъ будто намъ не чужою. Неизмѣримый, мрачный боръ угрюмо молчитъ, или воетъ глухо, и при видѣ его еще глубже и неотразимѣй проникаетъ въ человѣческое сердце сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно на него устремленный взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанія молодости смиряются и гаснутъ въ

немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ, вся душа его никнетъ и замираетъ. Онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли, и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ. Онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни. Ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ. Здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и въ свою силу".

Въ этомъ же разсказѣ, кромѣ описанія лѣса, нарисована чудная картина лѣсного пожара. Тургеневъ совершенно безопасно могъ наблюдать лѣсной пожаръ на довольно близкомъ разстояніи, такъ какъ огонь шелъ противъ вѣтра и потому только „брилъ" траву, не трогая деревьевъ. Огонь подвигался „сплошной зубчатой стѣнкой загнутыхъ назадъ языковъ", оставляя за собой только черный дымящій слѣдъ. „Иногда тамъ, гдѣ огню попадалась яма, наполненная дромомъ и сухими сучьями, онъ вдругъ, и съ какимъ-то особеннымъ, довольно зловѣщимъ ревомъ воздымался длинными волнующимися косицами, но скоро опадалъ и лежалъ впередъ по прежнему, слегка потрескивая и шипя". Когда же пожаръ прекратился, то утомленные охотники прилегли отдохнуть. Да и природа, повидимому, готовилась ко сну. „Все отдыхало, погруженное въ успокоительную прохладу; ничто еще не заснуло, но уже все готовилось къ цѣлебнымъ усыпленьямъ вечера и ночи. Все, казалось, говорило человѣку: „отдохни, братъ нашъ: дыши и легко и не горюй и ты передъ близкимъ сномъ". Вотъ все, что природа въ состояніи сдѣлать для ничтожнаго человѣка: она успокаиваетъ его и совѣтуетъ ему забыться. Торжественный полусонъ природы наводитъ Тургенева на размышленія: „Мнѣ вдругъ показалось что я понялъ жизнь природы, понялъ ея несомнѣнный и явный, хотя для многихъ еще таинственный смыслъ. Тихое и медленное одушевленіе, неторопливость и сдержанность

ощущеній и силъ, равновѣсіе здоровья въ каждомъ отдѣльномъ существѣ—вотъ самая ея основа, ея неизмѣнный законъ, вотъ на чемъ она стоитъ и держится. Все, что выходитъ изъ-подъ этого уровня, кверху ли, книзу ли, все равно выбрасывается ею вонъ, какъ негодное. Многія насѣкомыя умираютъ, какъ только узнаютъ нарушающія равновѣсье радости любви; больной звѣрь забивается въ чащу и угасаетъ тамъ одинъ: онъ какъ бы чувствуетъ, что не имѣетъ права жить,—а человѣкъ, которому, отъ своей ли вины, отъ вины ли другихъ, пришлось худо на свѣтѣ—долженъ, по крайней мѣрѣ, умѣть молчать". Такъ по большей части и бываетъ. На лонѣ природы человѣкъ находитъ успокоеніе. Благодаря умиротворяющему дѣйствію ея, человѣкъ забываетъ о своихъ горестяхъ, несчастьяхъ, любуется развертывающимися передъ нимъ картинами и поражается красотой и гармоніей жизни природы. Насколько самъ Тургеневъ любилъ природу, видно изъ слѣдующихъ словъ его: „Я страстно люблю природу, особенно въ живыхъ ея проявленіяхъ... Человѣка не можетъ не принимать природа; онъ связанъ съ нею тысячею неразрывныхъ нитей; онъ сынъ ея. Любите природу не въ силу того, что она значитъ по отношенію къ Вамъ, человѣку, а въ силу того, что она вамъ сама по себѣ мила и дорога, — и вы ее поймете".

Дворянское гнѣздо.

ПОДРОБНОЕ СОДЕРЖАНІЕ РОМАНА.

Въ 1859 году появился въ свѣтъ второй большой романъ Тургенева: „Дворянское гнѣздо“. Романъ этотъ пользовался среди публики, безъ различія партій и взглядовъ, необыкновеннымъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ, Тургеневъ умѣлъ въ неиспорченной природѣ человѣка подмѣтить и открыть то поэтическое начало, ту божественную искру, которая промчится въ жизни человѣка, чтобы согрѣть ее на все остальное время и выразить это въ живомъ образѣ.

Этимъ свойствомъ своего таланта авторъ очаровывалъ всѣхъ своихъ читателей. Тургеневъ мастерски и правдиво обрисовывалъ русскую природу и русскихъ людей. Въ художественномъ отношеніи „Дворянское гнѣздо“ представляетъ шагъ впередъ и является однимъ изъ найболѣе совершенныхъ произведеній его. Ни въ одномъ изъ Тургенева произведеній нѣтъ такихъ образовъ и не съ такою любовью, ясностью и живостью, раскрыты души его героевъ, какъ въ романѣ „Дворянское гнѣздо“. Въ немъ нѣтъ ничего лишняго, посторонняго, противорѣчиваго и неяснаго. Напротивъ, отдѣльныя описанія отличаются рѣдкой красотой и поэзіей. Само заглавіе романа подсказываетъ намъ, что цѣль его—изобразить общую картину жизни дворянства. Дѣйствительно, авторъ передъ читателемъ изображаетъ жизнь нѣсколькихъ поколѣній русскаго провинціональнаго дво-

рянства. Лишь немногія лица, напримѣръ, няня Лизы, Агафья, учитель музыки, Леммъ, да старый слуга Лаврецкаго, Антонъ, принадлежатъ не къ дворянской средѣ. Зато эти лица являются необходимымъ дополненіемъ въ романѣ для того, чтобы рельефнѣе выступили тѣ или другія черты нравовъ изображаемаго времени. Слѣдовательно, по содержанію своему романъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своему названію „Дворянское гнѣздо“.

Романъ состоитъ изъ 45 главъ и краткаго эпилога. Все содержаніе даннаго произведенія можно раздѣлить на четыре части: первая, главы I—VII, т. е. отъ начала до появленія Лаврецкаго въ домѣ Калитиныхъ; вторая, главы VIII—XVI — событія съ Лаврецкимъ, отъ дѣтства его до разрыва съ женой включительно и до возвращенія его на родину; третья, главы XVII—XXXV — новый образъ жизни Лаврецкаго въ деревнѣ и весь ходъ развитія его сердечныхъ отношеній къ Лизѣ, до извѣстія о смерти Варвары Павловны; четвертая, главы: XXXVI—XLV—событія съ главными дѣйствующими лицами послѣ возвращенія Варвары Павловны. Въ эпилогѣ заключаются событія въ той же средѣ 8 лѣтъ спустя послѣ тѣхъ событій, которыми законченъ романъ.

Содержаніе первой части. Передъ раскрытымъ окномъ губернскаго города О... сидѣли двѣ женщины: одна лѣтъ пятидесяти, Марья Дмитріевна Калитина, а другая—ея тетка—лѣтъ семидесяти, Марѳа Тимоѳеевна Пестова. Покойный мужъ первой былъ губернскій прокуроръ, который стремился проложить себѣ дорогу и вмѣстѣ съ тѣмъ набить себѣ карманъ. Послѣ внезапной смерти своего брата Марьѣ Дмитріевнѣ досталось родовое имѣніе Покровское, которое вскорѣ послѣ свадьбы съ Калитинымъ было промѣнено на другое имѣніе, болѣе доходное, но некрасивое и безъ усадьбы. Одновременно съ этимъ самъ Калитинъ пріобрѣлъ домъ въ городѣ О... Когда же послѣ пятнадцатилѣтняго брака, мужъ ея умеръ, оставивъ сына и двухъ дочерей, то Марья Дмитріевна уже до того привыкла къ своему дому и къ городской

жизни, что сама не захотѣла выѣхать изъ этого города. Сынъ ея воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ заведеній Петербурга; съ нею жили обѣ дочери. Изъ нихъ старшая, Лизавета Михайловна—героиня романа, а младшая—Лена.

Сидящія около окна женщины вели разговоръ; къ нимъ подходитъ Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій, къ которому Марья Дмитріевна и ея тетка относятся совершенно различно. Онъ здоровается съ ними, справляется о здоровьѣ дочерей Марьи Дмитріевны и сообщаетъ свѣжую новость, что Ѳедоръ Ивановичъ Лаврецкій пріѣхалъ. Во время небольшого разговора о Лаврецкомъ и о его женѣ въ комнату вбѣгаетъ одиннадцатилѣтняя Лена и говоритъ, что пріѣхалъ новый гость, Владиміръ Николаевичъ Паншинъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати восьми, который служилъ въ Петербургѣ чиновникомъ особыхъ порученій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ этотъ городъ онъ пріѣхалъ для исполненія временнаго казеннаго порученія и состоялъ въ распоряженіи губернатора, которому приходился дальнимъ родственникомъ. Онъ получилъ хорошее домашнее воспитаніе и окончилъ университетъ дѣйствительнымъ студентомъ. Все ему далось: онъ мило пѣлъ, бойко рисовалъ, писалъ стихи, весьма недурно игралъ на сценѣ, танцовалъ и игралъ въ карты. Онъ слылъ однимъ изъ самыхъ любезныхъ и ловкихъ молодыхъ людей въ Петербургѣ. Когда онъ вбѣжалъ помахивая хлыстикомъ, изъ двери передней въ гостиную, въ то же время на порогѣ другой двери показалась стройная, высокая, черноволосая девятнадцатилѣтняя Лизавета Михайловна. Онъ по желанію Марьи Дмитріевны поетъ романсъ своего сочиненія, чѣмъ приводитъ всѣхъ присутствующихъ въ восторгъ. Въ это время входитъ въ комнату Христофоръ Ѳедоровичъ Леммъ, учитель музыки семьи Калитиныхъ. Когда Леммъ уходитъ со своей ученицей, В. Н. проситъ Христофора Ѳедоровича не уходить послѣ урока, такъ какъ онъ съ Лизой намѣревается сыграть

Бетховенскую сонату въ четыре руки. Между прочимъ онъ говоритъ Лемму, что разсматривалъ прекрасную духовную кантату, написанную имъ. Старикъ покраснѣлъ до ушей, бросилъ косвенный взглядъ на Лизу и торопливо вышелъ изъ комнаты. Послѣ этого Марья Дмитріевна съ Гедеоновскимъ пошли пройтись по саду и поговорить о Лаврецкомъ. Въ комнатѣ остались Лиза и Паншинъ, которые оба молча сѣли за фортепіано.

Пятую главу Тургеневъ посвящаетъ краткимъ свѣдѣніямъ о Леммѣ. Старикъ музыкантъ родился въ 1786 году въ саксонскомъ королевствѣ, въ городѣ Хемницѣ, отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его игралъ на волторнѣ, мать на арфѣ, а самъ онъ уже на пятомъ году упражнялся на трехъ различныхъ инструментахъ. Восьми лѣтъ онъ осиротѣлъ, а съ десяти началъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба своимъ искусствомъ. Онъ долго велъ бродячую жизнь, и наконецъ попалъ въ оркестръ и, подвигаясь все выше и выше, достигъ дирежерскаго мѣста. На двадцать восьмомъ году онъ переселился въ Россію. Его выписалъ богатый помѣщикъ, который самъ терпѣть не могъ музыки, но держалъ оркестръ изъ чванства. Леммъ прожилъ у него лѣтъ семь въ качествѣ капельмейстера и ушелъ отъ него съ пустыми руками. Онъ не хотѣлъ вернуться на родину нищимъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ бѣдный нѣмецъ пыталъ свое счастье. Пятидесяти лѣтъ, больной, преждевременно одряхлѣвшій, застрялъ онъ въ городѣ О..., и остался въ немъ навсегда, уже окончательно потерявъ всякую надежду покинуть ненавистную ему Россію и кое-какъ поддерживая уроками свое скудное существованіе. Наружность Лемма не располагала въ его пользу. Онъ былъ поклонникъ Баха и Генделя и знатокъ своего дѣла. Онъ много написалъ на своемъ вѣку, но ему не удалось увидѣть ни одного своего произведенія изданнымъ. Со старой кухаркой, взятой имъ изъ богадѣльни, проживалъ онъ въ небольшомъ домикѣ, недалеко отъ Калитиныхъ. Онъ много гулялъ, читалъ библію да собраніе протестантскихъ псалмовъ и Шекспира.

Леммъ давно ничего не сочинялъ; но Лиза, лучшая его ученица, умѣла его расшевелить: онъ написалъ для нея духовную кантату. Далѣе идетъ разговоръ Паншина съ Лизой. Игра на фортепiано у нихъ не клеится, и они рѣшаютъ заняться рисованiемъ, пока еще не совсѣмъ стемнѣло. Изъ сосѣдней комнаты приносятъ альбомъ. Паншинъ у окна развертываетъ и видитъ, что она срисовывала его пейзажъ. Онъ сталъ поправлять рисунокъ, размашисто приложилъ нѣсколько длинныхъ штриховъ. Въ это мгновенiе вошелъ въ комнату Леммъ и, сухо поклонившись, хотѣлъ удалиться. Паншинъ бросилъ альбомъ и карандашъ въ сторону и преградилъ ему дорогу. Онъ оставляетъ его, желая съ нимъ поспорить о Шекспирѣ. Христофоръ Өедоровичъ отнѣкивается, ссылаясь на головную боль. Лиза, провожая старика до воротъ, проситъ у него извиненiе за то, что показала Владимиру Николаевичу кантату. Леммъ на нее не сердится и, между прочимъ, называетъ Паншина дилетантомъ, но Лиза это оспариваетъ. Въ это время на дворъ входитъ какой-то незнакомый человѣкъ, вглядѣвшись въ Лизу, онъ прямо подходитъ къ ней. Это былъ Өедоръ Ивановичъ Лаврецкiй; онъ прiѣхалъ изъ-за границы послѣ восьмилѣтней разлуки съ семействомъ Калитиныхъ.

При имени Лаврецкаго Марья Дмитрiевна вся всполошилась, поблѣднѣла и пошла къ нему навстрѣчу. Она знакомитъ своего родственника съ Паншинымъ и Гедеоновскимъ. Өеодоръ Ивановичъ разсказываетъ, что онъ прiѣхалъ изъ Берлина и завтра же отправляется въ деревню, которую онъ получилъ отъ тетки своей Глафиры Петровны. Изъ сосѣдней комнаты выходитъ тетушка Марөа Тимоөеевна. Она, узнавъ объ скоромъ отъѣздѣ Лаврецкаго, проситъ его зайти попрощаться.

Въ тотъ же день, въ одиннадцать часовъ вечера, внизу, на порогѣ гостиной, Владимиръ Николаевичъ, прощаясь съ Лизой, намекаетъ ей о причинѣ своихъ частыхъ посѣщенiй; къ чему тутъ слова, когда и такъ все ясно.

Цѣль его ухаживаній заключалась въ томъ, какъ бы поправить свое состояніе богатой женитьбой. Въ это время, наверху, въ комнатѣ Мароы, Тимоѳеевны, происходила слѣдующая сцена: Лаврецкій сидѣлъ въ креслѣ, и она молча гладила по волосамъ его, убитаго горемъ. Болѣе часу провелъ онъ у нея. Онъ почти ничего не сказалъ своей смиренной доброй пріятельницѣ, а она его не распрашивала. Она и такъ все понимала, она и такъ чувствовала все, что переполняло его сердце.

Содержаніе второй части Вся эта часть составляетъ большую вставку въ разсказѣ. Эта вставка предназначается къ тому, чтобы познакомить читателя, какъ можно лучше, со всѣмъ тѣмъ, что касается Лаврецкаго. Тутъ, прежде всего отчетливая характеристика всей семьи Лаврецкихъ, начиная съ родоначальника, который выѣхалъ въ княженіе Василія Темнаго изъ Пруссіи и былъ пожалованъ двумястами четвертями земли въ Бѣжецкомъ верху. Многіе изъ его потомковъ занимали различныя государственныя должности. Самымъ богатымъ изъ всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ Ѳедора Ивановича, Андрей, человѣкъ деспотическій, но умный. Жена его была пучеглазая, съ ястребинымъ носомъ, цыганка. Она была женщина вспыльчивая и мстительная, а потому у нихъ постоянно происходили ссоры. Дѣдъ героя романа не походилъ на своего отца: это былъ простой, степной баринъ, довольно взбалмошный, грубый, но не злой. Онъ былъ большой хлѣбосолъ и псовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ; имѣніемъ своимъ дѣдъ Лаврецкаго управлять не умѣлъ: дворню онъ распустилъ и избаловалъ, а частью продалъ. Жена его, Анна Павловна, была смиренница, онъ взялъ ее изъ сосѣдняго семейства по отцовскому выбору и приказанію. Она любила кататься на рысакахъ, въ карты готова была играть съ утра до вечера, и всегда закрывала рукой записанный на нее карточный выигрышъ, когда мужъ подходилъ къ игорному столу. Все свое приданое, всѣ деньги она от-

дала ему въ безотвѣтное распоряженіе. Она имѣла отъ своего мужа двоихъ дѣтей: сына Ивана и дочь Глафиру. Иванъ, отецъ нашего героя романа, воспитывался не дома, а у богатой, старой тетки, княжны Кубенской, которая сдѣлала его своимъ наслѣдникомъ. Она одѣвала его какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей и приставила къ нему гувернера француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего господина Куртена, ловкаго и тонкаго проныру. Въ концѣ концовъ княжна Кубенская чуть не въ семьдесятъ лѣтъ вышла замужъ за Куртена, перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ послѣ этого скончалась.

Отцу героя романа пошелъ двадцатый годъ, когда онъ изъ богатаго наслѣдника превратился въ приживальщика, а потому не захотѣлъ больше оставаться у тетки и отправился въ деревню къ отцу. Скучно и обидно ему показалось въ домѣ отца, тѣмъ болѣе что всѣ, кромѣ матери, недружелюбно на него смотрѣли. Отецъ постоянно на него ворчалъ. Посѣтителей отцовскаго дома онъ стѣснялъ своимъ присутствіемъ, и они его побаивались. Съ сестрою своею Глафирою, которая была двѣнадцатью годами старше, онъ не ладилъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу и по цѣлымъ часамъ просиживалъ въ ея покояхъ, слушая незатѣйливую болтовню доброй женщины. Между горничными Анны Павловны находилась одна, очень хорошенькая дѣвушка, по имени Маланья. Она съ перваго разу приглянулась Ивану Петровичу, и онъ ее полюбилъ. Это обстоятельство имѣло большое значеніе въ его дальнѣйшей жизни. Всѣ вскорѣ узнали объ отношеніяхъ молодого барина къ горничной. Узналъ объ этомъ также и его отецъ. Ястребомъ онъ напустился на сына; сильно его упрекалъ, выместилъ на немъ всю накипѣвшую досаду, осыпалъ его обидными словами. Когда отецъ грозилъ Ивану Петровичу постыднымъ наказаніемъ, послѣдній не выдержалъ и объявилъ отцу, что намѣренъ жениться на Маланьѣ. Онъ до того изумилъ Петра Андреевича, что

тотъ глаза вытаращилъ, на мгновеніе онѣмѣлъ и съ кулаками бросился на своего сына. Иванъ Петровичъ бросился бѣжать и спрятался у сосѣдняго однодворца. Петръ Андреевичъ вернулся домой и объявилъ, что лишаетъ сына благословенія и наслѣдства, приказалъ сжечь всѣ его дурацкія книги, а Маланью велѣлъ сослать въ дальнюю деревню. Обо всемъ этомъ Иванъ Петровичъ узналъ и рѣшилъ отомстить своему отцу. Въ ту же ночь онъ подкараулилъ крестьянскую телѣгу, на которой везли Маланью и, отбивъ ее силой, обвѣнчался въ ближайшемъ городѣ. На другой день Иванъ Петровичъ написалъ язвительно-холодное и учтивое письмо своему отцу. Самъ же онъ съ женой отправился въ деревню къ отдаленному родственнику, Дмитрію Пестову. Лаврецкій упросилъ на время пріютить его жену. Петръ Андреевичъ не отвѣтилъ сыну на его письмо. Узнавъ о свадьбѣ сына, онъ слегъ въ постель и запретилъ напоминать себѣ о немъ. Мать Ивана Петровича прислала сыну 500 рублей ассигнаціями и свое родительское благословеніе, убѣждая его, что отецъ смѣнитъ гнѣвъ на милость. Съ легкимъ сердцемъ Иванъ Петровичъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь ему немного повезло, такъ какъ княжна Кубенская, чтобы чѣмъ-нибудь загладить свою вину передъ племянникомъ, отрекомендовала его всѣмъ своимъ друзьямъ и подарила ему 5000 рублей и часы съ его вензелемъ. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ мѣсто при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ и съ первымъ отходившимъ англійскимъ кораблемъ уплылъ въ море. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ получилъ письмо отъ Пестова, въ которомъ тотъ поздравлялъ его съ рожденіемъ сына, Ѳеодора, родившагося въ селѣ Покровскомъ. Письмо это не произвело на Иванъ Петровича почти никакого впечатлѣнія, такъ какъ онъ въ то время велъ разгульный образъ жизни. Это случилось въ 1807 году. Старикъ Лаврецкій долго не могъ простить сыну его позорной женитьбы. Онъ всякій разъ сердился на свою жену, когда та старалась склонить его къ прощенію. О своей

же невѣсткѣ онъ и слышать не хотѣлъ, и въ отвѣтъ на письмо Пестова написалъ, что онъ никакой своей невѣстки не вѣдаетъ, и что законами воспрещается держать бѣглыхъ дѣвокъ. Когда же онъ узналъ о рожденіи внука, то смягчился, приказалъ узнать о здоровьѣ роженницы и послалъ ей немного денегъ. Внуку еще не было года, когда Анна Павловна занемогла смертельною болѣзнею. Со слезами на глазахъ она объявила мужу, что желаетъ повидаться и проститься съ невѣсткой и благословить Ѳедю. Тронутый старикъ успокоилъ ее и послалъ собственный экипажъ за Маланьей Сергѣевной.

Около постели больной произошла трогательная сцена, послѣ которой Петръ Андреевичъ обѣщался своей женѣ помиловать сына. Дѣйствительно, онъ сдержалъ слово и извѣстилъ его, что возвращаетъ ему свое благословеніе. Сначала тяжело и неловко было бѣдной женщинѣ въ домѣ тестя, но послѣ она обтерпѣлась и привыкла. Больше всего она терпѣла отъ Глафиры Петровны, которая сумѣла забрать въ свои руки весь домъ, а вскорѣ, подъ предлогомъ, что Маланья Сергѣевна не въ состояніи дать сыну надлежащаго воспитанія, отняла его у нея. Маланья Сергѣевна въ своихъ письмахъ къ мужу умоляла его вернуться. Онъ же постоянно отписывался, благодарилъ отца за жену и за присланныя деньги. Наконецъ, спустя шесть лѣтъ Иванъ Петровичъ возвратился. Вскорѣ онъ соскучился въ деревнѣ, и его опять потянуло на Западъ. Уѣзжая, онъ поручилъ воспитаніе сына своей сестрѣ.

Бѣдная жена его не перенесла этого удара и вторичной разлуки. Въ нѣсколько дней она угасла.

Спустя пять лѣтъ послѣ этого, въ Москвѣ скончался самъ старикъ Лаврецкій. Узнавъ о смерти отца, сынъ вышелъ въ отставку и вернулся изъ Парижа въ Россію, такъ какъ ему предстояло подумать объ устройствѣ имѣнія и заняться воспитаніемъ сына, которому минуло двѣнадцать лѣтъ. Онъ вернулся настоящимъ англоманомъ. При свиданіи съ сестрой, онъ объявилъ ей, что

намѣренъ ввести коренныя преобразованія и что у него все будетъ итти по новой системѣ. Въ домѣ, точно, произошли нѣкоторыя перемѣны. Власть же Глафиры нисколько не уменьшилась, такъ какъ управленіе имѣніемъ по прежнему оставалось въ ея рукахъ. Новая система въ полной силѣ была примѣнена только къ Ѳедѣ. Отецъ исключительно занялся его воспитаніемъ. Послѣ смерти своей матери, Маланьи Сергѣевны, тетка окончательно забрала его въ руки. Онъ боялся ея и не смѣлъ пикнуть при ней. Только по воскресеньямъ она позволяла ему играть толстою, таинственною книгою въ которой помѣщалось около тысячи загадочныхъ рисунковъ съ загадочными толкованіями. Сначала Глафира Петровна наняла старую дѣвицу, шведку, которая должна была его учить языкамъ и играть на фортепіано. Въ обществѣ этой учительницы, тетки и сѣнной дѣвушки онъ провелъ четыре года. Отецъ же хотѣлъ изъ своего сына сдѣлать не только спартанца, но и человѣка. Онъ одѣлъ его по-шотландски и шведку замѣнилъ молодой швейцарецъ, изучившій гимнастику до совершенства. Ѳедя долженъ былъ изучать естественныя науки, международное право — математику, столярное ремесло и геральдику, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ. Музыкѣ его совершенно перестали учить. Вставалъ онъ въ четыре часа утра, принималъ холодный душъ и бѣгалъ вокругъ высокаго столба на веревкѣ. Ѣлъ Ѳедя одинъ разъ въ день по одному блюду, ѣздилъ верхомъ и стрѣлялъ изъ арбелита. Каждый вечеръ вносилъ онъ въ книжку отчетъ прошедшаго дня, а Иванъ Петровичъ писалъ ему наставленія по—французски. Отецъ говорилъ сыну: вы, а сынъ говорилъ отцу: ты, но всетаки въ его присутствіи не смѣлъ садиться. Эти системы сбили съ толку мальчика, но зато новый образъ жизни благодѣтельно подѣйствовалъ на его организмъ.

Когда сыну миновало шестнадцать лѣтъ, Иванъ Петровичъ постарался заблаговременно поселить въ немъ презрѣніе къ женщинамъ, а потому молодой спартанецъ

старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ. Большую часть года Иванъ Петровичъ проводилъ въ Лаврикахъ, а на зиму пріѣзжалъ въ Москву. Здѣсь онъ держалъ себя англоманомъ, брюзгой и государственнымъ человѣкомъ. 1825 годъ принесъ ему много горя. Близкіе, знакомые и пріятели подверглись тяжкимъ испытаніямъ. Онъ удалился въ деревню, захирѣлъ, ослабѣлъ и ослѣпъ. Онъ три года ѣздилъ съ сыномъ отъ одного доктора къ другому. Ѳедѣ было уже двадцать три года, когда умеръ его отецъ. Схоронивъ отца, онъ поручилъ завѣдываніе хозяйствомъ своей теткѣ Глафирѣ Петровнѣ, а самъ отправился въ Москву. Онъ сознавалъ недостатки своего воспитанія и думалъ воротить упущенное. Онъ поступилъ въ университетъ на физико-математическое отдѣленіе. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, онъ сблизился только съ однимъ студентомъ—Михалевичемъ, который его полюбилъ и совершенно случайно сталъ виновникомъ важной перемѣны въ его судьбѣ.

Однажды въ театрѣ въ ложѣ Лаврецкій увидѣлъ красивую дѣвушку и возлѣ нея Михалевича. На другой день Ѳедоръ Ивановичъ отправляется къ своему товарищу и узнаетъ, что красивицу звали Варварой Павловной Коробьиной. Михалевичъ предложилъ ему познакомиться съ нею. Ноги подкашивались у Лаврецкаго, когда Михалевичъ ввелъ его въ гостиную Коробьиныхъ и представилъ хозяевамъ. Послѣ этого онъ сталъ часто ходить къ нимъ и спустя годъ объяснился Варварѣ Павловнѣ и предложилъ ей свою руку. Предложеніе было принято, но Лаврецкій долженъ былъ немедленно оставить университетъ и Варвара Павловна взяла на себя трудъ заказать приданое и выбрать даже жениховы подарки.

Сначала они поселились въ Лаврикахъ. Съ Глафирой Петровной его жена не поладила, и самовластная тетка должна была уѣхать. Имѣньемъ сталъ управлять старикъ генералъ Коробьинъ.

Вскорѣ Варвара Павловна увезла своего мужа въ Петербургъ, гдѣ они пробыли двѣ зимы. Здѣсь они вели разсѣянный, веселый образъ жизни, но послѣ Ѳедору Ивановичу надоѣло, онъ уединился и принялся за собственное недоконченное образованіе. У нихъ родился сынъ, который недолго жилъ. Жена же его, по совѣту врачей, должна была уѣхать за-границу и провести лѣто и осень въ Германіи и Швейцаріи, и зиму въ Парижѣ. За границей она скоро обзавелась знакомыми. Сначала къ нимъ ѣздили одни русскіе, а потомъ стали являться французы.

Вообще она предавалась свѣтскимъ развлеченіямъ.

Лаврецкій же не терялъ даромъ времени.

Онъ хотѣлъ съ женой ѣхать въ Баденъ-Баденъ, но неожиданный случай разрушилъ всѣ его планы.

Войдя однажды въ отсутствіе Варвары Пазловны въ ея кабинетъ, Лаврецкій увидѣлъ на полу маленькую тщательно сложенную бумажку, изъ которой узналъ, что его супруга находится въ любовной связи съ нѣкимъ M-r Эрнестомъ.

Лаврецкій обезумѣлъ, такъ какъ слѣпо вѣрилъ своей женѣ. Онъ посылаетъ своей женѣ записку M-r Эрнеста и отъ себя добавляетъ: „Я не могу больше васъ видѣть, полагаю, что и вы не должны желать свиданія со мною. Назначаю вамъ 15000 франковъ въ годъ. Посылайте вашъ адресъ въ деревенскую контору. Отвѣта не нужно“. Варвара Павловна въ тотъ же день прислала ему большое письмо, въ которомъ выражала свое желаніе съ нимъ увидѣться и умоляла не осуждать безвозвратно. Спустя три дня послѣ случившагося, онъ направился изъ Парижа въ Италію.

Онъ послалъ распоряженіе своему бургомистру на счетъ жениной пенсіи, приказывая ему въ то же время немедленно принять отъ Коробьина всѣ дѣла по имѣнію и позаботиться о выѣздѣ его изъ Лавриковъ. Глафиру Петровну онъ просилъ вернуться въ Лаврики и отправилъ на ея имя довѣренность.

Въ то же время Лаврецкій по газетамъ слѣдилъ за своей женой; онъ, между прочимъ узналъ, что она становится извѣстностью.

Прошло четыре года, и онъ почувствовалъ себя въ силахъ возвратиться на родину и поселиться въ губернскомъ городѣ О...

Содержаніе третьей части. Лаврецкій, на другой день своего пріѣзда въ городъ О... на крыльцѣ Калитинскаго дома встрѣчаетъ Лизу, которая шла къ обѣднѣ въ церковь. Онъ сообщаетъ ей, что пришелъ къ нимъ проститься, такъ какъ уѣзжаетъ къ себѣ въ деревню. между прочимъ онъ проситъ ее помолиться за него, на что она охотно соглашается. Въ гостиной Лаврецкій застаетъ Марью Дмитріевну одну. Она начинаетъ говорить о Паншинѣ, отзывается о немъ съ хорошей стороны и сообщаетъ о предпологаемомъ замужествѣ Лизы съ Паншинымъ.

Послѣ этого Лаврецкій отправляется къ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ, которая сидѣла у себя въ комнатѣ, окруженная своимъ штатомъ. Онъ состоялъ изъ пяти существъ, одинаково близкихъ ея сердцу: изъ ученаго снигиря, изъ маленькой собачки Роски,—сердитаго кота Матроса,—черномазой вертлявой дѣвочки лѣтъ десяти, Шурочки и пожилой женщины лѣтъ пятидесяти пяти, Настасьи Карповны Огарковой. Съ послѣдней Марѳа Тимоѳеевна свела знакомство на богомольѣ въ монастырѣ. Съ того дня она уже не разставалась съ ней.

У Лаврецкаго съ Марѳой Тимоѳеевной завязывается разговоръ о Паншинѣ. Она плохо о немъ отзывается и отъ нея онъ узнаетъ, что Владиміръ Николаевичъ серіозно ухаживаетъ за Лизой.

Лаврецкій, попрощавшись со своею теткой, уѣхалъ въ свое имѣніе. Здѣсь его встрѣчаетъ слуга Антонъ. Осмотрѣвъ домъ, Лаврецкій вышелъ въ садъ и остался имъ доволенъ. До самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцаній этой уходящей, утопающей жизни. Скорбь о прошедшемъ, таяла въ его душѣ, какъ

весенній снѣгъ,—и странное дѣло! Никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины. Въ теченіе двухъ недѣль Θедоръ Ивановичъ привелъ въ порядокъ домикъ Глафиры Петровны; словомъ, обзавелся всѣмъ нужнымъ и началъ жить — не то помѣщикомъ, не то отшельникомъ. Дни проходили однообразно; онъ не скучалъ, хотя никого не видѣлъ. Онъ прилежно и внимательно занимался хозяйствомъ. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой и чашкой холоднаго чаю къ окну и слушалъ неторопливые разсказы Антона, много сообщавшаго ему о Глафирѣ Петровнѣ.

Однажды Лаврецкому пришлось сообщить своему слугѣ, что онъ развелся со своею женою. Спустя три недѣли Лаврецкій пріѣхалъ верхомъ къ Калитинымъ и провелъ у нихъ вечеръ. Леммъ тоже былъ у нихъ и онъ очень понравился Θедору Ивановичу, который зашелъ къ нему, просидѣлъ у старика весь вечеръ и пригласилъ его къ себѣ погостить. Леммъ соглашается на это и спустя нѣсколько дней пріѣзжаетъ къ Лаврецкому. На другой день за утреннимъ чаемъ Лаврецкій намекаетъ Лемму, что ему вскорѣ придется сочинить торжественную кантату, по случаю бракосочетанія г. Паншина съ Лизой. Леммъ находитъ все это невозможнымъ, такъ какъ „Лизавета Михайловна дѣвица справедливая, серьезная, съ возвышенными чувствами, а Паншинъ только дилетантъ“.

Вскорѣ Леммъ отправляется къ Калитинымъ и приглашаетъ ихъ къ себѣ въ имѣніе. Онъ застаетъ всѣхъ дома. Онъ говоритъ наединѣ съ Лизой и между ними происходитъ нѣкоторое сближеніе, которое въ послѣдствіи переходитъ въ самую теплую привязанность. Дальше въ XXV главѣ Тургеневъ изображаетъ пріѣздъ Михалевича въ имѣніе Лаврецкаго. Михалевичъ былъ идеалистъ и до самой старости не успѣлъ заняться никакимъ практическимъ дѣломъ.

Между тѣмъ отношенія Паншина и Лизы развиваются своимъ порядкомъ и принимаютъ вполнѣ опредѣ-

ленный характеръ. До тѣхъ поръ Лиза снисходительно принимала ухаживанія Паншина и даже, подчиняясь вліянію матери, склонна была выйти за него замужъ. Теперь же она начинаетъ относиться къ нему недоброжелательно, явно симпатизируя Лаврецкому. Послѣдній, узнавъ изъ газетъ, о смерти Варвары Павловны, спѣшитъ сообщить эту новость Лизѣ.

Отношенія ихъ еще больше крѣпнутъ и они надѣятся устроить свое благополучіе.

Послѣднюю главу этой части Тургеневъ посвящаетъ изображенію самой Лизы. Ей было всего десять лѣтъ, когда у нея умеръ отецъ. Онъ самъ мало занимался ею, такъ какъ страшно былъ занятъ своими служебными дѣлами. При жизни отца все воспитаніе дѣвочки было поручено M-m Моро изъ Парижа, а послѣ его смерти перешло къ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ. Сильно вліяла на Лизу ея няня Агафья Васильевна, къ которой Лиза привыкла и крѣпко полюбила. Няня ей часто разсказывала житіе Пресвятой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божьихъ и т. п. Она сумѣла развить въ ней понятіе о Богѣ. Вообще Лиза училась хорошо, т. е. усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ, безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепіано. Къ девятнадцати годамъ она, вся проникнутая чувствомъ долга, любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь.

Содержаніе четвертой части. Въ этой части романа повѣствованіе принимаетъ другой характеръ, такъ какъ событія рѣзко поворачиваютъ назадъ. Дѣло въ томъ, что вѣсть о смерти жены Лаврецкаго оказывается ложною. Сама Варвара Павловна съ дочкой Адочкой и француженкой камеристкой, Жюстиной, возвращается къ мужу и помѣщается въ его домѣ. Итакъ все это въ одинъ мигъ разрушаетъ и его и Лизины планы и надежды на счастье. Только три лица—сентиментальная Марья Дми-

тріевна, Паншинъ и Гедеоновскій были очарованы красотой и любезностью Варвары Павловны. Остальныя лица — правдивая и энергичная тетушка Марѳа Тимоѳеевна, Леммъ и Лаврецкій были огорчены, и поражены ударомъ, который уничтожилъ ихъ надежды. У каждаго изъ этихъ послѣднихъ лицъ глубокая скорбь и отчаяніе выразилось своебразно, но отчетливо.

Послѣ объясненія съ своимъ племянникомъ, Марѳа Тимоѳеевна сказала ему слѣдующее: „Охъ, душа моя, тяжело тебѣ, знаю: да вѣдь и всѣмъ не легко. Ужъ на что я, бывало, завидовала мухамъ: вонъ, думаю я кому хорошо на свѣтѣ пожить; да услыхала разъ, ночью, какъ муха у паука въ лапкахъ поетъ — нѣтъ, думаю, и на нихъ есть гроза. Что дѣлать, Ѳедя"! Послѣ встрѣчи съ Лизой около церкви, Лаврецкій наткнулся на Лемма, который своимъ чудкимъ сердцемъ понялъ горе и отчаянье Лизы и Лаврецкаго и по поводу этой катастрофы замѣтилъ, что „все умерло и мы умерли". Лаврецкій подъ вліяніемъ горя и непрестанныхъ, стремительныхъ и безсильныхъ порывовъ чувства самъ себя укоряетъ. „Видно, Михалевичъ правъ", думалъ онъ. „Ты захотѣлъ вторично извѣдать счастья въ жизни, ты позабылъ, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посѣтитъ человѣка. Оно не было полно, оно было ложно, скажешь ты; да предъяви же свои права на полное, истинное счастье! Оглянись, кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто наслаждается". Ты, видно, только похвастался передъ Паншинымъ, когда сказалъ ему, что пріѣхалъ въ Россію затѣмъ, чтобы пахать землю; ты пріѣхалъ волочиться на старости лѣтъ за дѣвочками. Пришла вѣсть о твоей свободѣ, и ты все бросилъ, все забылъ, ты побѣжалъ, какъ мальчикъ за бабочкой„...

Скорбь Лизы и ея непоколебимая покорность волѣ Провидѣнія выразились въ слѣдующихъ словахъ ея къ Лаврецкому: „Теперь вы сами видите, Ѳедоръ Ивановичъ, что счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога и намъ обоимъ останется исполнить нашъ долгъ". Въ по-

слѣдней бесѣдѣ Лизы съ Мареой Тимоѳеевной выразилась роковая рѣшимость Лизы съ большею отчетливостью въ словахъ: „Все кончено, кончена моя жизнь съ Вами. Такой урокъ не даромъ я все знаю, и свои грѣхи и чужіе и какъ папаша богатство нажилъ; я все знаю. Все это отмолить, отмолить надо. Васъ мнѣ жалъ, жаль мамаши, Леночки; но дѣлать нечего. Чувствую я, что мнѣ не житье здѣсь; я уже совсѣмъ простилась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ; отзываетъ меня что-то; тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться на-вѣкъ. Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду"...

Послѣ пріѣзда и появленія Варвары Павловны въ домѣ Калитиныхъ, всѣ событія этого романа пошли къ развязкѣ. Марьѣ Дмитріевнѣ удается уговорить Лаврецкаго, простить жену, которая вмѣстѣ съ дочерью отправляется сначала въ Лаврики, а потомъ переѣзжаетъ въ Петербургъ. Самъ Лаврецкій, сколько ни старался увѣрить себя въ томъ, что у него достанетъ силъ не поддаться своему горю, что онъ заставитъ свое сердце молчать и возьметъ себя „въ ежовыя рукавицы", подъ конецъ не выдержалъ пребыванія въ деревнѣ, гдѣ всякій предметъ напоминалъ ему прежнее, а потому онъ и уѣхалъ въ Москву.

Мареа Тимоѳеевна много плакала, отговаривала и пыталась пустить въ ходъ угрозу: все сказать матери, но и это не помогло. Вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ старушки, Лиза согласилась отложить исполненіе своего плана. Мареа же Тимоѳеевна должна была дать ей слово, что сама поможетъ ей и выхлопочетъ согласіе Марьи Дмитріевны.

Дѣйствительно, черезъ полъ года она постриглась въ монахини.

Эпилогъ. Прошло уже 8 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ произошла развязка романа. Михалевичъ, послѣ долгихъ странствованій, попалъ, наконецъ на настоящее свое дѣло: онъ получилъ мѣсто старшаго надзирателя въ ка-

зенномъ заведеніи. Онъ очень доволенъ своею судьбою. Паншинъ сильно подвинулся въ чинахъ и мѣтитъ уже въ директора; ходитъ нѣсколько согнувшись: должно быть, владимірскій крестъ, пожалованный ему на шею, оттягиваетъ его впередъ. Чиновникъ въ немъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ художникомъ. Въ бракъ онъ не вступилъ, хотя много представлялось къ тому прекрасныхъ случаевъ: въ этомъ виновата Варвара Павловна. Лаврецкая переселилась въ Парижъ; Ѳедоръ Ивановичъ далъ ей на себя вексель и откупился отъ нея, отъ возможности вторичнаго неожиданнаго наѣзда. Она постарѣла и потолстѣла, но все еще мила и изящна. У каждаго человѣка есть свой идеалъ. Варвара Павловна нашла свой—въ драматическихъ произведеніяхъ Дюма сына. Марья Дмитріевна, Марѳа Тимоѳеевна и старикъ Леммъ уже скончались. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ губернскій городъ О... мало измѣнился. Домъ Марьи Дмитріевны, какъ будто, помолодѣлъ. Изъ оконъ неслись на улицу радостные, легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ, безпрерывнаго смѣха; весь домъ, казалось, кипѣлъ жизнью и переливался весельемъ черезъ край. Домъ Марьи Дмитріевны не поступилъ въ чужія руки, не вышелъ изъ ея рода, и гнѣздо не разорилось. Леночка превратилась въ стройную, красивую дѣвушку, у нея женихъ бѣлокурый гусарскій офицеръ. Сынъ Марьи Дмитріевны, только что женившійся въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ молодой женой пріѣхалъ на весну въ городъ О... Вообще всѣ тѣ лица, которыя восемь лѣтъ тому назадъ были дѣтьми, теперь выросли и расцвѣли. Калитинскій домъ блеститъ беззаботной молодежью, говоромъ и смѣхомъ. Среди этого молодого, веселаго кружка на короткое время появляется, прямо изъ дорожнаго тарантаса, грустный Лаврецкій. Онъ постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, но и душою. Онъ былъ доволенъ собою: онъ сдѣлался дѣйствительно, хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно, выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, насколько могъ,

обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ. Трогательный контрастъ грусти Лаврецкаго о быломъ съ свѣтлой картиной беззаботно счастливыхъ обитателей Калитинскаго дома разрѣшается искреннимъ, дружелюбнымъ привѣтомъ Лаврецкаго молодому поколѣнію. Въ самомъ концѣ Тургеневъ говоритъ, что Лаврецкій посѣтилъ тотъ отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза и увидѣлъ ее. Перебираясь съ клироса на клиросъ, она прошла близко мимо него, прошла ровной походкой монахини и не взглянула на него; только рѣсницы обращеннаго къ нему глаза чуть — чуть дрогнули.

Что подумали, что почувствовали оба? Кто знаетъ? Кто скажетъ? Есть такія мгновенія въ жизни, такія чувства... На нихъ можно только указать и пройти мимо.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Л И З А.

Главной героиней въ романѣ „Дворянское гнѣздо“ является Лиза Калитина. Лиза—въ высшей степени симпатичный и замѣчательный типъ образованной дѣвушки. Она напоминаетъ въ нѣкоторомъ отношеніи, Татьяну Пушкина, но гораздо выше ея въ нравственномъ отношеніи. Лиза еще въ большей степени, чѣмъ Татьяна Пушкина, была „русская душою“. Вліяніе няни, молитвенное общеніе съ Богомъ въ храмѣ еще болѣе укрѣпили въ ней эту природную черту. Лизѣ въ голову не приходило, что она патріотка; но ей было по душѣ съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она, не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала съ старостой материнаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бесѣдовала съ нимъ, какъ съ ровней, безъ всякаго барскаго снисхожденія. Эта національная симпатія Лизы сказалась и при столкновеніи Лаврецкаго съ Паншинымъ: она всецѣло становится на сторону перваго, защищающаго русскій народъ и его право на самобытное развитіе отъ высокомѣрныхъ нападокъ Петербургскаго чиновника; этотъ споръ, въ которомъ побѣдителемъ остался Лаврецкій въ сущности, рѣшилъ окончательно духовное сближеніе Лизы съ Лаврецкимъ, потому что оба они поняли безъ словъ, „что тѣсно“ сошлись въ этотъ вечеръ, поняли что и любятъ и не любятъ одно и то же“. Еще раньше Лаврецкій показался ей симпатичнымъ, она почувствовала въ немъ родственную душу. Лиза знала,

что онъ страдаетъ, —и первое чувство ея по отношенію къ Лаврецкому было чувство состраданія. Она старается убѣдить Лаврецкаго простить жену, примириться съ ней, потому, что строго смотритъ на бракъ, считаетъ его нерасторжимымъ. Характеръ Лизы отличается необыкновенной цѣльностью, въ немъ нѣтъ разлада, нѣтъ внутреннихъ противорѣчій. Лиза съ дѣтства жила своей внутренней жизнью, отличалась серіозностью и замкнутостью. Въ своей замкнутой семьѣ Лиза, конечно, не могла получить ни малѣйшаго знанія людей. Ея необычайно тонкое нравственное чутье, зоркая и неподкупная совѣсть замѣняютъ ей жизненный опытъ, руководятъ и оберегаютъ ее во всѣхъ сношеніяхъ съ людьми. Это чутье указываетъ ей съ непреложной вѣрностью, какъ она должна поступать и, благодаря этому чувству, она не потерялась въ пустой окружающей жизни. Среди этой пустоты она, какъ будто предчувствовала или угадывала иной, лучшій порядокъ вещей и удивительно строго и твердо прошла своимъ путемъ между людьми, чужими ей по мысли и по развитію. Въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ жизни Лиза руководствуется все тѣмъ же нравственнымъ чувствомъ, оно подсказываетъ ей что дѣлать, но несмотря на это, не легко живется ей въ мірѣ, среди людей. Съ окружающими обращалась сдержанно и ни къ кому въ семьѣ не ласкалась, но не по недостатку любви, а по какой-то врожденной стыдливости въ выраженіи своихъ чувствъ. Какъ и Татьяна Пушкина, „она въ семьѣ своей родной казалась дѣвочкой чужой“. Впрочемъ, никто изъ окружающихъ, за исключеніемъ няни Агафьи, не былъ ей близокъ духовно, не имѣлъ на нее вліянія. Лиза не могла получить отъ своей пустой, сентиментальной матери никакого солиднаго воспитанія. Училась она прилежно: но „безъ труда ей ничего не давалось“, говоритъ авторъ. Она развивалась вполнѣ самостоятельно: ничего чуждое ея натурѣ не прививалось къ ней, — ни легкомысліе и душевный скептицизмъ француженки—гувернантки, ни слащавая сенти-

ментальность матери. Эти черты: серіозность, сдержанность, самостоятельность, помогли ей навсегда сохранить душевную чистоту, среди ничтожности и пошлости окружающей жизни. Лиза и въ послѣдствіи жила своею особенною замкнутою жизнью. „У ней не было своихъ словъ, но были слова мысли, и шла она своею дорогой, не спрашивая у другихъ, что ей дѣлать. Говоритъ о ней Тургеневъ: „Она была мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая, грація. Голосъ ея звучалъ серебромъ юности. Малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. То, что жило и росло въ ея душѣ, было настолько чуждо для другихъ, что она даже не чувствовала потребности раскрыть свою душу и жила одинокою жизнью, какъ бы въ духовномъ монастырѣ, оставаясь замкнутой и непонятной даже для умной и проницательной сердечно любящей ее, Марѳы Тимофеевны, которая намекаетъ очевидно на нее, говоря, что чужая душа — потемки, а дѣвичья и подавно, — дремучій лѣсъ. Но несмотря на эту сдержанность и замкнутость, обояніе ея свѣтлой личности такъ велико, что ему подчиняются всѣ, приходящіе съ ней въ соприкосновеніе: не только Леммъ и Лаврецкій, но даже сухой и эгоистичный, хотя и надѣленный внѣшнимъ блескомъ и талантливостью, Паншинъ“.

Религіозность Лизы проникаетъ собою все ея существо, служитъ основнымъ фономъ всей ея душевной жизни. На развитіе религіозности въ душѣ Лизы имѣла вліяніе ея няня Агафья. Она не посѣяла въ душѣ Лизы это чувство, а своимъ словомъ и живымъ примѣромъ воспитала его, дала опредѣленную форму неяснымъ порывамъ и задаткамъ, уже лежавшимъ въ натурѣ дѣвочки. Итакъ, вліяніе Агафьи могло оказаться столько могущественнымъ только потому, что сама натура Лизы была отъ рожденія надѣлена задатками глубокой, всепрощающей религіозности. Когда Агафья разсказывала ей

„житье Пречистой дѣвы, о угодникахъ Божіихъ, которые жили въ пустыняхъ, терпѣли голодъ и нужду и — царей не боялись Христа исповѣдывали“, Лиза слушала ее — и проникалась очарованіемъ этой религіозной эпопеи, что возможно только для натуры, одаренной исключительной глубиною и широтою религіознаго чувства. Она слушала, и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ“. Но не всякому дано такъ вѣрить и такъ любить Бога.

Эти слова даютъ намъ точку опоры для сужденія о религіозномъ чувствѣ Лизы. Очевидно, въ этомъ чувствѣ страхъ передъ Божествомъ, если не совсѣмъ отсутствовалъ, то по крайней мѣрѣ, игралъ роль второстепенную; немного значенія имѣла также и философская сторона идеи Божества. На первомъ планѣ была у Лизы мистическая любовь, въ которой отразилась вся глубина, вся нѣжность, вся истинность и чистота ея натуры. Она вездѣ чувствуетъ присутствіе Бога, чувствуетъ себя передъ Его лицомъ, во всѣхъ случаяхъ жизни обращается къ Нему съ молитвой или благодарностью; такъ, напримѣръ, послѣ рѣшительнаго объясненія съ Лаврецкимъ въ саду Калитинскаго дома, въ то время, какъ Лаврецкій счастливый и влюбленный, упивается волшебною музыкою Лемма, — „Лиза также не спала: она молилась“. Молиться научила ее также Агафья. Иногда Агафья будила ее на зарѣ и брала съ собою къ заутренѣ: „Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ, полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, — вся эта смѣсь запрещеннаго святого, потрясала ребенка, проникала въ самую глубь ея существа“. И впослѣдствіи посѣщеніе церкви было ея любимымъ дѣломъ: она шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, и молилась съ наслажденіемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ“. Здѣсь, въ церкви, проникаясь высокимъ смысломъ, красотой и

поэзіей православнаго богослуженія, Лиза сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо чувствовала близость къ Богу, свою живую связь съ Нимъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно". Чтобы вполнѣ понять чужую любовь, нужно самому испытать ее во всей ея индивидуальности, что не возможно, въ особенности, если дѣло идетъ о любви отвлеченной, не отъ міра сего, какова любовь къ Богу, къ истинѣ, къ человѣчеству. А такъ какъ это невозможно, то для субъективнаго пониманія Лизы, какое именно и требуется въ сферѣ чувствъ, душа Лизы останется ираціональной, загадочной. Но есть другой путь,—путь объективнаго наблюденія и сравненія съ другими женскими натурами. Это различіе и дастъ намъ точку опоры, критерій для сужденія о томъ, что такое Лиза вообще и ея религіозность въ частности.

У огромнаго большинства религіозныхъ людей чувство къ Богу является дѣятельнымъ только въ извѣстные моменты. Въ обыкновенное время живое чувство къ Божеству нейтрализуется. Чтобы оно воспрянуло и овладѣло душою, нужно или что нибудь чрезвычайное: болѣзнь, потеря близкихъ, страхъ смерти, или — извѣстная обстановка, вызывающая, по психологической опозиціи идеи, его пробужденія. Совсѣмъ не то мы видимъ у Лизы. Въ ней религіозное настроеніе всегда на лицо и религіозное чувство всегда бодрствуетъ. Она вся проникнута и просвѣтлена этимъ мистическимъ началомъ, которое образуетъ неотъемлемую часть ея существа. Она является передъ нами озаренная какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, придающимъ ей несказанную прелесть. Самыя обыкновенныя, самыя мелкія и прозаическія души въ моментъ религіознаго умиленія преображаются и облагораживаются. Но пройдетъ это „чудное мгновеніе", и пошлое лицо снова приметъ свое обычное выраженіе Лиза родилась и живетъ—„преображенной". Но

это отличіе Лизы отъ обыкновенныхъ религіозныхъ людей не только количественное, но и качественное: самая религіозность Лизы—иного, высшаго рода. Обыкновенный человѣкъ самъ портитъ себѣ то „чудное мгновеніе“ религіознаго подъема души, внося сюда привычные эгоистическіе мотивы. Молясь, онъ обыкновенно о чемъ нибудь проситъ, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ его молитва, его религіозное настроеніе является безкорыстнымъ и самодавлѣющимъ созерцаніемъ Божества. Лиза именно и принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя одарены исключительнымъ даромъ созерцать Божество. Она всѣ силы души направляетъ на мистическую любовь къ Богу, а ея умъ занятъ проблемой смерти. „Христіаниномъ нужно быть“, говоритъ она Лаврецкому, не для того, чтобы познавать небесное... тамъ земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть“. По ея собственному признанію, она часто думаетъ о смерти, не потому, что она боится смерти, боится ожидающаго за гробомъ возмездія. Наоборотъ, на смерть она смотритъ, какъ на переходъ къ новой лучшей и вѣчной жизни, какъ на конечное соединеніе съ Богомъ. Итакъ, смерть для нея не представляетъ ничего мрачнаго, ничего устрашающаго. Она больше всего любитъ вѣдь Бога и притомъ любитъ Его своеобразно, по-женски, внося въ это чувство много непосредственности, женской нѣжности, влюбленности, беззавѣтности. Вся проникнутая этимъ живымъ мистическимъ чувствомъ, она не можетъ быть такъ привязана къ радостямъ, къ счастью земной жизни, какъ другія женщины, и смерть, этотъ страшный и таинственный актъ, занимаетъ ее лишь, какъ переходъ къ другому, высшему существованію. Отсюда и то равнодушіе къ жизни, и эта боязнь, дурного помысла, и способность съ легкимъ сердцемъ отречься отъ эгоистическаго земного счастья, и, наконецъ, свобода отъ власти земной любви.

Для ясности, сравнимъ Лизу съ нѣкоторыми другими тургеневскими женщинами, въ которыхъ, какъ и въ

Лизѣ, главнымъ движущимъ мотивомъ является религіозное чувство. Возьмемъ Софи, героиню изъ „Странной исторіи". Для этой провинціальной барышни ея религіозныя стремленія составляютъ весь смыслъ жизни. Она ничѣмъ не интересуется и думаетъ только о „божественномъ"; она преисполнена того рѣзкаго мистицизма, который ищетъ знаменій, вѣщихъ сновъ, голосовъ, видѣній и требуетъ осязательнаго проявленія таинственныхъ силъ въ самой жизни; натуры этого рода преданы не столько Богу, сколько посланцамъ Божества на землѣ. Софи дѣлается спутницей и рабой выжившаго изъ ума юродиваго. Ничего подобнаго не могла сдѣлать Лиза. Она слишкомъ самостоятельна и обладаетъ внутреннею свободой. Она не въ состояніи рабски подчиняться кому-нибудь чьей бы. то ни было волѣ. Она никогда не позволитъ другому человѣку загипнотизировать ее, овладѣть ея душою. Лиза — при всей своей женственности, нѣжности, простотѣ — натура сильная, мощная, цѣльная. Софи — при всей своей прямотѣ и изумительной способности — натура слабая, дряблая, безъ своей воли, безъ своей личности. Она загипнотизирована, и ея душевный міръ обуславливается всецѣло духовной организаціей и волею увлекшею ее. Лиза—натура душевно здоровая не только въ тѣсномъ, но и въ обширномъ смыслѣ: въ ней нѣтъ никакихъ признаковъ той душевной вялости, той безхарактерности, апатіи, развинченности и т. д., которымъ подвержены многія и весьма различныя натуры. Въ этомъ смыслѣ она здоровѣе Лаврецкаго, и развѣ только вѣчно юный Михалевичъ не уступаетъ ей въ этомъ отношеніи.

Въ несомнѣнной связи съ душевнымъ здоровьемъ Лизы находится другая черта ея натуры, это именно — внутренняя свобода. Этимъ свойствомъ Лиза отличается отъ Софи и многихъ другихъ нерелигіозныхъ женщинъ. Ее можно сблизить съ Маріанной. У обѣихъ есть нѣчто идеальное въ самой натурѣ, у обѣихъ горитъ въ душѣ нѣкій священный огонь, обѣ движутся силою высшихъ

идеальныхъ стремленій, но ни у той, ни у другой нѣтъ и тѣни фанатизма. Различіе между ними—въ темпераментѣ, въ складѣ ума, въ качествѣ натуры, въ положительномъ содержаніи движущихъ ими идей. Маріанна—героиня, Лиза—святая. Но героизмъ одной и святость другой соединены въ нихъ съ большой широтою и ясностью духа, съ независимостью мысли, съ угнетенностью чувства,—съ тѣмъ именно, для чего нѣтъ лучшаго термина, какъ внутренняя свобода. Обѣ онѣ свободны отъ власти любви. Маріанна не стала рабою своего чувства къ Соломину, а Лиза не была порабощена любовью къ Лаврецкому. Внутренняя борьба Лизы, когда она чувствуетъ, какъ просыпается въ ней любовь и жажда личнаго счастья, о которомъ раньше она вовсе не думала. Смущеніе и тайныя тревоги наполняютъ ея сердце, потому что она не знаетъ, какъ согласовать свое новое чувство съ прежнимъ спокойнымъ и возвышеннымъ строемъ своей души. Она даже избѣгаетъ Лаврецкаго, словно боится его. „Я сама себя не знаю", говоритъ она, чувствуя себя не въ силахъ разобраться въ своемъ сложномъ душевномъ состояніи,—и по своему обыкновенію, она ищетъ разрѣшенія своимъ сомнѣніямъ—въ молитвѣ. Послѣ спора Лаврецкаго съ Паншинымъ она убѣждается, какъ много у нея общихъ взглядовъ и симпатій съ Лаврецкимъ и она допускаетъ возможность личнаго земного счастья, не поступаясь своими завѣтными помыслами, тѣмъ, что привыкла считать своимъ нравственнымъ дѣломъ, своими христіанскими воззрѣніями. Вообще нельзя себѣ представить Лизу, ни Маріанну „загипнотизированными" страстью, какъ Елена, нельзя также вообразить ихъ поставленными въ необходимость, подобно Зинаидѣ, безсильно и безуспѣшно отстаивать свою внутреннюю свободу и горько оплакивать ея утрату. Натура ея одарена большими задатками внутренней свободы. У героини „Первой любви" внутренняя свобода перешла въ сферу сознанія и разсматривается, какъ нѣкоторый даръ, который слѣдуетъ беречь, такъ какъ его можно и поте-

рять. Лиза и Маріанна свободны безсознательно, сами того не замѣчая: это — неотъемлемая часть ихъ души. Въ противоположность Зинаидѣ, онѣ не могутъ потерять своей внутренней свободы, и это потому, что ихъ человѣческая личность возвысилась въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ. Маріанна, есть самый раціональный женскій типъ, а Лиза — самый ирраціональный. Въ этомъ и состоитъ коренное различіе между ними. Душевный міръ обѣихъ ихъ движется силою высшихъ идей и чувствъ. Чувства вообще ирраціональны, но въ разной мѣрѣ. То, которое дѣйствуетъ въ Маріаннѣ, принадлежитъ къ числу наименѣе ирраціональныхъ. Это чувство любви къ идеѣ и человѣчеству, которое ведетъ къ самопожертвованію. Во первыхъ, чувство Маріанны является движущей пружиной ея стремленій и доступно всѣмъ людямъ безъ различія пола. Маріанны чувство окрашивается женскою чуткостью и страстностью, но эта окраска еще не дѣлаетъ его загадочнымъ. Во—вторыхъ, оно, это чувство, весьма доступно анализу и контролю ума. Высшій общечеловѣческій альтруизмъ является однимъ изъ наиболѣе раціональныхъ чувствъ. Таковъ именно альтруизмъ Маріанны. При ея живомъ умѣ, при большой внутренней свободѣ, при отсутствіи фанатизма, онъ становится душевнымъ началомъ, въ которомъ ирраціональность чувства доведена до минимума можетъ считаться равной нулю.

Обратимся къ Лизѣ. Съ точки зрѣнія того широкаго альтруистическаго чувства, которое жило въ душѣ Лизы и которое обнимало всѣхъ людей въ одинаковой степени, привязанность къ одному человѣку, любовь къ своей семьѣ, должны ей казаться узкими и эгоистическими. Притомъ Лиза во всемъ привыкла подчиняться волѣ Провидѣнія, а потому любовь къ Лаврецкому такъ сильно взволновала ее, внесла нѣкоторый, хотя и временный разладъ и смущеніе въ ея душу. Этого разлада не было въ ея отношеніяхъ къ Паншину. Если бы не явился Лаврецкій, она, вѣроятно, уступая

желанію матери, вышла бы за него замужъ; но она пошла бы за Паншина, человѣка, далекаго ей по духу, не ради личнаго счастья, а ради того, что она считала исполненіемъ своего земного долга: для нея, какъ для пушкинской Татьяны всѣ были жребія равны, потому что не на земное счастье были направлены помыслы Лизы, а на стремленіе къ небесному, къ вѣчному. Но явился Лаврецкій и „первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь". Ея основное чувство есть также альтруизмъ — очень широкій, внѣчеловѣческій, христіанскій въ настоящемъ евангельскомъ смыслѣ, и съ этой точки зрѣнія онъ — выше и чище альтруизма Маріанны: онъ подчиняется завѣту „любите враговъ вашихъ, дѣлайте добро ненавидящимъ васъ". Она—одна чистая, безпримѣсная любовь. Она инстинктивно чувствуетъ, какъ много въ жизни неправды и зла, какъ много грѣха и страданія, но въ то же время боится осуждать кого бы то ни было,— даже женщину, которая разбила жизнь любимаго человѣка, и ея собственную. Вся проникнутая чувствомъ долга она боится оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ кроткимъ и добрымъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности: она любила всѣхъ людей, и хорошихъ, и дурныхъ, любила, какъ дѣтей Божіихъ, какъ членовъ Божьяго царства, но жить среди нихъ ей было тяжело, потому что ей чужды были ихъ мелочныя, и мучительно было царившее среди нихъ зло. Лиза всѣхъ любитъ, жалѣетъ и прощаетъ, — даже Паншина и жену Лаврецкаго. Она органически неспособна ненавидѣть,— ни примириться съ пошлостью и неправдою, ни бороться противъ нихъ, напримѣръ, дурного, злого человѣка, за то, что онъ золъ; она будетъ только скорбѣть и молиться о немъ. Такая любовь — не отъ міра сего, и душа, ею движимая, не призвана жить, трудиться и бороться въ этомъ грѣшномъ мірѣ, гдѣ нельзя обойтись— въ интересахъ добра и правды — безъ вражды и ненависти. Нравственныя стремленія имѣютъ свое абсолютное достоинство независимо отъ примѣненія ихъ къ жи-

зни. Съ этой точки зрѣнія, душа Лизы выше души Маріанны, и любовь героини „Дворянское гнѣздо" шире и чище любви героини „Нови". У Лизы оно перешло въ религіозную, мистическую сферу. Мысль о Богѣ, о „загробной" жизни, мистическая любовь къ Богу — вотъ къ чему тяготѣютъ всѣ душевныя силы Лизы, вотъ куда перемѣщенъ центръ тяжести ея личности. Окончательно совершилось это перемѣщеніе, когда Лиза ушла въ монастырь, и здѣсь-то ея натура, весь укладъ ея души и вся ирраціональность этого уклада достигли своего полнаго выраженія. Это особое, чуждое и непонятное обыкновеннымъ людямъ состояніе души, при которомъ духъ человѣческій освобождается, отъ опутывающихъ его земныхъ узъ и освобожденный и очищенный сосредотачивается на однихъ высшихъ и чистыхъ помыслахъ; онъ цѣликомъ замѣняется въ восторженную, безграничную любовь къ Богу.

Вообще, внутреннее счастье можетъ быть достигнуто только цѣною самоотреченія, жертвъ, нравственнаго подвига, и молитвы, побуждающей стремиться къ этой „свободѣ и покою"; они должны корениться не въ чемъ иномъ, какъ именно въ нравственной сферѣ личной жизни.

Лиза также стремится въ сущности „къ свободѣ и покою", къ свободѣ отъ тягостныхъ для нея связей съ людьми, отъ гнетущихъ ее противорѣчій жизни, отъ неизбѣжныхъ „въ мірѣ" грѣховъ и компромиссовъ, — къ покою души, наполняющему ея душу несказаннымъ блаженствомъ близости къ Божеству въ монастырѣ, къ мистическимъ восторгамъ религіозной жизни. Этотъ выходъ является при ея господствующемъ душевномъ настроеніи вполнѣ естественнымъ. Лиза, по натурѣ своей, — „не отъ міра сего": какъ Касьянъ уходитъ отъ людей потому, что „справедливости въ человѣкѣ нѣтъ", и скитается по свѣту въ поискахъ „правды", такъ и Лиза удаляется отъ міра въ монастырь, — но удаляется для того, чтобы служить этому грѣховному міру—своею молитвою. Но это

высшее счастье она заслужила; она его купила цѣною огромной жертвы—отказалась ради него отъ счастья съ любимымъ человѣкомъ. Это счастье было вполнѣ возможно, и отъ нея зависѣло его осуществленіе. Чтобы понять всю громадность этой жертвы, нужно вспомнить, что любовь Лизы и Лаврецкаго была любовь глубокая и могущественная, основанная не на скоропроходящемъ увлеченіи, а на внутреннемъ родствѣ душъ, — это была любовь на всю жизнь, она сулила настоящее, прочное счастье, то рѣдкое поэтическое счастье, ради котораго легко отрекаются отъ высшихъ идей, отъ религіи, отъ идеаловъ, и только рѣдкія натуры, какъ Лизы, способна принести въ жертву высшимъ, неличнымъ стремленіямъ души.

Итакъ, это была жертва, это былъ подвигъ самоотреченія. И это жертвоприношеніе было совершено силою мотивовъ чисто нравственнаго порядка. Полюбивъ Лаврецкаго, Лиза не была спокойна, „сердце у нея все щемило“, какъ она сама говоритъ теткѣ. Стремленіе къ личному счастью должно было ей казаться эгоистическмъ, а потому грѣховымъ, представлялось ей, какъ бы измѣной—единой, всепоглощающей любви къ Богу. Вотъ почему, когда пріѣздъ Варвары Павловны разбилъ ея надежды на счастье, она говоритъ Лаврецкому. — „Да, — сказала она глухо: — мы скоро были наказаны. — Наказаны,—повторилъ Лаврецкій. — За что же вы то наказаны? Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали.

Сердце въ Лаврецкомъ дрогнуло отъ жалости и любви.

— Все конечно,—прошепталъ онъ; — да, все кончено — прежде чѣмъ началось.

— Это все надо забыть, — проговорила Лиза... — Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ. Вы, Ѳедоръ Ивановичъ должны примириться съ вашей женой.

— Лиза!

— Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить... все, что было...

— ...Хорошо, — проговорилъ сквозь зубы Лаврецкій: — это я сдѣлаю, положимъ; этимъ я исполню свой долгъ. Ну, а вы—въ чемъ же вашъ долгъ состоитъ?

— Про это я знаю.

Лаврецкій вдругъ встрепенулся.

— Ужъ не собираетесь ли вы выйти за Паншина?— спросилъ онъ.

Лиза чуть замѣтно улыбнулась.

— О, нѣтъ! промолвила она.

Не трудно видѣть, что Лизой движетъ мотивъ не какого-нибудь иного, какъ именно нравственно-религіознаго порядка. Она считаетъ дѣломъ грѣшнымъ, безнравственнымъ строить свое счастье на несчастьи другихъ. Отнять Лаврецкаго отъ его семьи, хотя бы и не любимой имъ и чуждой ему, она признаетъ почти преступленіемъ, подлежащимъ наказанію. Весьма возможно, что въ данномъ случаѣ она ошиблась. Потеря мужа никакихъ нравственныхъ, ни иныхъ страданій не причинила бы г-жѣ Лаврецкой и ея дочери, и все устроилось бы къ общему удовольствію. Но таково уже глубокое, непоколебимое убѣжденіе Лизы—въ нерасторжимости брака, въ необходимости прощенія, въ возможности нравственнаго возрожденія такихъ испорченныхъ натуръ, какъ жена Лаврецкаго. Для нея не подлежитъ сомнѣнію, что, отнимая у семьи Лаврецкаго, она нарушитъ святость брака, лишитъ Вѣру Павловну мужа, его дочь—отца, его самого — возможности простить, а ее (г. Лаврецкую) — возможности раскаяться и загладить свое прошлое. Свой чистый порывъ, свою любовь къ Лаврецкому она признаетъ поэтому грѣховнымъ, себя считаетъ недостойной счастья, само счастье—невозможнымъ и нежелательнымъ, разъ оно сопряжено съ компромиссами, съ нарушеніемъ чьихъ то, хотя бы и фиктивныхъ, правъ. Возвращеніе жены Лаврецкаго ей представляется поэтому предостереженіемъ свыше и даже наказаніемъ за грѣховное, по ея мнѣнію, чувство. Итакъ, мы видимъ, что въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ жизни Лиза руководствуется все

тѣмъ же нравственнымъ чувствомъ: обусловленнымъ отношеніемъ къ Богу. „Теперь вы сами видите, что счастье не отъ насъ, а отъ Бога“, говоритъ она Лаврецкому.

Но этого мало. Нравственныя основанія самоотреченія Лизы оказываются еще глубже. Тутъ, правда, не видно рѣшимости сопротивляться враждебнымъ вліяніямъ и стараться побѣдить ихъ, но недостатокъ энергіи возрождается глубокимъ самоотверженіемъ Лизы.

Подобно Касьяну, она думаетъ, что въ мірѣ нельзя прожить безъ грѣха, и потому инстинктивно сторонится отъ жизни: уже давно лелѣяла она мысль о монастырѣ, да среди людей жила уединенно, какъ будто затворяясь въ духовной кельѣ. Но въ монастырь она хочетъ итти не только для своего личнаго душевнаго спасенія, а для того, чтобы имѣть возможность безъ помѣхи и разсѣянія молиться за другихъ.

Въ сценѣ, гдѣ Лиза объявляетъ тетушкѣ Маръѣ Тимоѳеевнѣ, о своемъ рѣшеніи пойти въ монастырь, она говоритъ между прочимъ: „...Я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога, все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже тогда, когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня щемило. Я все знаю и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ; я все знаю. Все это отмолить, отмолить надо“...

И затѣмъ Лиза разрываетъ связь съ жизнью дѣйствительной, съ которой, впрочемъ, никогда не могла и не хотѣла сдружиться, и устраиваетъ себѣ жизнь другую, по собственной своей идеѣ, которую усвоила давно. Такая рѣшимость со стороны молодой дѣвушки есть, конечно, своего рода героизмъ. Нравственный образъ Лизы Тургенева далеко оставляетъ за собой личность Пушкинской Татьяны, а ихъ раздѣляетъ всего 20—30 лѣтъ. Для того чтобы Татьяна Пушкина могла превратиться въ знакомую намъ Лизу, ей нужно было убѣдиться въ бѣдности и суетѣ всего, что прежде такъ томило, вол-

новало и занимало ее. Татьяна занята исключительно исторіей своей любви, и ни о чемъ другомъ, кромѣ орудія и проводника этой любви — Онѣгина, понятія не имѣетъ, да еще и о немъ понятія весьма ограничены и скудны. Свѣтлою является Лиза въ началѣ романа, свѣтлою проходитъ передъ зрителемъ черезъ всѣ степени развивающейся драмы, и такою же свѣтлою скрывается въ монастырскую келью. Она любитъ, страдаетъ, переноситъ нравственныя потрясенія съ истиннымъ геройствомъ, не входитъ ни въ какія сдѣлки съ совѣстью.

Итакъ, блаженство Лизы есть мистическая любовь къ Богу, сладость молитвы, радость покаянія и, на всемъ этомъ основанный, безусловный, несокрушимый покой души. Она всматривалась въ свой нравственный міръ и освѣщала его тихимъ свѣтомъ своей дѣтски — чистой любви. Подъ вліяніемъ душевныхъ стремленій она увидѣла Бога.

Перейти въ любовь къ отдѣльному человѣку и потомъ истратиться на семью — эта женственная душевная сила могла бы только подъ условіемъ самоограниченія, даже самоотрицанія: ей пришлось бы оставить не у дѣлъ цѣлую половину своихъ составныхъ элементовъ, и, кромѣ того, воспринять въ себя нѣчто ей чуждое, напримѣръ, нѣкоторый эгоизмъ, способность къ исключительной привязанности къ любимому человѣку, къ своимъ дѣтямъ, и множество мелкихъ чувствъ, съ нею несовмѣстимыхъ. Не можетъ она также обратиться и къ служенію страждущему человѣчеству; перейдя въ дѣятельную любовь къ людямъ, она опять таки принуждена была бы измѣнить свой составъ и вступить въ союзъ съ нѣкоторыми чувствами и стремленіями, находящимися во внутреннемъ съ нею противорѣчіи. Служеніе человѣчеству, хотя бы исключительно на почвѣ благотворительности, всетаки предполагаетъ борьбу и ожесточеніе, напримѣръ, противъ тѣхъ, кто причиняетъ страданія людямъ. Объ иномъ — высшемъ служеніи человѣчеству на почвѣ общественной борьбы—и говоритъ нечего: ду-

ша Лизы непригодна для этой борьбы уже потому одному, что она—не отъ міра сего. Только въ религіозномъ подвигѣ найдетъ эта душевная сила исходъ себѣ, и въ Богѣ — точку приложенія. Въ этой сферѣ энергія идеальной женственности этого инстинкта можетъ дѣйствовать и творить, не теряя ни одного изъ своихъ элементовъ и не воспринимая чуждыхъ себѣ.

Въ этомъ отрешеніи отъ всякихъ земныхъ надеждъ сказывается своего рода нравственный героизмъ Лизы, сказывается присущее ей, несмотря на всю душевную нѣжность и кротость, сила воли, самостоятельность и твердость: когда ея рѣшеніе было принято, никакія препятствія не могли уже ее остановить. Надо имѣть въ виду, во-первыхъ, что послѣ перенесеннаго глубокаго потрясенія у Лизы едва ли достаточно силъ для того, чтобы вести прежнюю жизнь; во-вторыхъ, что касается пользы, она и безъ того принесла ее людямъ, какъ тѣмъ, которые соприкасились съ нею въ жизни, напримѣръ, Лаврецкому, такъ и тѣмъ, которые знаютъ ее лишь изъ романа: образъ этой праведницы, нарисованный Тургеневымъ съ такой трогательной любовью, еще долго не потеряетъ своего облагораживающаго вліянія на душу читателей, и еще много новыхъ поколѣній будетъ плакать чистыми слезами умиленія и свѣтлой грусти надъ страницами романа, въ которыхъ отразился ея дѣвственно-чистый, нѣжный и строгій ликъ.

Итакъ, въ Лизѣ Тургеневъ далъ намъ вполнѣ законченный типъ идеальной женской души, для которой религія составляетъ настоящее призваніе, какъ искусство для художника, какъ наука для ученаго. Чтобы окончательно осуществить это призваніе для нее достаточно первыхъ-же противорѣчій, первыхъ уколовъ жизни, а отвратить отъ него безсильны даже волшебныя чары любви, даже всемогущее обояніе счастія.

Сильно религіозное чувство, соединенное со столь же сильной волей и сознательностью, составляютъ, какъ ключъ къ разгадкѣ этой чудной натуры; религіозность

и сознательная воля это почва, на которой развились всѣ другія черты характера Лизы; эти черты обусловлены всецѣло религіозностью и волею. У Лизы напримѣръ, сильно развита дочерняя привязанность къ памяти отца и чувство долга по отношенію къ нему. Она не упрекаетъ своего покойнаго отца, даже не критикуетъ его дѣйствій, но понимаетъ все, „и какъ паненька богатство нажилъ", и этотъ долгъ по отношенію къ отцу выражается въ ея простыхъ но сильныхъ словахъ, что „все это отмолить надо".

По отношенію къ матери у Лизы развито столь же сильное дочернее чувство; правда, Лиза не открываетъ своей души матери, между ними нѣтъ даже должной близости душевной, но твердое сознаніе заповѣди Божіей, чтить отца и мать и повиноваться ихъ волѣ, — такъ сильно въ Лизѣ, что она не противится своей матери даже въ столь важномъ дѣлѣ какъ замужество; Лиза не любитъ Паншина, но она вѣритъ безусловно матери, что этого и не нужно въ бракѣ и почти согласна выйти замужъ за него, мотивируя свой шагъ простымъ соображеніемъ, что „маменькѣ онъ нравится, онъ добрый, я ничего противъ него не имѣю"... — Покорность волѣ родителей и довѣрчивое отношеніе къ нимъ, соединенно съ чувствомъ дочерняго долга составляютъ характерныя черты Лизы, обусловленныя именно ея религіозностью.

Этой же религіозностью обусловливаются отношенія Лизы къ людямъ вообще, а въ особенности къ болѣе близкимъ, какъ напримѣръ, къ сестрѣ Леночкѣ или къ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ. Лиза по собственному признанію, всѣхъ любитъ и разумѣется, говоритъ это искренно, потому что Богъ велѣлъ всѣхъ любить. Она и Паншина любитъ, но не тѣмъ чувствомъ какое принято называть любовью, а чисто христіанскою любовью. Въ этомъ Лиза открыто признается Лаврецкому и нисколько не стѣсняется этого прекраснаго возвышеннаго чувства.

Отсюда, конечно, вытекаетъ ея безконечная доброта и всепрощеніе; Лиза прощаетъ даже Варвару Павловну и за себя и за Лаврецкаго, хотя послѣдняя безжалостно разбила все ихъ счастье. Эта доброта безконечная, неземная любовь и всепрощеніе ставятъ Лизу на недосягаемый пьедесталъ. Надо замѣтить, что все это у ней происходитъ искренно просто и естественно; нѣтъ ни малѣйшаго желанія рисоваться качествами своей души, своимъ горемъ, на что способна лишь натура низменная въ родѣ Варвары Павловны; Лиза прощаетъ искренно; она искренно проситъ Лаврецкаго примириться съ женой и сойтись опять съ ней, хотя знаетъ, что это чрезвычайно трудно сдѣлать и что этимъ она губитъ послѣднюю надежду на собственное свое счастье. Это самоотверженіе можетъ быть объяснено только однимъ религіознымъ чувствомъ и ничѣмъ больше. Указанныя качества души Лизы окружаютъ ея фигуру такой красотой и духовной силой, что вполнѣ справедливо многіе критики находили и находятъ, что во всей русской и даже европейской литературѣ трудно найти другой подобный женскій типъ. При этомъ слѣдуетъ помнить, что Лиза съ ногъ до головы вполнѣ остается русской дѣвушкой. Ея религіозность, весь складъ ея ума и характера, все ея міровоззрѣніе, явились результатомъ исключительно русской жизни и не могли бы вырости ни на какой иной почвѣ, кромѣ русской.

ЛАВРЕЦКІЙ.

Другимъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ романѣ „Дворянское гнѣздо“ является Өеодоръ Ивановичъ Лаврецкій. Необходимо однако оговориться, что хотя Лаврецкій и принадлежитъ къ тому самому періоду русской жизни, какъ и Рудинъ, однако въ складѣ его жизни и личности мы увидимъ черты, совершенно различныя отъ тѣхъ, какія обнаруживаются при анализѣ Рудина. Въ этомъ нѣтъ ничего необычайнаго. Какъ ни однообразна была дореформенная жизнь нашей дворянской среды, все же, при ближайшемъ разсмотрѣніи ея, въ ней можно замѣтить различнаго рода обособленныя теченія. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, эти теченія въ значительной степени давали одинаковые результаты, потому что вся жизнь носила очень замѣтный отпечатокъ единаго дореформеннаго строя, приводившаго къ одному знаменателю всѣ разновидности въ типахъ и настроеніяхъ, какія создались при нѣсколько видоизмѣненныхъ формахъ личнаго существованія.

Если сравнить Лаврецкаго съ другими героями тургеневскихъ романовъ, то окажется, что въ ихъ ряду это — самое ясное, самое удобопонятное, никакихъ сомнѣній не возбуждающее лицо. Пониманіе Лаврецкаго дается читателю легко и незамѣтно, и едва ли возможны противорѣчивыя сужденія о немъ. Этого нельзя сказать напримѣръ, о Рудинѣ, о Базаровѣ, о Соломинѣ. Эти лица нужно умѣть понять, что не всегда удается, откуда и возможность различныхъ сужденій о нихъ. Надъ ис-

толкованіемъ Лаврецкаго Тургеневъ, можно сказать, потрудился, — видна какъ бы заботливость о томъ, чтобы фигура вышла понятною во всѣхъ деталяхъ, и также, чтобы она вызывала въ читателѣ симпатію, довѣріе, родъ дружескаго расположенія. Этой заботливостью автора и вызвано длинное отступленіе, разсказывающее съ большими подробностями длинную родословную героя и въ сжатыхъ чертахъ рисуетъ образы его прадѣда, дѣда и отца. Такимъ образомъ, передъ нами, четыре поколѣнія одной и той же семьи, цѣлое „Дворянское гнѣздо". Образы предковъ Ѳедора Лаврецкаго даютъ богатый матеріалъ для характеристики русскаго провинціальнаго дворянства второй половины XVIII и начала XIX вв. и служатъ прекрасными иллюстраціями къ тѣмъ цѣльнымъ натурамъ помѣщичьей среды, которыя были знакомы читателямъ Тургенева по нѣкоторымъ разсказамъ „Записокъ охотника". Мы не будемъ много останавливаться на нихъ и сосредоточимъ свое вниманіе на послѣднемъ представителѣ древняго дворянскаго рода.

Въ мастерской, живой и вѣрной картинѣ фамилій Лаврецкихъ видно, какъ въ зеркалѣ, ужасное состояніе образованныхъ поколѣній того времени. Видны крупные, рѣзкіе очерки жестокихъ старинныхъ баръ самодуровъ. О воспитаніи самого героя романа Тургеневъ разсказываетъ довольно подробно. Въ своихъ основныхъ чертахъ Ѳедоръ Лаврецкій можетъ считаться типичнымъ для нѣкоторой части русскаго дворянства 30-хъ и 40-хъ годовъ. Характерной чертой воспитанія, полученнаго Лаврецкимъ, является полное духовное одиночество мальчика, отсутствіе любви и ласки къ нему у окружающихъ людей, совершенное игнорированіе духовныхъ его особенностей, стремленіе подчинитъ его личность посторонней волѣ, поработить его.

Въ раннемъ еще дѣтствѣ былъ отторгнутъ Лаврецкій отъ нѣжно любившей его матери, простой крестьянки, на которой сгоряча женился его отецъ. Тетка Глафира, черствое, холодное существо, почти не допускала

матери къ мальчику подъ тѣмъ предлогомъ, что она не въ состояніи заниматься его воспитаніемъ. Однако ребенокъ успѣлъ безумно полюбить ее; память о ней навѣки запечатлѣлась въ его сердцѣ, „но онъ смутно понималъ ея положеніе въ домѣ; онъ чувствовалъ, что между нимъ и нею существовала преграда, которую она не смѣла и не могла разрушить". Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ своей сознательной жизни ребенокъ чувствовалъ гнетъ какой-то посторонней силы, противъ которой не могло противостоять самое близкое, самое дорогое существо.

Удручающимъ образомъ должно было дѣйствовать это сознаніе, подавляя его волю, энергію. На восьмомъ году лишился Лаврецкій матери и тетка окончательно забрала его въ свои руки. „Ѳедя боялся ея, боялся ея свѣтлыхъ и зоркихъ глазъ, ея рѣзкаго голоса; онъ не смѣлъ пикнуть при ней; бывало, онъ только зашевелится на своемъ стулѣ, ужъ она и шипитъ: „куда? сиди смирно". Вскорѣ для обученія его языкамъ и музыкѣ была приглашена старая шведка „съ заячьими глазами". Въ обществѣ этихъ двухъ старухъ да старой сѣнной дѣвушки Васильевны провелъ Ѳедя четыре года своей жизни послѣ смерти матери. Не было никого возлѣ заброшеннаго, одинокаго мальчика, кто съ сердечной лаской отнесся бы къ нему, кто подумалъ бы о томъ, какія мысли шевелятся въ его головѣ, кто далъ бы необходимый просторъ для развитія его духовныхъ силъ. Не удивительно, что онъ никого не полюбилъ, изъ окружавшихъ его лицъ. Но вотъ пріѣхалъ изъ-за границы отецъ Лаврецкаго, и не теряя времени, принялся за воспитаніе сына. Воспитаніе совпадало съ періодомъ англоманства отца. Онъ имѣлъ на сына особенное вліяніе, хотя далеко не благотворное. Это былъ человѣкъ проникнутый англоманствомъ, настоящій типичный представитель поверхностнаго, напускного европеизма. „Онъ желалъ изъ сына сдѣлать „человѣка и спартанца". Для этого принялись мальчика закаливать, одѣли въ шотландскій костюмъ.

Мѣсто шведки занялъ молодой швейцарецъ, въ совершенствѣ изучившій гимнастику. Физическое воспитаніе выступило на первый планъ. Музыку, какъ занятіе недостойное мужчины, изгнали навсегда. Вмѣстѣ съ тѣмъ мальчикъ долженъ былъ изучать естественныя науки, международное право, математику, столярное ремесло и геральдику для поддержанія рицарскихъ чувствъ, — вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій человѣкъ. Итакъ, двѣнадцатилѣтняго мальчика, не считаясь съ его природными задатками, подчиняютъ новой воспитательной системѣ. Эта нелѣпая „система" принесла пользу только здоровью молодого Лаврецкаго, въ остальномъ она оказалась для него чрезвычайно погубной. Не удивительно, что „система" сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его головѣ, притиснула ее и „вывихнула" его, какъ онъ самъ выражался. Воспитаніе вовсе не подготовило его къ жизни; стараясь выработать изъ своего сына какого-то „спартанца", отецъ Лаврецкаго не подумалъ о томъ, чтобы сообщить ему знанія, необходимыя для него, какъ для русскаго дворянина, необходимыя для его будущей жизненной дѣятельности.

Кромѣ того „англоманъ" самъ относится къ людямъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, ни съ кѣмъ не сходится, и сына своего держится въ искусственномъ уединеніи. Когда сыну исполнилось шестнадцать лѣтъ, предусмотрительный отецъ сталъ развивать въ немъ презрѣніе къ женщинамъ, и „молодой спартанецъ уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ".

Поэтому, когда молодому Лаврецкому пришлось вступить въ жизнь, онъ не зналъ ни жизни, ни людей, и вполнѣ понятно, что онъ весьма легко могъ въ нихъ ошибиться, какъ ошибся онъ въ своей жизни,—эта ошибка роковымъ образомъ отразилась на всей его дальнѣйшей жизни. Но, испортивъ ему существованіе, „система" не могла однако испортить его характеръ. Добрые нравственные задатки, унаслѣдованные Лаврецкимъ отъ матери крестьянки, сохранились въ его душѣ неприкос-

новенными и помогли ему впослѣдствіи выйти на вѣрную дорогу. Вліяніе тетки Глафиры и „система“ только тормозили естественный ходъ развитія душевныхъ силъ, „вывихнули“ его, парализовали его волю, съ ранняго дѣтства оторвали отъ родной жизни, которая не доходила до него ни въ покояхъ Глафиры, ни подъ вліяніемъ англомана — отца. Такимъ образомъ, несмотря на господство „системы“, онъ сохранилъ извѣстную духовную независимость, сохранилъ возможность самобытнаго развитія. Итакъ, съ восемнадцати лѣтъ, несмотря на придавленность и путаницу, поселенную въ головѣ „системой“, начинаетъ Лаврецкій постепенно высвобождаться изъ подъ гнета, давившей его руки. Мало по малу понялъ онъ всю идейную несостоятельность своего отца и крупные пробѣлы своего воспитанія и рѣшилъ, во что бы то ни стало, наверстать упущенное. А упущенно было многое. Безолаберное воспитаніе принесло свои плоды. Много разрозненныхъ идей бродило у него въ головѣ, въ нѣкоторыхъ вопросахъ онъ былъ свѣдущъ не хуже любого спеціалиста, но наряду съ этимъ не зналъ многаго такого, что извѣстно каждому школьнику. Полный безсознательной жажды общенія съ людьми и любви, онъ не умѣлъ сходиться съ ними, боялся женщинъ; при его умѣ ясномъ и здравомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклонности къ упрямству, созерцанію и лѣни, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ входить въ жизненный водоворотъ. Поэтому, какъ только представилась возможность, онъ занялся серіозной работой надъ своимъ образованіемъ, недостатки котораго онъ ясно сознавалъ. Онъ начинаетъ съ того, что поступаетъ въ Московскій университетъ. Будучи гораздо старше своихъ товарищей и воспитанный въ отчужденіи отъ людей, Лаврецкій ни съ кѣмъ особенно близко не сошелся, не примкнулъ ни къ одному изъ существовавшихъ студенческихъ кружковъ. Но филосовское идеалистическое направленіе, господствовавшее въ этихъ кружкахъ, оказало и на него свое воспитывающее вліяніе, главнымъ обра-

зомъ благодаря Михалевичу, благодарнаго энтузіаста. Поэтому Лаврецкаго также можно причислить къ идеалистамъ 40-хъ годовъ, хотя идеализмъ его носитъ нѣсколько иную окраску. Уродливое воспитаніе Лаврецкаго должно было вызвать въ здоровой душѣ его естественную реакцію, привести его къ отрицанію того фальшиваго европеизма, который заключался въ слѣпомъ и поверхностномъ подражаніи западнымъ образцамъ. Самъ Тургеневъ назвалъ Лаврецкаго „славянофиломъ". Первыя впечатлѣнія его при возвращеніи въ деревню — это охватившее его „глубокое и сильное чувство родины". Яснѣе всего славянофильство и симпатіи Лаврецкаго выражаются въ его спорѣ съ Паншинымъ. Когда же Паншинъ задаетъ ему вопросъ, что же онъ намѣренъ дѣлать, поселившись на родинѣ, Лаврецкій отвѣчаетъ: „Пахать землю, и стараться, какъ можно лучше ее пахать",— т. е., другими словами, отказавшись отъ всякихъ широкихъ плановъ, „надменныхъ передѣлокъ" жизни, примириться съ нею, дѣлать на мѣстѣ свое маленькое дѣло, стараясь по мѣрѣ силъ приносить пользу окружающимъ".

Ко времени поступленія Лаврецкаго въ университетъ уже ясно опредѣляются нѣкоторыя его черты. Прежде всего отношеніе Лаврецкаго къ любви. „Горе сердцу, не любившему съ молоду", говоритъ Тургеневъ по поводу равнодушія Лаврецкаго къ окружающимъ его въ дѣтствѣ лицамъ. Сугубое горе тому, у кого, какъ у Лаврецкаго, душа полна потребности привязаться къ кому-либо,—не даромъ онъ такъ горячо полюбилъ въ раннемъ дѣтствѣ свою мать. Это благородное свойство души, не находя себѣ долго пищи, все растетъ и растетъ и потомъ, въ концѣ концовъ, изливается со всею мощью часто на недостойнаго человѣка. Такъ и случилось съ Лаврецкимъ. Потребность любви къ существу другого пола, такъ настойчиво подавляемая въ немъ въ юности отцовской системой воспитанія, надо думать, сильно заговорила въ немъ, когда онъ началъ освобождаться изъ подъ ея вліянія. Наступаетъ совершенно естественная

реакція: то что раньше, подъ давленіемъ отцовскихъ внушеній, презиралось и тщательно подавлялось, теперь чуть-ли не возводится въ культъ, благо сама природа мощно требуетъ этого. Отсюда-то жажда любви, преклоненіе предъ ея властью. Въ такомъ видѣ мы представляемъ себѣ перемѣну въ настроеніи Лаврецкаго относительно чувства любви. Тургеневъ не разсказываетъ намъ этого, въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ онъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо скупъ на психологическій анализъ; но такой выводъ безъ особаго труда можно сдѣлать на основаніи тѣхъ данныхъ, какія даетъ намъ романъ.

Такимъ образомъ у Лаврецкаго мы находимъ еще одну черту, характерную для поколѣнія 40-хъ годовъ, противъ которой впослѣдствіи такъ вооружается Базаровъ,—это культъ любовнаго чувства, признаніе за нимъ первенствующаго значенія въ жизни. Любовь играетъ рѣшающее значеніе въ его судьбѣ, и въ этомъ отношеніи онъ очень сродни герою „Дневника лишняго человѣка“. Самъ Лаврецкій очень хорошо понимаетъ роковую роль для себя этого чувства, когда говоритъ: „на женскую любовь ушли мои лучшіе годы“, имѣя въ виду свой печальный бракъ съ Варварой Павловной. Новая любовь, когда онъ сближается съ Лизой, возрождаетъ все его существо, но стоило ему только потерпѣть и здѣсь неудачу, какъ онъ считаетъ всю свою жизнь разбитой.

Итакъ, драматизмъ его положенія заключается уже не въ борьбѣ съ собственнымъ безсиліемъ, а въ столкновеніи съ такими понятіями и правами, съ которыми борьба дѣйствительно устранитъ самого энергичнаго и смѣлаго человѣка. Онъ женатъ, и отступился отъ своей жены; но онъ полюбилъ чистое, свѣтлое существо, воспитанное въ такихъ понятіяхъ, при которыхъ любовь къ женатому человѣку есть ужасное преступленіе. А, между тѣмъ, она его тоже любитъ, и его притязанія могутъ безпрерывно и страшно терзать ея сердце и совѣсть. Надъ такимъ положеніемъ поневолѣ задумаешься

горько и тяжело, и мы помнимъ, какъ болѣзненно сжалось наше сердце, когда Лаврецкій, прощаясь съ Лизой, сказалъ ей: „ахъ, Лиза, Лиза! какъ бы мы могли быть счастливы“, и когда она, уже смиренная монахиня въ душѣ, отвѣтила: „вы сами видите, что счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога“, и онъ началъ было: „да, потому что вы...“ и не договорилъ. Неподготовленность къ жизненной дѣятельности—другая типическая черта Лаврецкаго. Онъ сравнительно рано, въ молодые годы, сознаетъ пробѣлы своего воспитанія и усердно принимается пополнять ихъ. Для этой цѣли онъ въ 25 лѣтъ поступилъ въ университетъ, и въ первые, счастливые годы супружеской жизни опять принимается за самообразованіе и полъ дня сидитъ за книгами и тетрадями. Тургеневъ, къ сожалѣнію, не указалъ намъ, что это были за книги, и мы не можемъ сказать, подъ какими вліяніями создавалось міровоззрѣніе Лаврецкаго, но нѣкоторыя черты его опредѣленно отмѣчены авторомъ и какъ нельзя болѣе характерны для „лишнихъ людей“.

Онъ весь проникнутъ благородными порывами, настроеніями, онъ даже ушелъ сравнительно съ Рудинымъ впредъ, ибо постоянно занятъ мыслями о живой дѣятельности: въ Парижѣ, напримѣръ, посѣщая лекціи и занимаясь переводомъ одного ученаго сочиненія, онъ все думаетъ о томъ, какъ вскорѣ вернется въ Россію и примется за дѣло; тѣ же мысли посѣщаютъ его по возвращеніи на родину. Но Тургеневъ не даромъ замѣчаетъ, что Лаврецкій врядъ-ли сознавалъ, въ чемъ собственно состояло дѣло, указывая этимъ на туманность и неопредѣленность Лаврецкаго воззрѣній, если только дѣло касалось практическаго примѣненія ихъ къ жизни. Его душа, какъ у Рудина, исполнена благодарныхъ порывовъ, но нѣтъ у него строго продуманнаго, разработаннаго на основаніи близкаго знакомства съ родной жизнью, плана дѣйствій, у него „мечты, но не думы“. Однако къ концу романа Лаврецкій нашелъ, наконецъ, точку приложенія своихъ силъ и „имѣлъ право быть собою до-

вольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно, хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился: „пахать землю, и старался какъ можно лучше ее пахать“ и трудился, не для одного себя; онъ, насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ быть своихъ крестьянъ“. Въ этой незамѣтной, но плодотворной дѣятельности для блага другихъ Лаврецкій нашелъ себѣ замѣну минутнаго счастья, нашелъ душевное успокоеніе и примиреніе съ жизнью. Но эта новая дѣятельность, удовлетворившая духовно Лаврецкаго, не возродила всего его существа.

Въ эпилогѣ Тургеневымъ представлена картина новой молодой жизни, шумно празднующей праздникъ весны своей; она навѣваетъ на Лаврецкаго и вмѣстѣ съ нимъ и на читателя тихія „Здраствуй, грустныя думы на тему: „здраствуй, одинокая старость! Догоряй безполезная жизнь!“ Изъ этихъ словъ ясно, что онъ сознаетъ себя непригоднымъ къ жизненной борьбѣ и добровольно уступаетъ мѣсто молодому поколѣнію, которому „надобно дѣло дѣлать, работать“. Для этого дѣла, работы, онъ, какъ и Рудинъ, не годится, онъ такой же „лишній человѣкъ“, какъ и разсмотрѣнные выше его современники. И среди этихъ думъ витаетъ въ туманѣ образъ чистой дѣвушки, ушедшей отъ жизни, обрекшей себя на суровый подвигъ подвижничества, — и все та же мечта согрѣваетъ умиленную душу читателя. Послѣднія строки, кротко и глухо разсказывающія о посѣщеніи Лаврецкимъ того монастыря, гдѣ постриглась Лиза, являются послѣдними, замирающими звуками дивной симфоніи, озаглавленной „Дворянское гнѣздо“.

Поглощенный всецѣло выясненіемъ своихъ личныхъ отношеній къ обществу, Лаврецкій упустилъ изъ виду свои отношенія къ женѣ и къ окружающимъ его близкимъ людямъ, оставляя ихъ совершенно безъ всякаго вниманія и въ результатѣ получается полное отчужденіе отъ жены, непониманіе ея интересовъ, ея внутренней жизни. Такимъ образомъ, Лаврецкій, до извѣстной степени, является виновнымъ происшедшей катастрофы ме-

жду нимъ и женою. Погрузясь совершенно въ книги, Лаврецкій не руководилъ своею женою, не воспиталъ ее не слился съ ней духовно, не приблизилъ ее даже духовно къ себѣ, не сдѣлалъ даже ни малѣйшей попытки къ этому духовному сближенію. Въ личности мужа Варвара Павловна не нашла никакой поддержки; онъ не обогатѣлъ ея душу ни чѣмъ: ни новыми чувствами, ни мыслями. Всѣ сокровища человѣческаго ума и знанія Лаврецкій черпалъ изъ книгъ для себя исключительно; общественные интересы, жажда пріобрѣсти знанія, чтобы пополнить свое образованіе и быть полезнымъ для своего общества, взяли у Лаврецкаго верхъ надъ семейными интересами; жена все время оставалась въ сторонѣ и незамѣтно случилось и должно было неизбѣжно случиться, что между супругами еще до роковой катастрофы, легла невидимая, но трудно преходимая пропасть. Лаврецкаго всецѣло поглотили интересы общественные, его жену — интересы чисто эгоистическаго характера. Отчужденіе супруговъ и невидимый разладъ начался немедленно, какъ только пылкое и страстное чувство Лаврецкаго, еще юноши получило удовлетвореніе въ бракѣ съ любимой женщиной и въ сознаніи, что ея красота принадлежитъ ему. Однако однѣми физическими ласками привязать культурную женщину къ себѣ мужчина не можетъ, а Лаврецкій этого не сообразилъ, а поддержать и развить привязанность и любовь жены къ себѣ чѣмъ нибудь другимъ, Лаврецкій не сумѣлъ и не думалъ даже объ этомъ, предполагая, что разъ женщина связана съ мужчиной узами брака, то ужъ все будетъ въ порядкѣ и опасаться чего либо нельзя. Въ этомъ и выразились, между прочимъ, недальновидность Лаврецкаго, его непониманіе дѣйствительности, своихъ ближайшихъ и важнѣйшихъ интересовъ. Конечно, этотъ промахъ слѣдуетъ поставить въ самую тѣсную зависимость отъ полученнаго Лаврецкимъ воспитанія и привитаго ему искусственнымъ образомъ пренебреженія къ женщинѣ и къ ея интересамъ. Такимъ образомъ, катастрофа въ жизни Ла-

врецкаго является прямымъ результатомъ уродливаго воспитанія. Однако, если въ отношеніяхъ семейныхъ Лаврецкій проявилъ полную несостоятельность и непониманіе дѣйствительности, то однако это еще не значитъ, что въ другихъ областяхъ жизни онъ былъ столь же безпомощенъ. — Когда дѣло коснулось общественныхъ сторонъ жизни, то Лаврецкій, напротивъ, проявляетъ значительную сознательность и энергію даже и въ дѣлахъ семейныхъ, онъ былъ достаточно активенъ, какъ скоро предъ его глазами открывалась очевидность. Вся бѣда состояла въ томъ, что Лаврецкій не видѣлъ, не замѣчалъ и не понималъ того, что говорится кругомъ него, но если какая нибудь случайность въ родѣ, напримѣръ, найденнаго любовнаго письма, открывала ему глаза и пробуждала въ немъ сознаніе, то онъ ужъ зналъ, что надо дѣлать и проявлялъ при этомъ достаточно воли, энергіи и рѣшительности. — Такъ именно случилось, когда Лаврецкій получилъ ясныя и несомнѣнныя доказательства невѣрности своей жены. Сознательность пробудилась въ немъ, и немедленно у него возникаетъ твердое и безповоротное рѣшеніе, какъ слѣдуетъ поступить съ женой. — Найденную записку Г-на Эрнеста онъ отправилъ къ женѣ со слѣдующимъ письмомъ: „Прилагаемая бумажка объяснитъ вамъ все. Кстати, скажу вамъ, что я не узналъ васъ: вы такая всегда аккуратная, роняете такія важныя бумаги. Я не могу больше васъ видѣть; полагаю что и вы не должны желать свиданія со мной.—Назначаю вамъ 15.000 франковъ въ годъ; больше дать не могу. Присылайте вашъ адресъ въ деревенскую контору. Дѣлайте, что хотите; живите, гдѣ хотите. Желаю вамъ счастья. Отвѣта не нужно.

Отправивъ съ такимъ содержаніемъ письмо къ женѣ, Лаврецкій немедленно уѣхалъ изъ Парижа въ Италію и оттуда послалъ распоряженіе своему деревенскому бурмистру принять всѣ дѣла по управленію имѣніемъ отъ отца Варвары Павловны, а его самого выселить и высылать ежегодно назначенную пенсію барынѣ по ука-

занному адресу. Быстрота и рѣшительность, съ которой Лаврецкій порвалъ всякую связь со своей женой и ея семьей, какъ только дѣло достигло его сознанія, показываютъ, что Лаврецкій обладалъ недюжинной волей, когда все у него было ясно передъ глазами, и страдалъ ея недостаткомъ, былъ нерѣшителенъ и слабъ, когда дѣло представлялось туманнымъ, когда сознаніе пробудилось не съ достаточной полнотой.

Лаврецкій рветъ всякую связь со своей женой; это стоитъ ему большихъ усилій, и онъ долго не можетъ примириться со случившимся, однако онъ не упрекаетъ ее, не дѣлаетъ ей сценъ, не бросаетъ ея на произволъ судьбы въ чужомъ городѣ, въ которомъ произошла катастрофа. Письмо его къ женѣ холодно, но вѣжливо; онъ назначаетъ ей 15.000 франковъ ежегодной пенсіи и даетъ полную свободу. Большой суммы дать ему не позволяютъ средства. Надо думать, что немного бы нашлось на бѣломъ свѣтѣ людей, которые, обезпечивъ свою невѣрную жену матеріально, дали бы ей полную свободу, не потребовавъ даже развода. — Въ этомъ поступкѣ Лаврецкаго обнаруживается одновременно его благородство и мягкость души; онъ ничего отъ жены не требуетъ, даже не вспоминаетъ о томъ, что своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ она пятнаетъ позоромъ его честное дворянское имя въ глазахъ всей Европы; никакихъ упрековъ, просьбъ, угрозъ съ его стороны не было; было напротивъ, 15.000 франковъ ежегодной пенсіи и полная свобода. Мягкость характера Лаврецкаго находится въ тѣсной связи съ его мечтательностью, чуткостью и довѣрчивостью. Мечтательность проявилась у Лаврецкаго въ своеобразной формѣ, именно въ любви къ музыкѣ; послѣдняя, какъ извѣстно, была изгнана отцомъ изъ воспитательной программы Лаврецкаго, но любовь къ музыкѣ сохранилась въ немъ; онъ глубоко чувствовалъ и понималъ ту именно музыку, въ которой выражалось неподдѣльное искреннее чувство; сцена съ Леммомъ, спустя полчаса послѣ свиданія Лаврецкаго съ Ли-

зой въ саду и объясненія съ ней доказываетъ сильное впечатлѣніе музыки на душу Лаврецкаго; онъ понялъ импровизацію старика Лемма и оцѣнилъ ее.

Несмотря на грубоватую внѣшность, на свою грандіозную фигуру и физическую силу, Лаврецкій отличался все же и значительною душевною чуткостью. Правда, она не проявилась въ отношеніи къ женѣ Варварѣ Павловнѣ, но съ особенной силой зато выразилась впослѣдствіи къ Лизѣ, а особенно въ сценѣ въ саду, когда Лаврецкій, руководимый какой то таинственной силой, приходитъ ночью въ садъ Калитиныхъ и почти какимъ то гипнозомъ заставляетъ Лизу выйти къ нему на свиданіе. Лаврецкій какъ бы предчувствовалъ, что это свиданіе будетъ роковымъ, что оно принесетъ ему и Лизѣ нѣсколько мимолетныхъ минутъ счастія и цѣлые годы обоимъ нестерпимаго душевнаго страданія. Чуткость его проявилась и раньше немного передъ тѣмъ, когда они оба, какъ бы сговорились встали и молча подсѣли къ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ, чувствуя безсознательную потребность быть другъ возлѣ друга. И въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Лаврецкаго по отношенію къ Лизѣ видно все таже чуткость его души. Онъ не пытается ее отговаривать отъ намѣренія поступить въ монастырь, хоть и знаетъ это, не утѣшаетъ ея, не докучаетъ безполезными разспросами и не вторгается въ ея внутренній міръ, понимая, что не имѣетъ на это права, а съ другой стороны, понимая и то, что горе Лизы не можетъ быть утѣшено, что говорить и дотрагиваться до больного мѣста столь же мучительно для него, какъ и для нея. Не желая причинять лишнихъ страданій любимой дѣвушкѣ, Лаврецкій молча покоряется ея волѣ и даже соглашается на примиреніе съ женой; съ такою же молчаливою довѣрчивостью относится Лаврецкій къ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ; онъ, напримѣръ, довѣрчиво изливаетъ передъ старушкой свое горе, все, что накопилось у него на душѣ за долгое время разлуки съ ней.

Воля, рѣшительность и энергія, соединенныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ сознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу и людямъ составляютъ главныя черты характера Лаврецкаго; къ нимъ безусловно слѣдуетъ также присоединить мягкость, мечтательность, чуткость и довѣрчивость. Таковымъ въ главнѣйшихъ чертахъ является духовный обликъ Лаврецкаго передъ глазами читателя „Дворянскаго гнѣзда“.

ВАРВАРА ПАВЛОВНА.

Варвара Павловна—совершенная противоположность Лизѣ въ нравственномъ отношенiи. Она является типомъ гулящей „россiянки". Торжествующiй образъ ея съ существенными чертами нарисованъ очень живо и ярко. Мы разсмотримъ этотъ правдивый отрицательный типъ и отмѣтимъ существенныя черты этой личности, выяснимъ въ силу какихъ причинъ выработался такой типъ. Трудно себѣ представить существо, съ болѣе заманчивой внѣшностью и съ большимъ безобразiемъ въ нравственномъ отношенiи и болѣе искушающее и раздражающее въ физическомъ смыслѣ. Варвара Павловна представляетъ собою порожденiе особеннаго рода сборной цивилизацiи. Въ Лаврецкой все перемѣшалось, соединилось и слилось: и молодость, и красота, и грацiя, и остроумiе, и нѣкоторый блескъ образованiя, но всѣ эти внѣшнiя отличительныя черты служили для нея прекраснымъ покровомъ духовнаго убожества. Она, какъ львица, недовольствуемая родной почвой отечества, побѣжала за границу, гдѣ арена для ея подвиговъ значительно расширяется. Во всемъ мiрѣ не существуетъ для нея какого либо обязательнаго правила, или же внутри ея не существуетъ и признака какого либо противорѣчiя все ясно и просто для нея, все побѣждено и покорено ею. Она не считается съ самыми благородными человѣческими стремленiями, какъ то: трудъ, честь, наука, искусство, семья, общество, общественное мѣсто, все

это для нея не имѣетъ никакого значенія. Варвара Павловна сама создала себя. Она точно такое же самородное, оригинальное явленіе русской жизни, какъ и Лизавета Михайловна, старается удовлетворить какія-то страстныя мечты, занимающія все ея внутреннее существо; для ихъ удовлетворенія Варвара Павловна ни передъ чѣмъ не останавливается; она считаетъ для себя дозволеннымъ все то, что можетъ привести ее къ намѣченной цѣли; нерѣдко она прибѣгаетъ не исключая наглости, къ лицемѣрію, эгоизму и обману. Все это происходитъ вслѣдствіе того, что она не имѣетъ понятія о добрыхъ нравственныхъ правилахъ жизни. Поэтому для достиженія своихъ цѣлей она дѣйствуетъ рѣшительно и смѣло, а иногда даже совсѣмъ открыто и побѣдоносно. Она равнодушно относится ко всему. По отношенію къ своей маленькой дочери Адочкѣ, Лаврецкая не выражаетъ истинно нѣжнаго материнскаго чувства. Забота о ребенкѣ ограничивается, главнымъ образомъ, тѣмъ, чтобы одѣвать ребенка въ кружевныя платья, какъ какую то куклу. Варвара Павловна была женщина легкомысленная и нуждалась въ надежномъ руководствѣ. Съ самаго начала она сознавала свою ошибку; она вернулась къ Лаврецкому и просила у него прощенія, но примиренія не произошло. Это обстоятельство до нѣкоторой степени оправдываетъ Лаврецкую. Прельщенный красотой Варвары Павловны Лаврецкій не обратилъ вниманіе на ненормальность нѣкоторыхъ явленій со стороны его невѣсты, которая настояла, чтобы онъ покинулъ университетъ и закупилъ приданое и даже подарки жениховы. Мало этого, мы видимъ затѣмъ молодыхъ супруговъ въ Петербургѣ, гдѣ они завели много знакомствъ, давали вечера, на которыхъ пребывали гости высшаго и средняго класса. Когда же Лаврецкіе очутились въ Парижѣ, то Варвара Павловна и тутъ быстро завела знакомство. Сперва къ ней ѣздили русскіе, а потомъ стали появляться и французы. Лаврецкій, конечно, видитъ все что происходитъ въ его домѣ. Если бы онъ

ей сдѣлалъ хоть разъ замѣчаніе, то навѣрное Варвара Павловна не дошла бы до того, что ее вскорѣ постигло. Между тѣмъ какъ Лаврецкій усидчиво работаетъ у себя въ кабинетѣ, его жена дѣлится чувствами и мыслями со своими знакомыми французами. Послѣднее обстоятельство до нѣкоторой степени оправдываетъ Варвару Павловну, которая свѣтскія удовольствія ставила выше образованія и вообще духовныхъ интересовъ, а потому нисколько не удивительно, если первоначальныя знакомства толкаютъ ее на край бездны. Если бы Лаврецкій имѣлъ со своей женой какія либо объясненія, и это не помогло бы, то вся вина обрушилась бы на Варвару Павловну. Много лицъ поверхностно смотрятъ на жизнь, но стоитъ ихъ убѣдить въ неправильности такого взгляда и они поддаются инымъ вѣяніямъ. Варвара Павловна же, предаваясь удовольствіямъ и никѣмъ не останавливаемая, катится какъ шаръ по наклонной плоскости. Роковое письмо француза Эрнеста попадаетъ въ руки Лаврецкаго, который не сразу его понялъ. Онъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ. Лаврецкій, надо полагать, былъ увѣренъ, что онъ имѣетъ право требовать вѣрности отъ своей супруги. Надо было Лаврецкому обратить вниманіе на то, что жена его была еще неопытна; она недавно вышла изъ института, гдѣ отъ нея скрывалась почти вся дѣйствительная жизнь, а потому ей трудно было устоять въ борьбѣ съ широко распространеннымъ въ мірѣ зломъ. Вообще Лаврецкій не изучилъ поближе своей супруги, но увлекшись ея красотой и вообще блестящей внѣшностью, не рѣшился заглянуть въ тайники ея души. Въ этомъ отношеніи Варвара Павловна заслуживаетъ оправданія, и вина падаетъ на Лаврецкаго. Если бы Лаврецкій искалъ въ своей женѣ товарища и друга, а не увлекался только ея красотой, то, можетъ быть, Варвара Павловна не пала бы такъ низко и осталась на высотѣ своего женскаго величія. Однако печальный фактъ произошелъ: жена измѣнила. Варвара Павловна, предпочла

мужу „Бѣлокурова, смазливаго мальчика, съ вздернутымъ носикомъ и тонкими усиками, едва ли не самаго ничтожнаго изъ всѣхъ своихъ знакомыхъ“.

Лаврецкій ничего не предпринимаетъ для спасенія своей супруги и своей собственной чести. Спустя нѣсколько дней Лаврецкій вернулся въ Парижъ и послалъ Варварѣ Павловнѣ записку г-на Эрнеста съ слѣдующимъ письмомъ: „Прилагаемая бумажка вамъ объяснитъ все.— Кстати скажу вамъ, что я не узналъ васъ: вы такая всегда аккуратная, роняете такія важныя бумаги. Я не могу больше васъ видѣть; полагаю, что и вы не должны желать свиданія со мною. Назначаю вамъ 15.000 франковъ въ годъ; больше дать не могу. Посылайте вашъ адресъ въ деревенскую контору. Дѣлайте, что хотите; живите, гдѣ хотите. Желаю вамъ счастья. Отвѣта не нужно“. Лаврецкій, очутившись въ такомъ положеніи, сдѣлалъ очень мало и оказался малодушнымъ и слабымъ. Онъ не имѣлъ права такъ равнодушно относиться къ столь важному явленію въ ихъ жизни.

Вся суть дѣла заключается въ томъ, что онъ ужъ о женѣ пересталъ думать, а всецѣло думалъ о себѣ, и тутъ рѣзко обнаруживается холодный эгоизмъ. Хотя „Лаврецкій написалъ, что не нуждается въ отвѣтѣ... но онъ ждалъ, онъ жаждалъ отвѣта, объясненія этого непонятнаго, непостижимаго дѣла. Варвара Павловна въ тотъ же день прислала ему большое французское письмо. Оно его доконало; послѣднія его сомнѣнія исчезли, — и ему стало стыдно, что у него оставались еще сомнѣнія. Варвара Павловна не оправдывалась: она желала только увидать его, умоляла не осуждать ея безвозвратно. Письмо было холодно и напряженно, хотя кой гдѣ виднѣлись пятна слезъ“. Послѣднія слова письма, до нѣкоторой степени оправдываютъ поступокъ Вѣры Павловны, которая, надо полагать, много страдала и испытывала тяжкія угрызенія совѣсти, въ то время какъ ея мужъ уже рѣшилъ прервать съ нею всякія сношенія. Въ этомъ скорѣе виноватъ самъ Лаврецкій съ его „бѣшеннымъ неу-

кротимымъ порывомъ", съ его письмомъ, чѣмъ Варвара Павловна.

Лаврецкій даже не подумалъ, что необходимо хоть разъ объясниться съ женой, но послѣ перваго ея письма уже оставилъ шумный Парижъ.

Въ судьбѣ Варвары Павловны виноваты также ея родители, ничего не предпринявшіе для своей единственной дочери, о розрывѣ которой съ Лаврецкимъ знали. Разставшись съ мужемъ Варвара Павловна опускалась все ниже и ниже и въ концѣ концовъ стала „извѣстностью". Что касается ея дальнѣйшей судьбы, то объ этомъ нѣтъ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что черезъ нѣкоторое время она пріѣхала въ губернскій городъ, гдѣ проживалъ ея мужъ, но это была уже совсѣмъ другая женщина, сдѣлавшаяся „львицей", и ставша мстительной и ядовитой личностью. Варвара Павловна является жертвой извѣстной обстановки и своей личной невоспитанности; и кромѣ того, эта героиня можетъ служить живымъ урокомъ для лицъ ошибочно думающихъ, что вполнѣ достаточно быть одареннымъ отъ природы душевными качествами, чтобы и безъ надлежащаго воспитанія быть хорошимъ и нравственнымъ человѣкомъ.

ПАНШИНЪ.

Паншинъ не служитъ никакому дѣлу не преданъ никакой идеѣ, не выработалъ себѣ никакого твердаго, дорогого убѣжденія. Онъ стремится прожить весело и спокойно, нравиться окружающимъ людямъ, рисоваться передъ ними разнообразными дарованіями и чистотою нравственныхъ правилъ, возбуждать ихъ изумленіе и благоговѣніе вычитанною и кстати приведенною мыслію. Вообще онъ задается цѣлью какими-бы то ни было путями достигнуть подъ старость высокаго чина и обезпеченнаго состоянія. Этой цѣли Владимиръ Николаевичъ навѣрное достигнетъ, потому, что онъ человѣкъ умный, не настолько безнравственный, чтобы въ состояніи былъ оскорбить какою-нибудь продѣлкою даже самое чуткое общественное мнѣніе, и не настолько благородный, чтобы всею душою принять какое-нибудь убѣжденіе и ради идеи пожертвовать карьерою и временными выгодами. Паншинъ умный, но сухой человѣкъ, примѣняющій и идеи и высшія стремленія къ мелкимъ выгодамъ своего я. Онъ тщательно скрываетъ отъ всѣхъ другихъ свой узкій эгоизмъ. Онъ рисуется и постоянно играетъ роль. Иногда онъ разыгрываетъ изъ себя государственнаго человѣка, заботящагося о нуждахъ народа и горячо принимающаго къ сердцу все, что можетъ упрочить благосостояніе народа и содѣйствовать его развитію. Въ этомъ случаѣ пылкія и вдохновенныя рѣчи Владимира Николаевича отличаются преобладаніемъ самоувѣренно-

стью т. е. незнаніемъ истиннаго дѣла, незнаніемъ народнаго характера и народной жизни. Иногда-же онъ воображаетъ себя художникомъ и, съ видомъ знатока, кладетъ широкіе штрихи на единственный ландшафтъ, который рисуетъ всѣмъ знакомымъ въ альбомъ, умно говоритъ о Шекспирѣ и Бетховенѣ, съ чувствомъ поетъ романсъ. Леммъ, истинный художникъ по чувству и спеціалистъ своего дѣла по знаніямъ, вѣрно угадываваетъ неискренность Паншина и правдиво говоритъ, что Владиміръ Николаевичъ неспособенъ всего понимать и глубоко чувствовать. Наконецъ, Паншинъ иногда является добрымъ и откровеннымъ малымъ, который безъ всякихъ расчетовъ способенъ увлекаться минутными порывами, поддающимся мимолетнымъ впечатлѣніямъ и спобнымъ по живости и безпечности характера надѣлать глупостей и поставить себя въ затруднительное и неловкое положеніе. Въ данномъ случаѣ притворство Паншина, обнаруживается тѣмъ, что онъ является на словахъ добрымъ и простымъ малымъ, а на дѣлѣ держитъ себя самымъ политическимъ образомъ. Онъ шутитъ и позволяетъ себѣ вольности, но настолько, насколько можно; онъ никогда не забывается. Шутки его ѣдки и колки, а потому иногда оскорбляютъ личности. Онъ шутитъ исключительно только съ беззащитными людьми, съ тѣми, кто стоитъ ниже его, или съ тѣми, кто не пойметъ ее за чистую монету. Паншинъ сознательно никогда не лжетъ, играя свои роли; онъ самъ увѣренъ, что онъ и артистъ, и администраторъ, и славный малый. Потому онъ чрезвычайно доволенъ самъ собою вообще и каждымъ изъ своихъ прекрасныхъ качествъ въ особенности; Паншинъ прямо искусный актеръ, увлекающійся своею ролью и забывающій дѣйствительность. Дѣйствительности своей онъ собственно и не сознаетъ: вѣчно рисуясь и передъ другими и передъ собою, онъ не успѣлъ возвысится до безпристрастнаго размышленія надъ самимъ собою и никогда не задавалъ себѣ существеннаго вопроса: чѣмъ онъ долженъ быть, и что онъ на са-

момъ дѣлѣ. Паншинъ напоминаетъ въ нѣкоторомъ родѣ Молчалина и Чичикова. Онъ приличнѣе ихъ обоихъ и несравненно умнѣе перваго. По внутреннимъ свойствамъ души, онъ ничѣмъ не лучше обоихъ своихъ предшественниковъ: цѣль жизни у нихъ одинакова; все различіе заключается только во внѣшнемъ образованіи, да во внѣшней обстановкѣ. Такихъ людей создаетъ наше общество, оно воспитываетъ ихъ съ малыхъ лѣтъ въ своихъ салонахъ или канцеляріяхъ; оно потворствуетъ имъ своимъ благоволеніемъ и позволяетъ имъ достигнуть желанной цѣли, ежели они идутъ къ ней осторожно и прилично, не производя скандала и не марая себя вопіющею безнравственностью. Въ Романѣ Тургенева Паншинъ представленъ въ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ минутъ своей жизни: онъ любитъ достойную дѣвушку, но эти свѣтлыя минуты его жизни омрачаются тѣмъ, что онъ любитъ дѣвушку очень богатую, дѣвушку, которая во всѣхъ отношеніяхъ представляется ему приличною, блестящей партіей.

Кромѣ того, онъ продолжаетъ рисоваться передъ любимой дѣвушкою во все продолженіе романа; онъ рисуется торжественною важностью, когда дѣлаетъ предложеніе, рисуется мрачнымъ спокойствіемъ, когда впослѣдствіи получаетъ отказъ. Чувство во все продолженіе дѣйствія не вызвало у него ни одного живого, задушевнаго, нерасчитаннаго слова. И наконецъ онъ не помнилъ, и не зналъ любимой дѣвушки; разговоръ ихъ вертѣлся въ общихъ сферахъ музыки, живописи, поэзіи. Онъ говорилъ о нихъ, какъ дилетантъ и свѣтскій человѣкъ.

Она слушала его вполнѣ равнодушно и отвѣчала прилично, въ ихъ бесѣдѣ никогда небыло одушевленія, небыло и откровенности. Зная одну наружность дѣвушки и довольствуясь этимъ знаніемъ, онъ не могъ любить сильно; въ тотъ самый день, когда неблагопріятно рѣшилась его судьба, онъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ пѣлъ, игралъ въ карты и велъ пустой разговоръ съ женщиною, не заслуживавшею ни уваженія, ни сочувствія развитого человѣка.

МИХАЛЕВИЧЪ.

Пріѣздъ Михалѣвича къ Лаврецкому одно изъ лучшихъ мѣстъ романа, если только въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" есть лучшія мѣста, и не все одинаково прекрасно. Михалевичъ романтикъ, идеалистъ и поэтъ въ душѣ, онъ чуждъ всякихъ повседневныхъ земныхъ эгоистическихъ и своекорыстныхъ расчетовъ. Онъ никогда не былъ практическимъ человѣкомъ. Онъ вѣчно стремится къ возвышенной и благородной дѣятельности. Подобные ему люди никакого дѣла не сдѣлаютъ; но они будятъ жизнь, не даютъ ей покрыться плѣсенью и толкаютъ на дѣло тѣхъ, кто способенъ къ нему, кто можетъ работать. Люди подобные Михалевичу постоянно увлекаются, разочаровываются, и сейчасъ же увлекаются снова; но въ нихъ жизнь никогда не останавливается, вѣчно кипитъ горячимъ ключомъ.

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душою я сталъ:
И я сжегъ все, чему поклонялся
Поклонился всему, что сжигалъ.

Такими стихами опредѣляетъ Михалевичъ свою жизнь и свои увлеченія; и это опредѣленіе прекрасно и эти стихи обратились въ принцыпъ, что особенной характерно въ Михалевичѣ. Онъ стоически и вполнѣ добродушно, даже самъ того не замѣчая, переноситъ и бѣдность, и всякую невзгоду, и всякіе удары судьбы. — Онъ являлся къ Лаврецкому проѣздомъ, на нѣсколько часовъ, и между пріятелями сейчасъ-же за-

вязался споръ. Но споръ это не то, что споръ съ Паншинымъ, — онъ горячій и задушевный съ обѣихъ сторонъ. Отвлеченный человѣкъ, Михалевичъ лишь мимоходомъ въ двухъ словахъ, переговорилъ съ другомъ о житейскихъ обстоятельствахъ, его и своихъ, и сейчасъже ударился въ область общихъ идей. О себѣ онъ заявилъ, что онъ теперь человѣкъ „вѣрующій:“ „я попрежнему, сказалъ онъ, вѣрю въ добро, „въ истину, но я не только вѣрю, — я вѣрую теперь; да — я вѣрую, вѣрую“. И эта вѣра его такъ искренна и сильна, и въ то-же время такъ дѣтски наивна, увлеченія его такъ пламенны и крайни, что онъ мечтаетъ не о великомъ счастьѣ, а о томъ, чтобы дойти до фанатизма. Когда онъ упрекнулъ Лаврецкаго въ „вольтеріанствѣ“, тотъ отразилъ упрекъ восклицаніемъ: „Послѣ этого... я въ правѣ сказать, что ты фанатикъ“! „Увы! возразилъ съ сокрушеніемъ Михалевичъ,—я къ несчастью, ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія“.

Споръ Лаврецкаго и Михалевича замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Въ немъ обнаруживается слабая сторона Лаврецкаго. Конечно, ошибочны частыя обвиненія, которыя Михалевичъ щедрою рукою сыплетъ на своего друга, называя его и „разочарованнымъ“, и „эгоистомъ“, и „вольтерьявцемъ“, и „байбакомъ“, и „циникомъ“, и человѣкомъ, стремляющимся къ какому-то „самонаслажденію“; но въ общемъ смыслѣ обвиненій и обличеніи его есть правда, есть правда въ его призывахъ Лаврецкаго на дѣло: герой романа, при всемъ своемъ умѣ, при всемъ образованіи, при всемъ знаніи „на какую ножку нѣмецъ хромаетъ“, „что плохо у англичанъ и у французовъ“, — страдается, однако, нѣкоторой наклонностью къ апатіи, къ бездѣйствію и лѣни. Онъ самъ призналъ правду подобныхъ изобличеній. Проводивъ уѣхавшаго пріятеля и возвращаясь въ домъ, съ крыльца, на которомъ долго стоялъ, смотря на дорогу, Лаврецкій подумалъ: „А вѣдь онъ, пожалуй, правъ; пожалуй, что я байбакъ“.

И поэтъ отъ себя прибавляетъ про своего героя: „Многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли въ его душу, хоть онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ“. Кромѣ того споръ старыхъ друзей указываетъ на то, что какъ ни расходятся они повидимому во взглядахъ, въ строѣ своихъ мыслей, въ характерѣ и т. д., есть, тѣмъ не менѣе, между ними много и очень много общаго: романтикъ и мечтателъ Михалевичъ оказывается совершенно русскимъ человѣкомъ; а Лаврецкій — очень и очень причастнымъ къ тѣмъ западно-европейскимъ началамъ и вліяніямъ, которыми живетъ весь ими охваченный Михалевичъ: не даромъ они близки между собою и съ полуслова, съ полунамека, понимаютъ другъ друга.

Поэтъ говоритъ про ихъ споръ, что это былъ „одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на которые способны только русскіе люди. Съ оника, послѣ долголѣтней разлуки, проведенной въ двухъ различныхъ мірахъ... заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ, — и спорили, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ“.

А когда накричались они до-сыта, и утомились, когда перестали состязаться они „еще болѣе часа бесѣдовали“, и голоса ихъ не возвышались болѣе, и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

Михалевичъ — такой-же простой и добрый русскій человѣкъ, какъ и Лаврецкій.

ЛЕММЪ.

Трогательный образъ несчастнаго нѣмца—это одна изъ счастливѣйшихъ находокъ Тургенева. Это—образъ, который и самъ по себѣ, независимо отъ его роли по отношенію къ Лизѣ имѣетъ большую художественную цѣнность. Представляя собою ярко выраженную живую индивидуальность, Леммъ въ то же время воплощаетъ въ себѣ положительные типическіе черты германскаго племени. Сразу завоевывая всѣ симпатіи читателя, вызывая въ немъ очень сложное чувство, смѣшанное изъ уваженія, удивленія и жалости, Леммъ силою своего творческаго геня даетъ читателю музыкальное истолкованіе души Лизы. Для выясненія читателю любви Лизы поэтъ избралъ именно Лемма, онъ заставилъ старика-нѣмца подмѣтить чувство Лаврецкаго и выяснить въ чудесной вдохновенной симфоніи внутренное настроеніе, которое было въ душѣ Лаврецкаго послѣ объясненія съ Лизой въ саду, послѣ перваго и послѣдняго поцѣлуя. Лаврецкій шелъ по улицамъ города, наслаждаясь блаженствомъ и думалъ: „Исчезли, прошедшее, темный призракъ........ она меня любитъ, она будетъ моя“, и „вдругъ ему почудилось, что въ воздухѣ, надъ его головою, разлились какіе-то дивные торжествующіе звуки, и въ нихъ казалось говорило и пѣло его счастье“.

Звуки неслись изъ квартиры Лемма. „Давно я не слыхалъ ничего подобнаго: сладкая, страстная мелодія съ перваго звука охватывала сердце; она вся сіяла, вся то-

милась вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою; она росла и таяла, она касалась всего, что есть на землѣ дорогого, тайнаго, святого; она дышала безсмертной грустью и уходила умирать въ небеса. Лаврецкій выпрямился и стоялъ похолодѣлый и блѣдный отъ восторга. Эти звуки такъ и впивались въ его душу, только что потрясенную счастьемъ любви; они сами пылали любовью".

„Это удивительно, сказалъ Леммъ, что вы именно теперь пришли; но я зная, все знаю".

„Вы все знаете", произнесъ съ смущеніемъ Лаврецкій. „Вы меня слышали, возразилъ Леммъ, развѣ вы не поняли, что я все знаю".

Превосходно въ романѣ „Дворянское гнѣздо" Тургеневъ изобразилъ старика Лемма: это одна изъ самыхъ художественныхъ фигуръ, когда-либо нарисованныхъ Тургеневымъ. Бѣдный, несчастный музыкантъ, заброшенный суровою судьбою на чужбину старикъ, много вытерпѣлъ всякаго рода невзгодъ и сжился, ушелъ въ себя, сталъ необщительнымъ и суровымъ, но подъ грубой внѣшностью въ непривлекательной его фигурѣ таился свѣтлый умъ, умѣющій хорошо понимать людей. Своимъ вдумчивымъ и серіознымъ умомъ, всей душой своей, полной глубокихъ музыкальныхъ идей и смѣлыхъ образовъ гармоній, онъ понялъ и прочувствовалъ идеальную сторону въ натурѣ Лизы, составляющую основаніе ея религіозности. Чутко и отзывчиво ловилъ онъ сокровенныя движенія ея души,—онъ узналъ и открылъ читателю, что это душа „прекрасна" и можетъ любить только „прекрасное".

Романтически влюбленный въ свою лучшую ученицу Лизу онъ ей посвящаетъ свою духовную кантату. „Только праведныя нравы" и чувство Лемма къ ней вдохновляетъ его на высокое художественное созданіе. Съ изумительнымъ искусствомъ рисуетъ Тургеневъ національныя черты въ его характерѣ: серіозность и ту смѣлость мысли, „которыя доступны одному германскому племени".

Авторъ прекрасно изобразилъ типы. Тѣ горькія минуты старика нѣмца, когда онъ тщетно пытается создать что-либо поэтическое, высокое, — и ему неудается.

Чудная симфонія Лемма, воспѣвающая счастье Лизы, осталась неизвѣстною Лизѣ. Это не даромъ: вдохновенная музыка нѣмца не передаетъ того, что происходило въ чистой душѣ Лизы. Самъ Леммъ при всей чистотѣ своей души не можетъ войти въ ту высшую область нравственнаго бытья, въ которой постоянно живетъ Лиза, — его не могутъ занимать тѣ высшіе вопросы, которые ее волнуютъ: онъ и не подозрѣвалъ объ извѣстіи про смерть жены Лаврецкаго, когда предавалъ въ своихъ чудныхъ звукахъ его счастье.

Когда Лаврецкій везетъ Лемма къ себѣ въ деревню гостить, то старикъ подъ впечатлѣніями звѣзднаго неба, „всѣхъ обояній дороги, весны и ночи“ размечтался о музыкѣ, о поэтическихъ словахъ для своего будущаго романса. Но Лаврецкій неожиданно охлождаетъ его скептическимъ вопросомъ:

„Прекрасную вы написали музыку на Фридолини, Христофоръ Ѳедоровичъ, промолвилъ онъ громко: — а какъ вы полагаете, этотъ Фридолинъ, послѣ того, какъ графъ привелъ его къ женѣ, вѣдь, онъ тутъ то сдѣлался ея любовникомъ, — а“.

Леммъ не выдержалъ и разсердился: — это вы такъ думаете, возразилъ (онъ), потому, что, вѣроятно, опытъ …….. и старикъ „вдругъ умолкъ и въ смущеніи отвернулся“.

МАРѲА ТИМОѲЕЕВНА.

Не трудно видѣть, что Марѳа Тимоѳеевна для фабулы романа существеннаго значенія не имѣетъ, однако присутствія ея нельзя было бы исключить, не нарушивъ художественности произведенія. Въ особенности она имѣетъ громадное значеніе для Лизы, которая безъ Марѳы Тимоѳеевны не была бы дорисована и до половины.

Марѳа Тимоѳеевна съ первыхъ же страницъ романа подкупаетъ читателя своимъ умомъ, прямотою, независимостью характера, самою рѣзкостью своихъ сужденій о людяхъ, такъ какъ она — превосходный типъ энергичной, умной барыни — старушки. Она по природѣ любитъ въ человѣкѣ молодость и достоинство. У ней нравъ независимый. Всѣмъ она говоритъ правду въ глаза, за что и слыветъ „чудачкой". Лизина мать не любитъ ее, но побаивается ея насмѣшекъ. Зато Лиза только съ бабушкой одной въ семьѣ и сходится до нѣкоторой степени. Она несомнѣнно должна была имѣть большое вліяніе на нее, и это вліяніе, конечно, было весьма благотворно. Но вотъ тутъ то и вырисовывается вся сила самобытной религіозности Лизы.

Умная старушка хорошо знаетъ какъ набожна Лиза, и ей хотѣлось бы, чтобы ея любимица была въ этомъ отношеніи не такъ исключительна. Ее даже пугаетъ слишкомъ большое, необычайное въ дворянскихъ гнѣздахъ религіозное рвеніе Лизы.

Сперва она приписывала это вліяніе Агафіи, но вскорѣ должна была убѣдиться, что основы этой страстной религіозности глубоко лежать въ самой натурѣ ея питомицы.

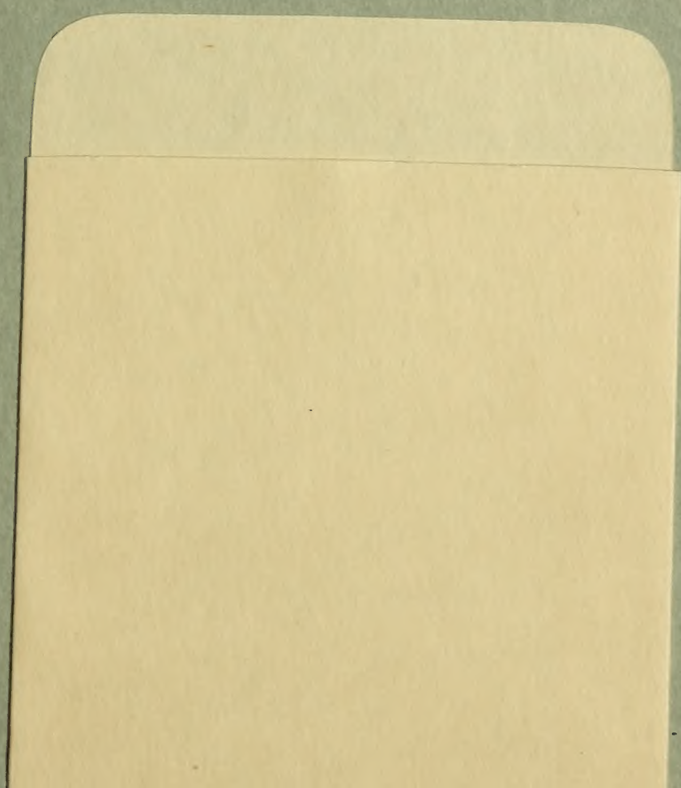
И это открытіе было для Мароы Тимоѳеевны источникомъ заботъ и опасеній. Она предчувствовала здѣсь возможность разныхъ, пока невѣдомыхъ, опасностей для Лизы. Онѣ были ей непоняты потому, что сама Мароа Тимоѳеевна была натурою иного рода,—религіозною въ обыкновенномъ смыслѣ той умѣренной, пассивной религіозности, какая свойственна большинству людей. Она вѣрила, ходила въ церковь, исполняла обряды, потому что такъ дѣлали отцы и дѣды, но ничего мистическаго не было въ ея натурѣ, и поэтическая сторона религіи была ей чужда.

Онѣ сошлись бы съ нею еще больше, если бы въ бабушкѣ тоже не было кое-какихъ проявленій барскаго своеволія. Рѣчь Мароы Тимоѳеевны суха и рѣзка; но такъ искусно выдержана эта личность авторомъ, что читатель не обращаетъ вниманія на эту внѣшнюю грубость: ему по душѣ откровенное, честное, сердечное слово старушки.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ продаются сочиненія того же автора:

И. С. Тургеневъ — 2-ая часть	Цѣна	— руб.	65	коп	
Н. В. Гоголь — СПБ. 1909 г.	„	1	„	—	„
А. С. Пушкинъ — СПБ. 1909 г.	„	1	„	—	„
М. Ю. Лермонтовъ — СПБ. 1909 г.	„	1	„	—	„
И. Гончаровъ — СПБ. 1909 г.	„	—	„	80	„
Ал. Толстой и Майковъ — СПБ. 1909 г.	„	1	„	—	„
Островскій — СПБ. 1909 г.	„	—	„	75	„

Duke University Libraries
D02365656X